

ЭЛИСОН УЭЙР

ВЕЛИКИЕ
ЖЕНЩИНЫ
В ИСТОРИИ

КОРОЛЕВА СЕКРЕТОВ

РОМАН
ОБ АННЕ КЛЕВСКОЙ

Эта захватывающая история звучит
еще долго после того, как прочитана
последняя страница.

Publishers Weekly

Шесть королев Тюдоров

Элисон Уэйр

**Королева секретов.
Роман об Анне Клевской**

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэйр Э.

Королева секретов. Роман об Анне Клевской / Э. Уэйр —
«Азбука-Аттикус», 2019 — (Шесть королев Тюдоров)

ISBN 978-5-389-19724-4

Недавно овдовевший Генрих VIII, собравшись в очередной раз жениться, решает взять в жены немецкую принцессу Анну Клевскую, которую никогда раньше не видел. Анна, не обладающая ни красотой, ни прочими женскими достоинствами, не вызывает у любвеобильного короля пылких чувств, но, руководствуясь государственными интересами, он все же вступает с ней в брак. Вскоре внимание Генриха VIII привлекает одна из фрейлин Анны, и король начинает искать повод для развода. В довершение всех бед одинокая, непризнанная двором королева должна скрывать секреты, которые могут стоить ей жизни. Обвинит ли король Анну в прелюбодеянии, как несчастную Анну Болейн? Или с позором отправит домой? «Королева секретов. Роман об Анне Клевской» – это четвертая книга популярного автора и известного историка Элисон Уэйр, решившей создать драматическую серию, посвященную шести женам короля Генриха VIII. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19724-4

© Уэйр Э., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Часть первая. Принцесса Клевская	7
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	50
Часть вторая. Королева Англии	59
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Элисон Уэйр

Королева секретов.

Роман об Анне Клевской

Alison Weir
Anna of Kleve. Queen of Secrets

© 2019 Alison Weir

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

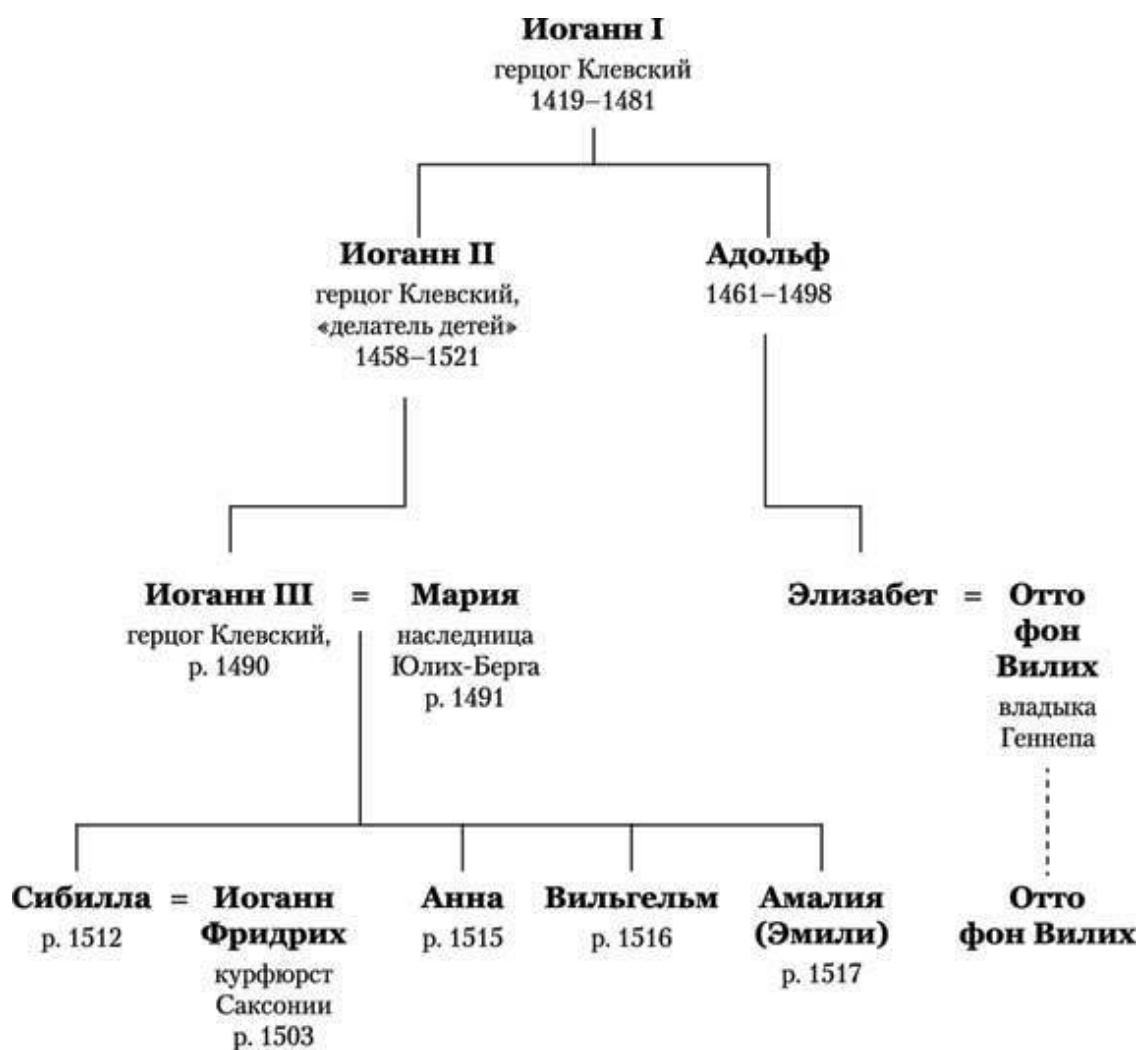
Джону и Джо с любовью, а также Энн с благодарностью за щедрую помощь

1539

Англия. Дом Тюдоров

Клебе. Дом Ламарков

Часть первая. Принцесса Клевская

Глава 1

1530 год

Анна смотрела из окна гейтхауса¹ на катившую вниз карету. Девушка радовалась, что на ней красивое новое шелковое платье, и понимала, чего ждут от нее родители. В четырнадцать лет она должна была знать все домашние премудрости и уметь произвести впечатление на гостей своими добродетелями.

Каждое лето отец, известный подданным как герцог Иоганн III, перебирался с женой и детьми сюда, в Шваненбург – огромный дворец, построенный на крутом каменистом холме, который возвышался над могучим Рейном и славным городом Клеве. Сегодня к ним ненадолго приехали погостить дядя Отто фон Вилих, добродушный владыка Геннепа, и тетя Элизабет, никому не позволявшая забывать, что она дочь герцога Иоганна I. Они наверняка везли с собой Отто, дядинного побочного сына. Хотя двор Клеве имел репутацию места, где строго блюдают правила морали, бастардам здесь не отказывали в милостях. Дед Анны со стороны матери, герцог Иоганн II, имел тридцать шесть незаконнорожденных детей; не зря его прозвали «делатель детей». Умер он, когда Анне было шесть лет, так что помнила она его весьма смутно, тем не менее живые подтверждения дедовской необузданной плодовитости встречались ей при дворе и в домах клевской знати на каждом шагу. Казалось, она в родстве почти со всеми в находившихся под властью отца объединенных герцогствах и графствах Клеве, Марк, Юлих, Берг, Равенсберг, Зютфен и Равенштайн.

Герцог Иоганн, как обычно, был одет роскошно, когда вышел приветствовать гостей, карета которых подкатила к гейтхаусу. Темные волосы коротко подстрижены, челка и борода аккуратно расчесаны, мощная фигура облачена в алый дамаст. Анна смотрела на отца с восторгом. Да, герцог любил покрасоваться, выставить напоказ свое величие. По распоряжению Иоганна его жена и дети надели дорогие шелка и украсили себя золотыми цепями. Анна стояла в одном ряду с младшими братом и сестрой, Вильгельмом и Амалией, которую в семье любовно называли Эмили.

Отцу и матери не пришлось напоминать детям, что нужно поклониться, так как придворные правила вежливости отпрыскам герцога внушали с колыбели. Не позволяли забывать и о том, что они были потомками королей Франции и Англии, а также кузенами великого императора Священной Римской империи Карла V, повелителя их отца. Сознание этого должно было проявляться во всех поступках детей.

Когда юный Отто фон Вилих ступил на землю, сердце Анны едва не остановилось. Ей этот внебрачный кузен, двумя годами старше ее, казался Божьим даром, снизошедшим на мостовую. О, как он был красив! Непослушные каштановые кудри и высокие скулы, точеный подбородок, полные губы и веселые глаза. Да, Отто был прелестен! Когда он приветствовал всех, выражая должное почтение хозяину и хозяйке, в нем почти не наблюдалось неуклюжести, свойственной молодым людям его возраста. Поклонившись Анне, он выпрямился, и улыбка его была такой милой, что сердце юной девы буквально разрывалось на части.

Анна была помолвлена, а значит, все равно что выдана замуж, в одиннадцать лет. Обращаясь к ней официально, люди называли ее мадам маркиза, потому что будущим супругом

¹ *Гейтхаус* — отдельно стоящие или соединенные с крепостной стеной ворота с надстроенными над ними жилыми и караульными помещениями. – *Здесь и далее примеч. перев.*

принцессы Клеве был Франциск, маркиз Понт-а-Муссон, старший сын Антуана, герцога Лорейнского. Жених и невеста никогда не встречались. Анна не видела даже портрета своего суженого, и хотя ей постоянно напоминали о ее великом предназначении, перспектива замужества казалась почти нереальной. Часть приданого уже была выплачена, и Анна ожидала, что свадьба состоится в этом году, как только Франциск достигнет брачного возраста – четырнадцати лет.

Она была слишком юна, чтобы выражать свою волю в момент помолвки. Ее согласие подразумевалось контрактом, который подписал отец. Анна беспрекословно приняла выбранного для нее мужа, так как ей с детства внушали, в чем состоит долг дочери герцога. Но теперь, видя Отто фон Вилиха, Анна впервые пожалела, что желания были высказаны за нее старшими. Глаз от чарующей улыбки юноши было не оторвать.

Пока Анна боролась с собой, силясь не выдать нескромных чувств, хотя мир вокруг нее рушился, отец вел гостей через Рыцарский зал. Его серьезное грубоватое лицо оживлялось, когда он показывал дяде Отто скульптуры.

– Говорят, этот зал был создан Юлием Цезарем, – заявил герцог Иоганн.

– Ах, какие здесь устраивали церемонии! Я их прекрасно помню, – отозвалась тетя Элизабет.

Они медленно шествовали через парадные залы. Анна ничего не замечала, кроме Отто, который шел рядом и не сводил с нее глаз.

– Мы обставили эти апартаменты на манер великолепных французских замков Луары, – похвалялся отец, обводя унизанной кольцами рукой красивую мебель и гобелены.

Анна заметила, как дядя и тетя обменялись завистливыми взглядами. Мать выглядела безмятежной. Все это великолепие было для нее чем-то вполне естественным, ведь она богатая наследница и принесла отцу обширные земли и титулы. Герцогиня Мария украшала собой двор Клеве по-королевски, но со скромностью, проявляя почтительность к супругу, как и подобает женщине. И она, и отец – оба были строги в соблюдении сложного этикета, установленного для герцогов Клеве их бургундскими предками. Уже почти сотню лет в том, что касается придворных манер и стиля, двор Бургундии задавал тон в христианском мире. Мать и отец перенимали новые идеи от великолепного французского двора, находившегося неподалеку, к западу от Клеве, а также из Италии, откуда новшества проникали на север благодаря заезжим визитерам, путешествовавшим по Рейну. Иногда Анна чувствовала, что отцовский двор на вкус матери был слишком утонченным и свободомыслящим; он казался гораздо более либеральным, чем двор Юлиха. Но мать никогда не критиковала происходящее в Клеве.

Когда они достигли личных апартаментов, подали вино, игристый «Эльблинг», который отцу регулярно доставляли вверх по реке с виноградников на Мозеле. Дядя Отто и тетя Элизабет с готовностью приняли кубки. Благо вечер еще не наступил: правила при дворе были строгие, и все вино, даже герцогское, гофмейстер, очень серьезно относившийся к своим обязанностям, запирали на ключ в девять часов.

Потягивая напитки из кубков тончайшего венецианского стекла, взрослые вели беседу, сперва довольно скованно, потом постепенно расслабляясь, а дети молча слушали. Анна ни на миг не забывала, что рядом с ней сидит Отто.

– У вашего отца чудесный дворец, – сказал он.

– Надеюсь, вам удастся познакомиться с ним получше. – Она почувствовала жалость к своему кузену, поскольку у Отто не было никакой надежды унаследовать приличный дом, хотя не его вина, что он родился бастардом. – Но я уверена, вам живется хорошо в Геннепе.

– Не так, как вам здесь, Анна, – ответил он и снова одарил ее обворожительной улыбкой, а она затрепетала, услышав из его уст свое имя. – Но мне повезло. Мой отец и мачеха относятся ко мне как к своему законному сыну. Ведь других детей у них нет, понимаете?

– А друзья у вас есть?

– Да, к тому же я учусь, и у меня очень добродушный наставник. Ведь мне придется самому прокладывать себе путь в жизни, может быть, на службе Церкви.

– О нет! – воскликнула Анна, не успев удержаться. – То есть вы могли бы иметь более счастливую жизнь, занимаясь чем-нибудь другим.

– Вы думаете об удовольствиях, которых я буду лишен, – усмехнулся Отто, и Анна зарделась. – Поверьте, я тоже о них думаю. Но у меня нет наследства, Анна. После смерти отца все перейдет моему кузену. Что еще мне остается?

– Мой отец найдет вам место здесь или доктор Олислегер, его главный советник. Я уверена!

– Как вы добры, Анна, – пробормотал Отто. Глаза их встретились, и она прочла в его взгляде ответ на все свои надежды. – Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем возможность остаться при дворе Клеве. Тогда я смог бы чаще видеть вас.

От его слов у Анны перехватило дыхание.

– Значит, я попрошу за вас, – пообещала она и заметила, что ее мать наблюдает за ними, слегка хмурясь.

Отец переключился на свою любимую тему, и герцогиня не сомневалась: скоро прозвучит имя Эразма. Великий ученый-гуманист был кумиром отца; герцог восхищался им, как никем другим, и советовался с ним по религиозным вопросам.

– Эразм говорит, Церковь – это не папа, епископы и клир, – произнес герцог Иоганн. – Это весь христианский люд.

Тетя Элизабет выглядела озадаченной, герцогиня сохраняла непроницаемое выражение лица. Анна знала, что в отношении религии мать с отцом не согласна. Набожная, словно монахиня, она, вероятно, внутренне морщилась, слыша, как о Святом отце, сидевшем в Риме, отзываются уничижительно, будто он какая-то мелкая сошка.

– Эразм проповедует всеобщий мир и терпимость, – продолжил отец, ничего не замечая. – Нет и не может быть более высокого идеала. Он вдохновляет меня жить так, как я живу, как управляю своим герцогством и своим двором, как воспитываю своих детей.

– Это высокий идеал, но опасный, – заметил дядя Отто. – Даже если Эразм и не имел такого намерения, он исподволь подстрекает людей к нападкам на Церковь. Отсюда один шаг до ереси Мартина Лютера.

– Лютер во многом говорит разумные вещи, – возразил отец. – В Церкви действительно творятся ужасные вещи, и она нуждается в очищении.

– Милорд запретил труды Лютера, – быстро проговорила мать.

– Да, дважды, – подтвердил герцог. – Но некоторые обвинения, выдвинутые им против Церкви, справедливы. Никто не должен платить священникам за отпущение грехов и спасение от Чистилища; неправильно, что князья Церкви живут в роскоши, когда наш Господь был простым плотником. Но отрицание пяти таинств – это уже чистая ересь.

– Ваш зять не согласился бы с этим, – сказал дядя Отто.

– Курфюрст Саксонии держится радикальных взглядов, – с болью в голосе ответил отец, – и я боюсь, Сибилла заразилась ими, ведь жена обязана следовать за своим мужем. Курфюрст призывает меня вступить в его Шмалькальденскую лигу германских лютеранских принцев, но я никогда этого не сделаю.

– И тем не менее вы породнились с ним благодаря браку дочери, – не уступал дядя Отто. – Вы связаны с лигой, нравится вам это или нет.

Настал черед матери принять страдальческий вид: замужество дочери с протестантом шло вразрез со всеми ее убеждениями. Казалось, разгорается ссора, но тут колокол на вершине башни Йоханнистурм во внутреннем дворе пробил четыре раза, и герцогиня Мария ухватилась за открывшуюся возможность избежать дальнейших пререканий. Анна полагала, матери не

хотелось, чтобы ее отпрыски слушали разговоры, направленные против Церкви и истинной веры, в которой она их взрастила.

– Дети, – бодро проговорила герцогиня, – почему бы вам не показать кузену Отто остальную часть замка?

Все повскакивали на ноги. Анна втайне возликовала.

– Мы с удовольствием сделаем это, – честно признался тринадцатилетний Вильгельм. Анна понимала, что скоро Отто прослушает лекцию об архитектуре Шваненбурга и славной истории Клеве, и не ошиблась. Пока они шли назад через парадные залы, Вильгельм, наделенный всеми добродетелями, кроме чувства юмора, гуманности и сочувствия к другим, разглагольствовал о том, что родился здесь, в Шваненбурге, и похвалялся богатством и процветанием герцогства Клеве.

– Нашего отца прозвали Иоганн Миротворитель, потому что он правит весьма мудро, – хвастал Вильгельм. – Когда он женился на нашей матери, она принесла ему Юлих, Берг и земли, которые тянутся на четыре сотни миль. Став герцогом Клеве, я унаследую все это и буду таким же мудрым, как мой отец.

Анна увидела, что Отто подавляет улыбку.

– Отто приехал сюда не затем, чтобы выслушивать все это, Bruder². Сегодня такой прекрасный день, и вас освободили от послеобеденных уроков. – Она повернулась к Отто и почувствовала, как ее бросило в жар. – Хотите подняться на Шванентурм? Оттуда открывается прекрасный вид, и я расскажу вам легенду о Лоэнгрине.

– Слишком жарко ползти туда по всем этим ступенькам, – надув розовые губки, капризно проговорила Эмили.

– Какая же вы лентяйка, сестрица, – вздохнула Анна.

– Но я очень хотел бы полюбоваться видами, – сказал Отто, не сводя сверкающих глаз с Анны, – и физическая нагрузка пойдет нам на пользу.

– Думаю, Отто больше понравится осмотреть Шпигельтурм, – вмешался Вильгельм, как будто Отто ничего не говорил. – Архивы герцогства – это самое интересное.

– О Вильгельм, вы всегда настаиваете на своем! – воскликнула Эмили.

– Вы можете сводить туда Отто позже, – твердо сказала Анна. – Но сперва он хочет подняться на Шванентурм.

– Тогда ведите его сами, – начальственно заявил Вильгельм. – А я пойду и поищу то, что хочу показать ему.

– Я пойду с вами, – присоединилась к брату Эмили. – Помогу искать.

– Просто вам лень подниматься вверх, – хмуро пробурчал Вильгельм, вовсе не обрадовавшись тому, что двенадцатилетняя сестрица решила составить ему компанию.

– Пойдемте. – Анна протянула руку Отто. – Оставим их, пускай препираются.

И она решительно повела своего кузена к башне. Вильгельм не успел остановить ее. Вот повезло!

Вся жизнь Анны строилась вокруг правил, ритуалов, бесконечного шитья и проходила под строгим материнским надзором. Возможность провести немного времени наедине с прекрасным юношей превосходила любые ее самые буйные фантазии. Невероятно, что все сложилось так легко, без всяких усилий с ее стороны. Это была эскапада, которую мать наверняка не одобрила бы, ведь она неустанно твердила, что юная леди никогда не должна оставаться наедине с мужчиной, чтобы не скомпрометировать свою репутацию. Хотя ни разу не объяснила, что именно может произойти, впрочем, было ясно: речь шла о чем-то ужасающем. Но ведь Отто не в счет, правда? Он член семьи и ненамного старше Анны.

² Брат (нем.).

Могучая башня Шванентурм возвышалась над ними, на мощный двор падала ее квадратная черная тень. Анна остро ощущала, что по пятам за ней идет Отто. Она радовалась, что надела новое красное шелковое платье с золотым лифом, расшитым петлями из жемчуга. В этом наряде и с распущенными по спине светлыми волосами Анна чувствовала себя красавицей. Сибилла, изображенная на портрете с раскосыми глазами и длинными золотистыми локонами, которые пленили курфюрста, считалась главной красоткой в семье, все соглашались с этим, но сегодня Анна упивалась мыслью, что тоже может выглядеть прелестно.

Стражники у дверей взяли на караул при их приближении.

– Эту башню построил мой предок, герцог Адольф, – сказала Анна, налегая на тяжелую дверь.

– Позвольте мне, – вмешался Отто и тоже приложил силу.

Анна пошла вперед, приподняв пышные юбки, чтобы удобнее было подниматься по ступенькам.

– Старая башня рухнула лет сто назад, – продолжила она, пытаясь спрятать свою нервозность за стеной фактов. – Герцог Адольф сделал ее выше прежней.

– Да, она и правда высокая! – поддакнул Отто. – Эти ступеньки, наверное, никогда не закончатся. Давайте немного передохнем.

Анна повернулась и поймала на себе восторженный взгляд юноши.

– Вы очень милы, – сказал Отто, – и это платье вам к лицу.

Глаза его совершили путешествие от ее стройной талии к выпуклостям груди под бархатным лифом.

Затрепетав от похвалы, Анна улыбнулась, просто не могла удержаться. Она знала: нельзя позволять ему говорить такие интимные вещи, а себе – принимать комплименты. Но ее так и распирало от радости; она не могла сдвинуться с места, уйти и испортить этот момент.

Оба они слегка запыхались, когда преодолели последний лестничный пролет, который вел к туррету³ наверху башни, и вошли в узкую, почти ничем не обставленную комнату с окнами в каждом торце. Турецкий ковер в свое время, наверное, обошелся предкам Анны в целое состояние, но теперь был потертым. Девушка подошла к окну с видом на реку. Внизу перед ней простирался город Клеве – лоскутное одеяло из красных крыш и шпилей.

Отто остановился сбоку от нее.

– Прекрасный вид, – сказал он, глядя поверх ее плеча. Анна чувствовала его дыхание, оно нежно касалось уха. – Так поведаете же мне о Лоэнгрине. – Голос Отто был как ласка.

Анна попыталась сосредоточиться на легенде, которую обещала рассказать, но разум ее был переполнен этим странным, головокружительным чувством. Неужели это любовь? Она видела, как сильно любят друг друга ее родители, и знала, наслушавшись болтовни фрейлин и горничных, что любовь иногда бывает похожей на помешательство и толкает людей на глупые поступки, как будто они лишились рассудка. Любовь способна сделать человека невероятно счастливым или бесконечно несчастным. И теперь, стоя в этой пыльной комнатке, впервые оказавшись наедине с молодым человеком, Анна поняла, что такое сильное влечение к кому-то. Чувство было восхитительное, но и пугающее, словно ее тянуло к чему-то грандиозному и опасному, и она не знала, как остановить себя.

Но она должна! Скоро ей предстоит стать замужней женщиной, и Анна научена хранить верность своему будущему супругу.

– Вы знаете, почему эту башню называют Лебединой?⁴ – спросила она у Отто, заставив себя собраться с мыслями и продолжить разговор. – Не думаю, что в Лимбурге вы слышали легенды, которые известны в Клеве.

³ *Туррет* – вертикальная надстройка в виде башенки на углу главной башни или стены средневекового замка.

⁴ *Шванентурм* (нем. Schwanenturm) – в переводе Лебединая башня.

– Когда я был маленьким, мать рассказывала мне разные истории, но я почти все забыл.

– Над нами, наверху туррета, есть золоченый флюгер, – сказала Анна, слегка задыхаясь. – На нем сидит лебедь, которого в старину изображали на своих гербах графы Клеве в честь Рыцаря Лебеда, загадочного Лоэнгрин. Взгляните сюда. – Она повернулась и вытащила из-под лифа эмалевую подвеску. – Это моя личная эмблема. Два белых лебедя обозначают невинность и чистоту.

Отто взял руку Анны в свою и наклонился, чтобы рассмотреть, что лежит у нее на ладони. И вдруг легонько поцеловал ее запястье. Анна вздрогнула от удовольствия.

Она еще не обезумела – пока нет. Была научена, что добродетельная женщина не должна позволять мужчине целовать себя, пока не станет его нареченной невестой. Анна отдернула руку, и Отто выпрямился.

Слегка дрожащим голосом она продолжила рассказ:

– Два белых лебедя направляли лодку Лоэнгрин, когда он плыл по Рейну давным-давно, чтобы посетить графиню Клеве по имени Эльза. Она пребывала в большой печали, потому что ее супруг умер и какой-то деспот пытался занять его место, принудив несчастную вдову выйти за него замуж. Лоэнгрин пришел на помощь. Он сверг тирана и женился на Эльзе.

Отто во все глаза глядел на Анну.

– Если она была так же красива, как другая принцесса Клеве, которую я могу назвать, тогда я снимаю перед Лоэнгрином шляпу. – Голос его звучал немного хрипло.

Анна вдруг ощутила жар на щеках. Она понятия не имела, как реагировать на такой комплимент.

– Он был знаменитым героем, – вновь заговорила Анна, стараясь сохранить спокойствие. – Но на следующий день после свадьбы он взял с Эльзы обещание никогда не спрашивать, как его зовут и кто его предки. Неизвестный ей и никому другому, он был рыцарем Святого Грааля и часто отправлялся выполнять секретные поручения. Эльза согласилась, они жили счастливо, и у них родилось трое прекрасных сыновей, которые стали моими предками.

– Сейчас вы скажете, что все закончилось плохо, – высказал предположение Отто.

– Да. Эльзе очень хотелось узнать, получают ли ее сыновья большое наследство от отца. Она не смогла удержаться и задала ему вопрос, которого поклялась никогда не задавать. Когда она это сделала, Лоэнгрин испытал невыразимую муку. Вырвался из ее объятий и покинул замок – этот самый замок. И там, на реке, его ждали два лебедя с лодкой, на которой он прибыл в Клеве. Он уплыл на ней, и больше его никто не видел.

Отто качал головой, не отрывая глаз от Анны:

– И что стало с Эльзой?

– Ее охватила такая печаль от этой утраты, что она умерла. Ведь она очень любила Лоэнгрин.

Впервые Анне стало ясно, как ужасна была потеря Эльзы. Вероятно, на ее лице отразилась печаль, потому что Отто без всяких предисловий шагнул к ней и обнял ее, прижав к себе. Не успела Анна остановить его, как он прикоснулся губами к ее губам и лизнул ее язык своим. Это было чрезвычайно странно, приятно и вместе с тем отвратительно. Она и представить себе не могла, что поцелуи могут быть такими, но знала: так делать нельзя, это плохо. Что подумают о ней родители?

– Нет, – сказала Анна, отстраняясь.

Отто крепко держал ее в своих объятиях.

– Да! – выдохнул он. – Прошу вас, не лишайте нас этого удовольствия! В этом нет ничего дурного. Не нужно бояться.

– У меня может быть ребенок, – запротестовала Анна и удивилась, когда Отто засмеялся. – Может, – предостерегающим тоном повторила она. – Матушка Лёве говорила, что от поцелуев появляются дети.

– Кто такая матушка Лёве? – спросил Отто, а сам при этом терся носом о ее нос, пока она вполсилы пыталась высвободиться.

– Моя няня.

– Ничего-то она не знает! Ребенка от поцелуев у вас быть не может. Это безвредно. И вам понравилось, я точно знаю. – Он продолжал крепко держать ее и так соблазнительно улыбался, что у Анны стали подкашиваться колени.

Как же страшно говорить о таких вещах с женщиной!

Отто снова поцеловал ее, на этот раз мягко и нежно, а потом потянул на ковер, целуя ее полузакрытые глаза и глядя по щекам. Руки его блуждали повсюду, и восхитительное ощущение, которое он пробуждал в ней, затмило звучавший в голове тревожный колокольчик. Он сказал, тут нечего бояться, и она ему поверила. Он был гостем в доме ее отца – благовоспитанный молодой человек, который, она могла на это рассчитывать, знал, как следует себя вести. И в нем нарастало захватывающее дух возбуждение, которое было таким заразительным.

– О Анна! – тихо воскликнул Отто, не отрывая от нее глаз и наматывая на пальцы локон ее волос; дыхание его становилось все более частым и прерывистым. – Позвольте мне любить вас! Я не причиню вам вреда.

Его губы вновь сомкнулись на ее губах с большей горячностью, а потом он протянул руку вниз, задрал ей юбку, сорочку и – к изумлению Анны – начал нежно трогать ее потайные места. Она не сопротивлялась: ее слишком сильно захватили чувства и ощущения, о которых Анна никогда даже не мечтала.

– Как у вас есть губы здесь, – прошептал он, нежно водя по ее рту языком, – так же есть они и здесь, для тех же целей.

Пальцы его двигались ритмично, исследовали ее все смелее, и Анна почувствовала нараставшее внутри исключительно приятное ощущение. Она не испугалась, но удивилась, как мало знала свое собственное тело, и никакого стыда не было. Вот оно, безумие, о котором шептались женщины! Жила ли она вообще до этого момента?

То, что случилось дальше, было невероятно прекрасно, и Анна отдалась этому, ни о чем больше не думая, потому что просто не могла мыслить разумно. Несильная боль, а потом она вознеслась на Небеса. Удовольствие нарастало, и она почувствовала, как тело Отто содрогается в спазмах. Он вскрикнул и стал медленно расслабляться, лежа поверх нее и внутри нее, прижимая ее к себе и бормоча бессвязные слова любви, а ее накрыло волной безудержного экстаза, который все усиливался и усиливался, пока она не подумала, что вот-вот потеряет сознание.

Она лежала, совершенно ошеломленная, а он повернул к ней голову и улыбнулся:

– Вам понравилось, как мы целовались, Анна?

Девушка кивнула, думая, какие же красивые у него глаза.

– О милая Анна, – проворковал Отто, снова касаясь ее губ губами, – вам понравилось, правда? Я вижу.

– Да. Я и не представляла, что бывают такие удовольствия. – Анна лежала в его объятиях, чувствуя себя невероятно счастливой, и ей хотелось, чтобы это мгновение длилось как можно дольше.

– Вот для чего Бог создал мужчину и женщину! – Отто улыбнулся.

– Так делать было нельзя, да?

Здравомыслие возвращалось к ней, и вместе с ним явилось осознание того, что она участвовала в чем-то запретном.

– Конечно нет. – Он отпустил ее и, сев, стал зашнуровывать рейтузы. – Но пусть это будет нашим секретом. Родители этого не поймут. Они считают, такие удовольствия доступны только в браке, но я не вижу ничего дурного в том, чтобы наслаждаться ими и раньше.

Анна ощутила чувство вины. Унесенная потоком безумия, она нарушила заповеди, внушенные ей матерью. Но это было так прекрасно! Почему же тогда она чувствует, как в нее

заползает страх? Это был страх, что все откроется, – поняла Анна, – и ничего больше. Неужели она станет жалеть о том, что доставило ей такую радость?

– Мы можем пожениться, Анна? – спросил Отто, глядя на нее жадными глазами.

– Мне хотелось бы этого! – с жаром отозвалась она. – Но меня обещали сыну герцога Лоррейнского. – Слова застыли у нее в горле.

Отто молча уставился на нее:

– Я не знал.

Анна покачала головой:

– Я этого не хочу, но мой отец ищет союза с Лоррейном.

Слишком поздно поняла она: то, что сотворили они с Отто, должно было произойти после брака. Они похитили сокровище, по праву принадлежавшее Франциску.

– Помолвку можно расторгнуть, – сказал Отто.

– Сомневаюсь, – покачала головой Анна, почувствовала, как подступают к глазам слезы, и поняла, что на ее лице должно было отобразиться страдание.

Бедняжка встала, привела в порядок платье и направилась к двери.

– Куда вы, *Liebling*?⁵ – с изумленным видом спросил Отто.

– Нам нужно возвращаться. Мы пробыли здесь слишком долго, – ответила Анна.

Он снова обнял ее и поцеловал, долго и страстно, не оставив в ней никаких сомнений по поводу его чувств. Теперь они принадлежали друг другу, и ничто не могло изменить этого: вот о чем говорили ей его губы. Анну захлестнули эмоции. Ей хотелось, чтобы этот момент длился вечно, но она заставила себя отстраниться, не смея оставаться наедине с ним еще хоть на миг дольше.

– Я люблю вас, Анна, – услышала она шепот Отто.

Не обращая внимания на болезненное ощущение между ног, она стала торопливо спускаться по лестнице. Ей нужно поскорее добраться до своих покоев, где можно будет излить в слезах свою печаль. Там есть чистая вода, мыло и полотенце, чтобы смыть с себя следы греха, и она снимет платье, которым так гордилась, но которое теперь замарано пятнами ее морального падения. Отто прав. Произошедшее между ними нужно держать в секрете; к тому же у Анны просто не имелось в запасе слов для описания случившегося. Если родители узнают, ее станут винить. Начать с того, что она не должна была оставаться наедине с Отто, тем более позволять ему целовать себя и ложиться рядом с собой. Они скажут, что он обесчестил ее, принцессу Клеве, находясь гостем в доме ее отца. Но все же было не так! Она легла с ним по своей воле – и была в полном восторге. Отто сказал, что любит ее, и завел речь о браке, хотя никогда им не принадлежать друг другу. Глаза Анны вновь наполнились слезами. Она вышла из башни, молясь про себя, чтобы стражники не заметили ее отчаяния.

– Анна! – крикнул у нее за спиной Отто. – С вами все в порядке?

– Шпигельтурм там! – срывающимся голосом крикнула она в ответ. – Они будут ждать вас. Скажите им... скажите, что у меня разболелась голова и я пошла прилечь.

Оставив Отто стоять столбом, Анна быстро пошла в свои покои. К счастью, там никого не было. Матушка Лёве, по своему обыкновению, наслаждалась послеобеденным сном.

Заливаясь слезами, Анна расшнуровала лиф и рукава платья и сбросила его на пол, потом налила воды из кувшина в таз. Обмывая себя, она заметила кровь на батистовой сорочке. Были ли это месячные гости, о появлении которых предупреждала мать? Когда Анна спросила, почему у женщин должна течь кровь, мать просто ответила, что такова воля Божья и она узнает об этом больше ближе к свадьбе. Анна задумалась, имеет ли эта кровь отношение к тому, что случилось сегодня.

⁵ Любимая (нем.).

Она поменяла сорочку, а испачканную положила отмокать в таз с водой. А что делать с платьем? На его подкладке тоже была кровь. Анна взяла влажную тряпку, которой мыла себя, и принялась оттирать пятна. Вскоре они стали почти незаметными; если специально не искать, ничего и не увидишь. Сырое платье было засунуто в сундук, а надето другое, из кремового шелка с алой отделкой. Потом Анна посмотрела на себя в зеркало, чтобы проверить, не приметит ли кто, что она плакала. Глаза слегка покраснели, но объяснить это можно, сославшись на головную боль. А голова у нее и правда побаливала от груза любви, вины и отчаяния, который она теперь несла.

Когда башенный колокол позвал всех к ужину, Анна быстро спустилась по лестнице и прибыла в столовую вовремя. Отец терпеть не мог опозданий.

Отто уже был там с дядей Отто и тетей Элизабет. Анне хотелось броситься к нему в объятия, но вместо этого она заставила себя не смотреть на него, понимая, что он жадно ищет ее взгляда. Никто не должен догадаться, что у них есть тайна.

– Как ваша голова? Лучше? – спросила тетя Элизабет.

– Гораздо лучше, благодарю вас, – ответила Анна.

– Вы сменили платье, дитя мое, – заметила мать.

– В том было жарко. – Она молилась, чтобы Отто не выдал их каким-нибудь случайным словом или взглядом; мать иногда бывала очень наблюдательной.

Трапеза оказалась тяжелым испытанием. Анна старалась вести себя как обычно и съесть отборного карпа и жареную свинину, которые ей положили. Она не смела вспоминать о случившемся в башне, чтобы не залиться краской и не выдать себя. Это было нелегко, когда Отто, такой красивый, сидел в опасной близости от нее, и живот у Анны сжимался от любви и желания. Ей потребовалось собрать все внутренние силы, чтобы не подавать виду. Но, кажется, никто не заметил в ее поведении ничего необычного.

После ужина пришли музыканты с трубами, лютнями и арфами. Мать предпочла бы всегда слушать только арфу, свой любимый инструмент, если бы это было в ее власти. Когда отзвучала последняя нота, герцогиня одарила музыкантов улыбкой, что случалось с ней нечасто.

– Мне хотелось бы потанцевать, – задумчиво проговорила Эмили, – или спеть.

Мать нахмурилась:

– Мое дорогое дитя, вам известно, что женщине неприлично танцевать и петь на людях.

– Знаю, – мрачно буркнула Эмили, – но я так люблю музыку и танцы.

Тетя Элизабет неодобрительно посмотрела на нее.

– Она унаследовала от меня любовь к музыке, – объяснила мать.

Элизабет понимающе улыбнулась. Мужчины говорили о политике.

– Император амбициозен. Он хочет получить графство Гелдерн, – сказал отец. – Но оно отойдет жениху Анны. – Анна увидела, как помрачнел Отто, а герцог Иоганн продолжил как ни в чем не бывало: – Герцог Карл бездетен, и Франциск, как его внучатый племянник, станет наследником. У меня у самого есть виды на Гелдерн, но я отказался от них по условиям брачного контракта. Я удовлетворюсь тем, что моя дочь станет герцогиней Гелдерна.

Анна с трудом сохраняла спокойствие. Ей, разумеется, вовсе не улыбалась такая перспектива. В ее воображении Франциск превратился из обходительного, улыбчивого юноши во вздорного, подозрительного мужчину.

– Но у императора тоже есть притязания на Гелдерн, разве нет? – спросил дядя Отто.

– Да, через его мать, – ответил герцог Иоганн. – Но если он будет настаивать, мы готовы к этому. Клеве, может быть, и является частью Священной Римской империи, но, кроме того, это одно из мощнейших германских княжеств. Мы не позволим императору диктовать нам свои условия. Мы защитим свою независимость. У нас есть свои суды и собственная армия, и я контролирую нашу внешнюю политику.

Вильгельм жадно слушал отца.

– Но Карл очень силен. Возникнет распря, – заметил дядя Отто.

– Ах, но он будет занят войной с Англией, если король Генрих продолжит попытки развестись с теткой его императорского величества Екатериной, чтобы жениться на куртизанке. Я рассчитываю, что Карл, скорее, озаботится этим да еще турками, которые посягают на его восточные границы, так что ему будет не до Гелдерна. Я способен собрать сильную армию. – Герцог замолчал, ожидая, пока слуга заново наполнит вином его кубок. – Один раз я встречался с королем Генрихом, вы знаете. Восемь лет назад, когда посещал его королевство в свите императора.

– И каков он, отец? – спросил Вильгельм.

– Красив. Высокопарен. Горд своим новым титулом. Папа только что назвал его Защитником Веры за книгу, которую король написал против Мартина Лютера.

Беседа тянулась бесконечно. Никакой возможности перемолвиться с Отто хотя бы словечком, ведь между ними сидели Вильгельм и Эмили. Ровно в девять часов явился гофмейстер, чтобы убрать вино, и это был сигнал: пора расходиться. При дворе запрещалось засиживаться дольше за игрой в карты, выпивкой или просто разговорами, и отцу нравилось подавать в этом добрый пример.

Все пожелали друг другу спокойной ночи. Когда Анна покидала зал, то почувствовала, как кто-то сзади взял ее за руку и вложил что-то ей в ладонь. Она обернулась и увидела с тоской смотревшего на нее Отто. К счастью, кажется, никто ничего не заметил. Выходя из столовой, Анна получила родительское благословение и взбежала по лестнице в свою комнату.

Только там она раскрыла ладонь. На ней лежал крошечный сверток из кусочка дамаста, а внутри него – кольцо, украшенное красной эмалью. К нему была приложена записка: «Милая Анна, прошу вас, примите этот знак моего глубокого почтения. На фамильном гербе моей семьи изображено красное кольцо, так что это для меня особый символ. Надеюсь, вы будете носить его и вспоминать добрым словом своего верного слугу».

Он преподнес ей такую вещь! Ах, если бы это было обручальное кольцо! Но все равно, как бы там ни было, а оно символизировало вечную любовь.

Анна не посмела сохранить записку. С болью в сердце она разорвала ее на мелкие кусочки и выбросила в окно. А кольцо спрятала под неприколоченной доской в углу своей спальни.

Через два дня фон Вилихи уехали. Анна разрывалась между грустью оттого, что пришлось распрощаться с Отто, и облегчением. Больше не нужно защищаться от его настойчивых попыток тайком переговорить с ней. Раз он уехал, забрав с собой страх разоблачения, Анна могла расслабиться и сказать себе, что не должна больше о нем думать, чтобы не сойти с ума. Не смела она и попросить отца о месте для Отто, чтобы ее явный интерес к делам этого молодого человека не вызвал неудобных вопросов. И все же было невероятно трудно вернуться к обыденной жизни, а ведь они с Эмили большую часть времени проводили в апартаментах матери в кругу женщин и редко оставались одни, за исключением ночи, которую проводили вдвоем с сестрой в их общей спальне.

Вильгельму повезло больше. С семилетнего возраста он получал образование под руководством ученого советника отца герра Хересбаха, которого порекомендовал сам Эразм. Брат без конца хвастал, что Эразм посвятил ему, пятилетнему мальчику, книгу. Теперь он бегло изъяснялся на латыни и французском, тогда как Анна и Эмили говорили только по-немецки. Мать не верила в необходимость образования для женщин, помимо обучения их чтению и письму.

– Знатным дамам неприлично быть образованными, – часто говаривала она. – Вам, девочки, не нужно говорить ни на каком другом языке.

Анна не могла представить, чтобы ее мать когда-нибудь поддавалась такой страсти, какую испытала она сама. Матушка, внешнее сходство с которой Анны все отмечали, в других отношениях (с грустью понимала дочь) была слишком степенной, слишком спокойной, слишком набожной. Она следила за дочерьми почти непрерывно. Даже когда Анна и Эмили выходили на улицу немного погулять, мать была тут как тут – шла сзади вместе со своими дамами.

– Мы всегда у нее под рукой! – ворчала Эмили, видя, что мать следит за ними, пока они обходят сад.

Анна заметила, что стала еще больше раздражаться из-за этой постоянной материнской бдительности.

– Герцогиня – мудрая женщина, – с укоризной говорила им матушка Лёве, когда, вернувшись домой, сестры жаловались ей на заведенные матерью порядки. – Это редкость – встретить мать, которая так строго следила бы за своими детьми.

Няня тоже была дамой весьма достойной, несмотря на полноту, румяные щеки и туго закрученные вокруг ушей косицы. Анна и Эмили не сомневались в ее любви к ним, но она в один голос с матерью внушала им необходимость быть скромными, целомудренными и покорными. Все, чему они научились от матери и няни, было направлено на то, чтобы сделать из них добродетельных будущих жен для принцев; и если они отклонялись от намеченного для них узкого пути или начинали предаваться несбыточным мечтам, что ж, тогда мать и матушка Лёве быстро находили им занятие и отвлекали от глупостей молитвами или шитьем. «Не дай Бог, – думала Анна, – чтобы они когда-нибудь узнали, как далеко я уклонилась от их предписаний!»

– Вы должны быть как монахини, – снова завела речь о своем мать. Она имела склонность давать им наставления, пока они работали иглами. Прошла неделя после отъезда гостей, и Анна с легкой тревогой размышляла, заметила ли мать ее реакцию на Отто. – Вы должны научиться строго следить за своими глазами. Никогда не позволяйте им заглядываться туда, куда не нужно. Будьте скромны в жестах и выражении лица.

«Даже если заметила, то не могла знать всей правды», – заверила себя Анна, подавляя угрызения совести, которые не давали ей покоя. Ее продолжало удивлять, что она так беспечно отнеслась к наставлениям матери. Строго следить за глазами? Да она вообще ни за чем не уследила! «Я не достойна стать чьей-нибудь женой, – с горечью в душе твердила себе Анна. – Не достойна любви родных. Если бы они знали, какова я на самом деле, то отвергли бы меня, и поделом».

Она ничего никому не говорила о своих страданиях. Нужно было держать в секрете и радость, и печаль, и чувство вины. Это стало ее наказанием.

Теперь Анне хотелось иметь больше разных занятий, чтобы отвлечься. Дни тянулись томительно скучно, похожие один на другой: все тот же неизбывный круговорот из молитв, шитья, вязания, готовки и наставлений о том, как управлять большим хозяйством. Однако игры и пение были запрещены в Клеве как непристойные. Эмили хитро обходила этот запрет. Среди разных вещей, в беспорядке засунутых под ее кровать, имелась лютня, на которой она тихонько играла по ночам или в те редкие моменты свободы, которые ей удавалось улупить. И еще Эмили записывала слова песен, которые сочинила. Но Анне не хватало дерзости на такое безрассудство, к тому же она не умела играть ни на каком инструменте и петь тоже, конечно, даже не пробовала.

Казалось, ее мир вечно будет ограничен пределами замка и церкви, хотя иногда им с Эмили позволяли развлекать за ужином гостей вместе с герцогом и герцогиней, потому что в Клеве родители воспитывали своих дочерей так, чтобы те могли быть радушными хозяйками. Гости, которых специально подбирали, были неизменно или ученые-гуманисты, или церковники, или советники, которых хотел приветить отец. Они хвалили очарование и грацию Анны, а мать одобрительно взирала на это, убеждаясь, что сделала все очень хорошо, вырастив своих дочерей такими добродетельными.

Мать держала детей в строгости, но, несмотря на это, Анна любила ее. Она была камнем, на котором покоилось основание их мира, и становилась путеводной звездой, когда жизнь разлаживалась. От одного вида ее бесстрастного лица, звука ее спокойного голоса возникало ощущение благополучия и безопасности. А вера ее вдохновляла.

Как и отец, мать дружила с учеными-гуманистами, но те, которых принимали в ее круг и сажали за стол, держались с ней одного мнения в неприятии учения Мартина Лютера. Мать искала утешения у своего духовника отца Герехта, приора картезианского монастыря в Кантаве, неподалеку от ее родного Юлиха. Он был монахом ордена картезианцев, отличавшегося большой строгостью, и тем не менее, хотя вел затворническую аскетическую жизнь за монастырскими стенами, не утратил сострадания и любви к живущим в миру несчастным душам и каждую неделю приезжал ко двору. Он написал два трактата против Лютера, но не питал к нему ненависти. Анна любила слушать проповеди отца Герехта, потому что говорил он в них только о любви.

– Никогда не упускайте из виду любовь Господа к людям, – говорил монах, благосклонно улыбаясь ей и Эмили, сидевшим за столом с матерью. – Вы христианские принцессы и должны нести перед собой Святое Сердце Господне как объект особого почитания и подражания.

Анна пыталась следовать его советам, но по мере взросления обнаруживала, что мир предлагает слишком много вещей, отвлекающих от этого, и большая часть из них была для нее под запретом.

Мать, разумеется, не опускалась до мирских развлечений. Ее задачей было вырастить своих детей добрыми католиками.

– Я всегда напоминаю им семейный девиз: «Candida nostra fides» – «Наша вера чиста», – сказала она, делая небольшой глоток вина. – Так и должно быть. Двор моего супруга – школа этого Нового Учения. Верно, что мы можем многое узнать из этих заново открытых текстов Древней Греции и Рима, и все же я боюсь, они подвигнут людей на то, чтобы подвергать сомнению учения Церкви.

– Изучение античных трудов казалось замечательным делом несколько лет назад, – заявил отец Герехт, когда подали фрукты, – но ваша милость правы, это оказалось опасным, так как действительно привело к тому, что люди стали задаваться вопросами по поводу веры и религиозных доктрин. – Он выглядел расстроенным. – Некоторые считают, что Писание должно быть доступно для чтения всем.

Монах не упомянул Эразма, да это было и не нужно: все они знали, что Эразм – сторонник перевода Писания на язык народа и сам занимается этим. К тому же герцог Иоганн поддерживал идею реформатора.

Мать ни за что не стала бы критиковать супруга или открыто перечить ему. А так как герцог любил Эразма, она и его не подвергала критике.

Герцогиня Мария просто сидела и с задумчивым видом изящно резала еду.

Отец Герехт покачал головой:

– Если мирянам будет позволено читать Писание, они, того и гляди, начнут хвастаться, что разбираются в нем лучше церковников, которые обучены толковать его и рукоположением в сан наделены духовной силой для этого.

Вильгельм, с интересом слушавший разговор, вдруг заговорил:

– Простите меня, отец, но, говорят, не все священники достаточно образованны для толкования Святого Писания своей пастве, и некоторые объясняют его избирательно, сообразуясь со своими нуждами.

– Вильгельм! – воскликнула шокированная мать.

Старый монах улыбнулся:

– Ваша милость, в юном возрасте вполне естественно задавать вопросы, и если молодой человек слышал такое, значит ему нужно услышать и о том, что подобные случаи крайне редки.

Продажные души есть везде, чем бы люди ни занимались, даже среди священников, к сожалению. Но большинство набожны и честны в своем призвании. Такой ответ удовлетворяет вас, мой юный господин?

– Да, отец. – Вильгельм не выглядел убежденным.

– Я надеюсь на это, – строго сказала мать.

Сын повесил голову.

Оставалось совсем немного времени до пятнадцатого дня рождения Анны. Он приходился на сентябрь, Эмили родилась в октябре, и отмечали оба праздника всегда вместе. Обычно устраивали небольшой торжественный ужин с родителями и несколькими приглашенными гостями, которые приезжали с поздравлениями и подарками. По крайней мере, это был повод нарядиться.

Анна стояла в сорочке посреди своей комнаты и рассматривала красивую одежду, разложенную на ее кровати. Эмили юлила вокруг, уже одетая в зеленое как мох платье с широким черным бархатным поясом и тщательно отделанными разрезами на узких рукавах.

– Черный бархат – это слишком мрачно, Анна.

– Да, но это мое самое дорогое платье. – Анна наклонилась над копной алого бархата. – Я надену это. И наверное, мой новый Stickelchen, из-под которого будут видны косы. – Она взяла в руки расшитый бусинами головной убор с декоративной золотистой вуалью.

– Весьма уместно, мадам маркиза, – прокомментировала матушка Лёве, деловито вошедшая в комнату со стопкой чистого белья, которое собиралась положить в сундук под кроватью. – Теперь, когда вы почти уже солидная леди пятнадцати лет, нужно и выглядеть соответственно! Но это алое не сочетается с вашим головным убором. Наденьте лучше красный шелк.

Анна заколебалась. Она не притрагивалась к этому наряду с июня, не хотелось ей делать этого и сейчас. На платье остались едва заметные пятна – напоминания о том, что произошло между ней и Отто, если кто-нибудь присмотрится хорошенько.

– Нет, я лучше надену черное, – быстро сказала она. – Золотой пояс с большой пряжкой хорошо будет смотреться с ним.

Матушка Лёве зашнуровала на ней платье.

– Хочу заметить вам, миледи, что вы поправились. В прошлый раз я затягивала его туже.

– Это потому, что она слишком налегает на Kuchen⁶, – съехидничала Эмили.

Анна не засмеялась. Она вовсе не ела пирожных больше, чем обычно, и тем не менее замечала, что грудь у нее в последние недели увеличивается как-то слишком быстро и живот округлился. Все это означало, что она превращается в женщину. Анна это понимала, но ей не хотелось стать толстухой.

Она надела пояс. И правда: талия ее стала шире.

– Мне нужно последить за диетой.

– Для юных леди вашего возраста поправляться – это обычное дело, – утешила ее матушка Лёве. – Если вы будете меньше есть, все это уйдет, помяните мое слово.

Но ничего никуда не уходило. Через месяц, когда вокруг башен начал завывать ветер, камни на мостовой стали скользкими от прилипших к ним осенних листьев и все в замке занялись приготовлениями к отъезду в Дюссельдорф, как делали каждую зиму, Анне уже было не отмахнуться от того факта, что ее живот и груди определенно раздулись. Может, она больна, хотя чувствует себя прекрасно? И какое же заболевание проявляется таким образом?

⁶ Выпечка (нем.).

Ужасная возможность открылась ей. Когда замужние женщины двора ее матери были enceinte⁷, их животы увеличивались в размерах. Дамы эти отправлялись на несколько месяцев в свои поместья, потом снова появлялись при дворе стройные как тростинки и без конца трещали о своих младенцах. Но она не может быть enceinte. Начать с того, что она не замужем, и Отто уверял ее, что поцелуи, даже более интимного свойства, безвредны. Матушка Лёве говорила, что это не так, дабы отвлечь своих воспитанниц от желания целоваться с любым молодым человеком, который им понравится.

Но что, если Отто ошибался? Что, если поцелуи вовсе не так безвредны, как он говорил?

⁷ Беременны (фр.).

Глава 2

1530–1531 годы

Наступивший ноябрь принес с собой туманы. Подготовка к отъезду почти завершилась. Завтра они покинут Шваненбург.

Ночью Анна лежала без сна, держа руки на животе. Он явно стал толще, и ей часто приходилось бегать в клозет. Она встала и опустилась на колени рядом с кроватью. Приподняв доску пола, вытащила кольцо Отто. Оно должно поехать с ней; она ни за что не оставит его здесь. Кроме этой драгоценности, у нее больше ничего не осталось от любимого.

Анна вернулась в постель, но сон ускользал от нее. Посмеет ли она посоветоваться с одним из отцовских врачей? Доктора дают клятву не разглашать тайны своих пациентов, но не посчитает ли доктор Шульц более обязывающим с точки зрения морали долг верности своему господину? И как Анна сможет подобрать слова, чтобы объяснить ему, чем они занимались с Отто?

Но ей нужно понять, что с ней происходит, иначе она могла умереть или, не дай Боже, заиметь ребенка, а это еще хуже. Держать в секрете симптомы «болезни» больше не представлялось возможным. Ей уже приходилось затягивать пояса так туго, как только она осмеливалась, и надевать на себя самые широкие сорочки до того, как утром приходила матушка Лёве, чтобы помочь ей одеться. Вскоре сама няня наверняка заметит неладное.

Анне не удалось обмануть матушку Лёве. На следующее утро эта уважаемая дама всплыла в комнату прежде, чем ее воспитанница успела встать с постели.

– Торопитесь, мадам маркиза! – сказала нянюшка. – Нас ждет путь в сотню миль, и ваш батюшка хочет выехать как можно скорее, чтобы успеть за день проехать как можно больше. Я сейчас налью вам теплой воды и положу сорочку поближе к печке, чтобы согрелась.

Анна выскользнула из постели. Еще недавно ее совсем не беспокоило раздевание и мытье на глазах у няни. Повернувшись к ней спиной, Анна спустила ночную рубашку до талии, взяла чистую тряпицу и стала намыливать лицо и руки, молясь, чтобы матушка Лёве не заметила, как изменилось ее тело.

– Анна, взгляните на меня! – Матушка Лёве назвала ее по имени, как в детстве, и строгость команды не оставила у воспитанницы никаких сомнений в том, что ее тайна раскрыта. На лице матушки Лёве изобразился такой ужас, что Анна похолодела. – Вы ничего не хотите мне сказать, дитя? – запинаясь, проговорила няня. – *Mein Gott*⁸, я догадывалась, но сказала себе, нет, только не моя Анна, это невозможно. Она хорошая девочка и невинна в таких делах. Анна ничего подобного не сделает. Скажите мне, что вы не опозорили нас всех!

Анна бросилась в слезы.

– Я не знаю! – прорыдала она. – Он сказал, ничего плохого не будет.

Рука матушки Лёве подлетела ко рту.

– Он? Лучше расскажите мне все! – Няня силилась совладать с собой, но то, что она в шоке, было очевидно.

Анна повесила голову и приготовилась встретиться лицом к лицу с последствиями своего безумства, зная, что матушка Лёве тут ничем ей не поможет. И все же, по мере того как история вываливалась из нее отдельными кусками, с дрожью и использованием неуклюжих эвфемизмов, ей становилось легче, она будто снимала с плеч невыносимо тяжелую ношу.

⁸ Боже мой (*нем.*).

Пока Анна говорила, матушка Лёве дрожащими руками одевала ее. «Эта история плохо скажется на няне», – поняла воспитанница. Мать решит, что та недостаточно хорошо следила за своей подопечной и не внушила ей должным образом правила приличия. Но это будет несправедливо, потому что мать сама предложила Анне, Эмили и Вильгельму показать Отто замок. Она не сказала, что они должны взять с собой матушку Лёве, так как знала, что та спит. И мать сама втолковывала Анне, что необходимо быть целомудренной, а значит, она тоже не преуспела в выполнении своего долга, потому что не объяснила Анне, от чего ей нужно защищать себя и воздерживаться.

– Он точно был внутри вас? – сурово спросила матушка Лёве, и щеки у нее порозовели.

– Да, – прошептала Анна. – Он сказал мне, что это поцелуй и он безвреден.

– Безвреден, как же! Этим мужчина и женщина занимаются, чтобы завести ребенка. И кажется, у вас он завелся, бедная овечка. – Няня тяжело вздохнула. – Что теперь делать, я даже не знаю. Нужно сказать вашей матушке.

– Нет! – крикнула Анна, вдруг разозлившись на Отто за обман – неужели он сделал это намеренно? – и страхась испуга матери, ее разочарования и гнева, который наверняка за этим последует.

– У меня нет выбора, – твердо заявила матушка Лёве. – Герцогиня должна знать и решить, что делать. Но предоставьте это мне, я скажу ей сама, по-своему, чтобы она поняла: хотя вы повели себя глупо и недостойно, вашей неопытностью воспользовался юный проходимец, которому следовало бы дважды подумать, прежде чем решаться на такое!

Анна дрожала. Она хотела возразить, что нет, все было не так! Но не посмела. Ей нужна была поддержка матушки Лёве.

– Как вы думаете, что она скажет? – прошептала бедняжка.

– То, что сказала бы любая мать, услышав такую новость! – отрезала няня. – И вы должны принять ее праведный гнев. Но думаю, я достаточно хорошо ее знаю: когда госпожа успокоится, она поступит по справедливости.

– Вы скажете ей прямо сейчас? – запинаясь, проговорила Анна.

– Нет, дитя. – Матушка Лёве сняла с крючка накидку Анны. – Нам нужно ехать. Лучше подождать, пока мы не доберемся до Дюссельдорфа.

– Но на дорогу уйдет три дня! – воскликнула Анна.

– И в пути трудно будет поговорить с глазу на глаз. Нет, мы должны подождать приезда, и мне нужно обдумать, как подступиться с этим к вашей почтенной матушке.

Никогда еще поездка не казалась Анне такой долгой. Прошла целая вечность, но вот наконец вдалеке показались окутанные туманом стены, шпили и купола столицы герцогства.

Анна родилась здесь, во дворце с видом на Рейн, и отсюда Сибилла уехала, чтобы выйти замуж за курфюрста Саксонии. Но сегодня возвращение домой, обычно такое приятное, не радовало Анну. Ее слишком сильно угнетал страх. Спустившись из кареты и ступив во двор, она думала только о том, что сегодня вечером решится ее судьба. Анна не могла представить, какой она будет. Расторгнут ли помолвку? Отправят ли ее саму в монастырь доживать дни в стыде? Или еще хуже, вдруг родители лишат ее наследства? Или – и она принялась лелеять в душе золотой огонек надежды – заставят Отто жениться на ней? Может быть, в конце концов все обернется к лучшему.

Отец слезал с коня, удовлетворенно окидывая взглядом две башни по бокам от выхода с просторного двора, каждая была увенчана куполом. Мать отдавала распоряжения фрейлинам, чтобы те занялись ее багажом.

– Девочки, идите в свои комнаты, – сказала она дочерям. – А вы, Анна, постарайтесь принять более веселый вид. Скоро Рождество.

– Да, миледи, – ответила Анна, вымученно улыбнулась и быстро отвела глаза, чтобы мать не заметила блеснувшие в них слезы. К Рождеству ее могут изгнать из семьи.

Анна пошла к лестнице, Эмили держалась следом, и они вместе поднялись в свои комнаты на втором этаже. Личные покои по приезде всегда заново поражали Анну роскошью, но сегодня не произвели на нее никакого впечатления. Она закрыла за собой дверь и, давась слезами, опустилась на резной деревянный ларь. Горничная постучалась к ней, спрашивая, нужно ли разбирать вещи, но Анна отослала ее.

Она сильно нервничала и не могла взяться ни за чтение, ни за вышивку, а вместо этого встала у окна и устремила взор на крытые серой плиткой крыши галереи и лоджии, которые находились внизу и выходили на ту сторону, где располагалась пристань. В апартаментах под ней обустраивается мать, не подозревающая, что ее мир вот-вот рухнет. При мысли об этом Анна снова заплакала.

Ужин для детей герцога, как обычно, подали в их собственных покоях. Анна только взглянула на поставленную перед ней тарелку с Sauerbraten⁹ и жареным шпинатом и отослала все это обратно на кухню. Ее тошнило.

– Я не голодна, – сказала она горничной.

Ее лихорадило от тревожного ожидания: поговорила матушка Лёве с матерью или еще нет? Только когда колокол пробил семь раз, няня пришла к ней в комнату с мрачным лицом.

Анна встала, вся дрожа, не в силах произнести ни слова. Горло у нее сжималось. Она пошла впереди матушки Лёве вниз по лестнице через общие комнаты к двери, которая вела в покои матери; ноги у нее подкашивались. Стражники взяли на караул, подняв скрещенные пики. Вперед выскочил церемониймейстер и открыл двери.

– Мадам маркиза де Понт-а-Муссон! – объявил он.

Анна прошла за ним. Делая реверанс, она тревожно вглядывалась в лицо матери.

Герцогиня была одна, сидела в своем привычном кресле. По ее кивку двери за Анной и матушкой Лёве закрылись. Анна пришла в ужас, увидев, что мать недавно плакала, чего не случилось с ней никогда. Она делилась своими тяготами с Господом, уверенная в Его помощи. Но, очевидно, в этом испытании, уготованном ей дочерью, на поддержку Всевышнего рассчитывать не приходилось.

– Садитесь, Анна, – произнесла мать, указывая на стул, и ее голос дрогнул. – Вы знаете, зачем вас сюда позвали. Повторять сказанное матушкой Лёве слишком тяжело, так что не будем на этом задерживаться. Вам нужно исповедаться, пройти покаяние и примириться с Господом. Меня тревожит то, что происходит сейчас... Матушка Лёве считает, вы где-то на пятом месяце... – Она невольно вздрогнула.

– Да, миледи, – прошептала Анна. – Мне так жаль.

– В этом я не сомневаюсь. – Голос матери был резким. – Думая о том, сколько раз я взывала к вашей добродетели, меня тянет к слезам. Если бы вы прислушивались к моим словам должным образом, мы сейчас не вели бы этот разговор. Но сделанного не исправишь, как бы это нас ни печалило. И матушка Лёве сообщила мне, как сильно огорчены вы тем, что вам придется жить с последствиями своего греха. Я держу в уме ваши юные годы и вашу невинность. Мне хочется думать, больше согрешили против вас, чем вы сами. Кажется, так и было.

Анна наклонила голову. Она не заслуживает такого понимания и будет вечно благодарна матушке Лёве за то, что та представила ее проступок в таком вызывающем сочувствие свете.

Настал момент молить о своем будущем.

– Миледи, – осмелилась подать голос Анна, – мы поступили очень плохо, но мы любим друг друга. Отто хочет жениться на мне!

⁹ Зауэрбратен, традиционное блюдо немецкой кухни; жаркое из предварительно замаринованного мяса.

Мать уставилась на нее:

– Вы в своем уме, девочка? Вы действительно думаете, что ваш господин и отец отдаст вас замуж за бастарда?

Анна никогда не слышала, чтобы мать говорила с такой горячностью.

– Но это позволит нам избежать позора, миледи, – прошептала она.

– Для этого есть другие способы! – Герцогиня покачала головой, как будто приходя в отчаяние. – Анна, послушайте меня. Никто не должен знать, что вы ждете ребенка. Вы кому-нибудь говорили?

– Нет, мадам. Но разве не нужно сообщить Отто?

Глаза матери округлились от удивления.

– Ни в коем случае! Его следовало бы выпороть за то, что он сделал с вами, но лучше ему пребывать в неведении относительно того, какие это имело последствия. И ваш отец тоже ничего не должен знать. Это разобьет ему сердце... как разбито мое. – Голос герцогини снова дрогнул.

Анну переполняло раскаяние – и негодование. Она причинила боль матери, и все же та вела себя очень неразумно.

– Итак, – мать снова заговорила оживленно, – мы скажем, что вы больны, у вас несварение желудка. Матушка Лёве обратила внимание, что в последнее время вы мало едите, может быть, и другие это заметили. Вы отправитесь в Шлоссбург, где воздух здоровый, и там к весне, по милости Божьей, полностью поправитесь. Матушка Лёве поедет с вами, она же пригласит повитуху, которая поможет в должное время. Когда... когда все закончится, вы сможете вернуться ко двору, как будто ничего не случилось, и никто ничего не узнает.

– Да, матушка, – безучастно ответила Анна.

Наказание оказалось не таким уж и строгим, мать могла вовсе отказаться от нее, лишиться своей любви, но неужели она не способна проявить больше понимания и использовать свое заметное влияние на отца, чтобы убедить его: пусть позволит Анне выйти замуж за Отто! Какое это было бы счастье! А теперь...

– Что будет с ребенком? – спросила несчастная, разыгрывая свою последнюю карту. – Ему нужен отец.

Мать поджала губы:

– Вам следовало думать об этом раньше! Младенца отдадут кормилице и вырастят. Кто его родители – останется тайной. Матушка Лёве, вы организуете это, пока находитесь в Золингене.

– Да, мадам, – кивнула няня.

Герцогиня повернулась к Анне:

– Вам, вероятно, сейчас так не кажется, но все это к лучшему. Я рассчитываю на ваше содействие и благоразумие.

– Да, мадам, – прошептала Анна, не в силах больше сдерживать слезы. – Мне исповедаться отцу Герехту?

Ей стало дурно от такой перспективы, и она вдруг испугалась при мысли о том, что ее ждет, когда она лишится утешительного присутствия матери.

– Нет. Матушка Лёве устроит, чтобы в Шлоссбурге к вам пришел священник, который вас не знает, – ответила герцогиня.

Несмотря на возмущение, Анна понимала, что ей крупно повезло.

– Мадам, я не знаю, как благодарить вас за доброту ко мне, которой я не заслуживаю и знаю это, – проговорила она сквозь слезы. – Простите меня, что я так опечалила вас. И я буду скучать. – Анна встала на колени и уткнула лицо в ладони, вздрагивая от рыданий всем телом.

На плечо ей легла чья-то мягкая рука. Девушка подняла мокрое лицо и увидела склонившуюся над собой мать.

– Я тоже буду скучать по вам, моя Анна, – сказала герцогиня более мягким голосом.

Анне стало ясно, что сдержанность матери была вызвана скорее печалью, чем неодобрением. Она, как обычно, скрывала эмоции. Сама Анна пока еще не овладела этим искусством. Раскинув руки, она обхватила мать за талию и воскликнула:

– Не бросайте меня! Пожалуйста, не прогоняйте. Лучше я умру, чем потеряю вашу любовь.

Мать отцепила от себя ее руки и держала их в своих:

– Никто не гонит вас, Анна. Я делаю то, что в ваших интересах, из любви к вам. А теперь идите в свою комнату, лягте в постель и притворитесь больной. А когда вы уедете, мы станем писать друг другу, и вы будете сообщать мне, как идут дела. Даю вам свое благословение, и да хранит вас Господь.

Шлоссбург Анна всегда любила. Она провела здесь большую часть детства. Изолированный на скалистом плато высоко над рекой Вуппер и окруженный густыми лесами прекрасный замок, в былые времена главная твердыня предков герцогини Марии, графов Берга, был также и любимой резиденцией герцога. Окрестности его славилась богатыми дичью охотничьими угодьями, к тому же это было прекрасное место для проведения придворных праздников, которые так любил отец Анны. В прежние времена Шлоссбург, занимавший выгодное положение на местности и способный выдержать осаду, был крепостью. Теперь он представлял собой скопление похожих на мельницы для перца башенок и прелестных черно-белых деревянных домов, окружавших донжон. Отец ценил Шлоссбург за красоту и безопасность, которую замок давал семье, и еще за то, что это было гораздо более здоровое место для детей, чем Дюссельдорф с его городским воздухом.

Опираясь на руку матушки Лёве, – горничная, которую выбрала няня, ждала их, чтобы поприветствовать, внутри мощных арочных ворот Цвингертор, – Анна медленно шла по двору, понимая, что за ней сочувственно наблюдают двое рыцарей из ее эскорта. Очевидно, она весьма убедительно разыгрывала болезнь, и мужчины, без сомнения, думали, что их юная госпожа приехала сюда в отчаянной надежде продлить свою жизнь. К счастью, была зима, и тяжелая меховая накидка скрывала выступавший живот «страдалицы».

По великолепной парадной лестнице Анна поднималась с трудом, перешагивая со ступеньки на ступеньку. Наконец они достигли общих комнат на первом этаже и вступили в просторный Рыцарский зал с боковыми галереями. Издавна его использовали для торжественных государственных церемоний, которые устраивали герцоги Клеве, а до них – графы Берга. Двадцать лет назад здесь состоялась свадьба отца с матерью, а потом была помолвка Сибиллы с курфюрстом. Сегодня к приезду гостей в двух элегантных каминах во французском стиле разожгли огонь, но зал все равно не прогрелся, словно ему было необходимо присутствие толпы людей, чтобы напиться их теплом. Свечи не горели, что придавало залу мрачности, и, проходя мимо каменных колонн, на которых покоился высокий потолок с деревянными балками, Анна дрожала от холода и ощущения покинутости.

За Рыцарским залом располагались просторные личные покои членов семьи герцога. Много дней провела Анна в комнате фрейлин матери, Kemenate, где жили женщины семьи, когда отец отсутствовал. Из всех окон открывались прекрасные виды на живописные окрестные пейзажи. Позади Kemenate находилась часовня, где герцогиня, проживая в резиденции, каждый день участвовала в литургии Часов¹⁰, сама произносила слова службы, а дети стояли рядом с ней на коленях.

¹⁰ Литургия Часов – в Римско-католической церкви общее наименование богослужений, которые совершаются ежедневно в течение дня.

Слуги приготовили спальню для Анны. Стоявшая в углу печь, отделанная зеленой плиткой, была затоплена, перина взбита, гобелены с изображением цветов повешены на стены. Матушка Лёве приказала молоденькой горничной Герде распаковать сундуки Анны, и вскоре комнаты приобрели жилой вид, за исключением того, что люди, которые делали Шлоссбург настоящим домом, отсутствовали.

Когда наступила зима, ребенок подрос и стал толкаться в утробе у Анны. Сама она превратилась в затворницу и почти не выходила из своей комнаты. За ней присматривали матушка Лёве и горничная Герда, которой сказали, что ее госпожа страдает тяжелой формой водянки. Догадывалась ли служанка, чем страдала Анна на самом деле, кто знает. Герда была неграмотной дочерью фермера, обладала живым воображением, была расторопна и очень добра к Анне. Оставалось надеяться, что она не вникает в подробности жизни своих господ и не задастся лишними вопросами.

Когда ребенок впервые зашевелился, Анна с новой силой ощутила реальность того, что в ней растет новая жизнь. Она заплакала от мысли, что ее ребенку не суждено узнать ни материнской любви, ни отцовской. Об Отто она старалась не думать, чувствуя, что если погрузится в мысли о нем, то сойдет с ума от тоски и горя. Он должен был находиться здесь, рядом с ней. Как можно держать его в неведении? Какая жестокость – оставлять младенца сиротой.

Матушка Лёве осторожно расспросила местных жителей и нашла опытную повитуху, которой сплела историю об одной замужней фрейлине герцогини, оказавшейся в сложных обстоятельствах; сказала, что эта несчастная, получив разрешение укрыться в замке, нуждалась в помощи и сохранении ее истории в строгой тайне, и пообещала щедро заплатить и за то, и за другое. Обрадованная такой удачей, повитуха взялась, когда придет время, найти хорошую кормилицу для ребенка. Ее сестра была на сносях и могла оказаться полезной: молока у нее было много, когда она выкармливала своего последнего младенца. Матушка Лёве посетила дом повитухи и дом ее сестры и сообщила, что в обоих царила безупречная чистота. Еще лучше было то, что акушерка знала одну семью, где один за другим умерли шестеро новорожденных детей, и эти люди отчаянно хотели иметь ребенка. Муж, мастер Шмидт, был успешным и уважаемым кузнецом, изготавливал мечи, имел добротный дом из дерева и камня, а его жена отличалась набожностью. Монахини из расположенного в городе монастыря Грефрат возьмут на себя заботы о выхаживании малыша. Все было устроено.

Анна понимала, что у нее нет выбора. Мать говорила, мол, все делается ради ее же блага, но сама Анна не могла в это поверить.

Время тянулось медленно. Дни проходили за шитьем приданого для младенца, которое отправят вместе с ним в дом приемных родителей, в легких прогулках и молитвах. Каждую неделю Анна писала матери, но сообщать было особенно не о чем, кроме того, что она здорова и ест хорошо. Свежий воздух Шлоссбурга делал свое дело. Каждый день она гуляла вокруг замка – выходила через боковые ворота в разбитый на крутом холме сад, который заканчивался обрывом; далеко внизу блестели воды Вуппера.

В этой холмистой местности, окруженной лесами, легко было поверить в сказки о ведьмах, феях и призраках, которые Анна слышала в детстве. Герда верила, что в замке обитают привидения, но матушка Лёве сразу велела горничной замолчать и забыть эти глупости. «Беременным женщинам, – шепнула она на ухо Анне, – не нужно испытывать страх».

Но Анна, отчаянно нуждавшаяся в каком-нибудь отвлечении, обнаружила, что ей хочется узнать больше. Слышала ли Герда сама что-нибудь? Видела ли собственными глазами?

– Нет, мадам, – призналась девушка. – Но мой кузен здесь конюхом, и однажды он видел высокую фигуру в черном капюшоне, она стояла у окна в Rittersaal¹¹.

«Это могла быть я, – подумала Анна, – в своей темной накидке. Разве я не достаточно печальна, чтобы блуждать по замку призраком из настоящего?»

– Я здесь ничего странного не замечала, – сказала она, – но люблю истории о привидениях.

Герда знала их множество и могла заполнить рассказами томительные часы ожидания. Сведенные вместе судьбой, несмотря на разницу в ранге и положении, девушки крепко подружились. Матушка Лёве, строгая поборница соблюдения этикета, не препятствовала этому. Она понимала, как одинока Анна, как скучает по родным и как сильно нуждается в компании. А тут была Герда, примерно того же возраста, с льняными волосами, веселая и словоохотливая. Справившись со своими делами, она тут же появлялась в комнате Анны и развлекала ее болтовней. Последние недели беременности были скрашены бесконечными мрачными легендами и волшебными сказками.

Ребенок становился тяжелее, вечерние посиделки становились продолжительнее, начали раскрываться первые весенние бутоны. И однажды утром в середине марта Анна ощутила первые схватки.

Повитуха, обосновавшаяся в замке две недели назад со своим родильным креслом, объяснила Анне, чего ожидать. Потом она сказала, что роды были легкие. Но ничто не могло подготовить Анну к тому, с какой силой навалились на нее схватки и какую боль она испытала. Это продолжалось много часов. Однако она была молода, сильна и переносила родовые муки хорошо. Только в самом конце почувствовала, что больше терпеть не в силах, но тут, побужденная совершить последнее невероятное усилие, она ощутила, как ребенок выскользнул из нее в мир, и ее страдания закончились.

Матушка Лёве положила крошечного малыша ей на руки всего на несколько мгновений, чтобы он получил материнское благословение, прежде чем будет навечно разлучен с ней. Сердце Анны захолонуло, когда она его увидела. Он был совершенен, восхитителен, и она увидела в нем Отто. Никогда еще ей ничего не хотелось так сильно, как оставить его при себе, но она знала, что об этом не может быть и речи. Самый ужасный в ее жизни момент наступил, когда вернулась матушка Лёве, чтобы забрать у нее младенца. Анна храбро проглотила слезы, поцеловала крошечную головку и отдала ребенка.

– Его зовут Иоганн, – прошептала она, – в честь моего отца.

Оставшись одна, Анна лежала и заливалась слезами, чувствуя себя так, будто у нее вырвали сердце.

Матушка Лёве застала ее в таком состоянии.

– Перестаньте, овечка моя! Ну, ну. Все к лучшему, поверьте. Я договорилась, чтобы мне время от времени сообщали о нем, и вы будете знать, что он здоров и счастлив. А теперь вам нужно думать о будущем. Вы принцесса. У вас есть предназначение, которое нужно выполнить, и я уверена, вы сделаете это с гордостью. Роды у вас прошли легко, проблемы позади. Вам повезло.

– Повезло? – Анна горько заплакала. – Когда у меня ноют руки от желания поддержать моего малыша, моего *Liebling*! Когда я так ужасно по нему тоскую. Если это удача, как тогда ощущается горе?

Телесные раны затянулись, молоко иссякло, но пустые руки продолжали болеть оттого, что на них не лежал потерянный ребенок. Анна вернулась в Дюссельдорф совершенно здоровой, но сердце ее обливалось кровью от сожалений: ах, что было бы, если б только... Возвраще-

¹¹ Рыцарский зал (нем.).

ние к привычной жизни казалось невозможным, ей никогда не стать прежней. Но шли месяцы, ее тайная печаль превратилась в глухое оцепенение души, и Анна начала понимать мудрость, заключенную в словах матушки Лёве. Скандала избежать удалось, и в этом ей действительно повезло. Но тем не менее Анне хотелось плакать всякий раз, как она задумывалась, какой могла бы быть жизнь, если бы ей позволили разделить ее с любимым мужчиной и их ребенком.

Глава 3

1538–1539 годы

Отец умирал. Надежды не было. Последние четыре года у него медленно, но неуклонно угасал разум. Раньше люди называли его Мирюлюбивым, а теперь дали ему прозвище Простак.

Анна не знала, какой недуг его гнетет, и доктора, казалось, тоже. Началось это через три года после ее возвращения из Шлоссбурга. Отец стал забывать незначительные вещи, делал замечания невпопад или обращался к людям, называя их чужими именами. Иногда мать сомневалась, действительно ли у ее супруга какие-то проблемы, но потом он говорил или делал что-нибудь странное, и все его близкие снова впадали в беспокойство.

В октябре герцога Иоганна сразила новая болезнь – обычная простуда, что дало его личному врачу, доктору Сеферу, возможность внимательно осмотреть своего господина.

– У него все смешалось в голове, – сказал он матери, которая в нетерпении ждала за дверями спальни вместе с детьми, – но телесные рефлексы тоже нарушены. Это нечто новое, и я ничего не понимаю. Никогда такого не видел.

– Это может быть серьезно? – тревожно спросила мать.

– Увы, я не знаю, мадам. Нужно посмотреть, как пойдут дела дальше.

– Я буду молиться за него, – сказала герцогиня и повела дочерей в часовню, где они провели следующие несколько часов, умоляя Господа вернуть отцу здоровье.

В ноябре они с предельной ясностью осознали, что дела действительно идут плохо, когда отец вдруг ни с того ни с сего упал на пол вниз лицом. Он не поскользнулся и не споткнулся – просто потерял контроль над своими ногами. Врачи беспомощно стояли вокруг, хмурились и имели очень мрачный вид.

Болезнь неуклонно прогрессировала, пока не достигла стадии, когда отец начал временами не узнавать свою супругу. Иногда он называл ее Матильдой, именем собственной матери. К Рождеству герцог уже не вставал с постели и говорил с трудом. В один из редких дней, когда отец узнал мать, Анна видела, как он попытался взять ее за руку и посмотрел на жену полными любви глазами.

– Вы должно... быть... мучаетесь... как проклятые, – пробормотал он, с трудом подбирая нужные слова после долгих мучительных пауз.

Больше связных фраз Анна от отца не слышала.

Наступил январь, и состояние герцога еще ухудшилось. Доктора продолжали качать головами и говорить, что ничего не могут сделать. Мать ходила по дому тенью и пыталась убедить себя, что это Божья воля.

– Он ушел от меня, мой любимый мужчина. Осталась одна пустая оболочка. Как это больно, – как-то раз сказала она.

Сердце Анны обливалось кровью от жалости, когда она стояла у постели отца и смотрела на него. Герцог Иоганн то и дело погружался в забытие, нитка слюны сползала вниз по обросшему седой щетиной подбородку. Неужели эта пустая скорлупа – тот жизнерадостный рыцарь, который ослеплял своих подданных ярким атласом, бархатом и пышными перьями на шляпах?

– Осталось недолго, – тихо сказал доктор Сефер матери.

Та перекрестилась и послала за сыном.

Уже несколько месяцев Вильгельм был герцогом во всем, кроме собственно самого титула. Молодой человек двадцати двух лет от роду, среднего роста, приятной наружности, с крепким телом и густой каштановой бородой, по цвету такой же, как обстриженные до верха ушей волосы, Вильгельм оставался таким же серьезным и лишенным чувства юмора, как в детстве, но заслуживал похвал за добродетель и умение соблюдать этикет. Никто и никогда

не встречал сына герцога Иоганна в таверне, не заставлял в объятиях шлюхи, но иногда Анну раздражали ханжество брата и его непоколебимая уверенность в собственной правоте.

И все же, наблюдая за ним сейчас, – вот он, сидит у постели отца, угловатое лицо застыло, ясные глаза затуманены слезами, – она была вынуждена согласиться, что в нем есть задатки великого правителя. Вильгельм был прекрасно образован, говорил по-французски лучше всех германских принцев, так же блестяще овладел итальянскими манерами и был решительно намерен сделать Клеве уважаемым в христианском мире герцогством.

Скоро это будет его Клеве, со всеми графствами и подвластными землями. Анна уже давно относилась к брату настороженно. Если он раскроет ее секрет, ей несдобровать. Однажды – ей никогда этого не забыть, – услышав, что сестра одного из советников герцога Иоганна бросила мужа, Вильгельм буквально взорвался от ярости и сказал, что, будь это его сестра, он убил бы ее. Анна молилась, чтобы брат никогда не узнал о существовании у него безвестного племянника, который – по словам матушки Лёве, извещавшей ее о мальчике далеко не так часто, как хотелось бы, – прекрасно жил в Золингене и хотел ковать мечи, как его приемный отец. Внук герцога Клеве – кузнец! Тоска по сыну тупой болью сопровождала каждый прожитый Анной день.

Вильгельм с мучительной грустью смотрел на умирающего отца:

– Какая трагедия! Он был самым миролюбивым правителем своего времени.

Когда они покинули душную спальню и открыли окна в галерее, впуская в дом холодный чистый воздух, Анна, понизив голос, сказала брату:

– Мать считает, болезнь отца – это Божья кара за то, что он отказался признавать власть папы и Римской церкви. Она говорит, Господу не угодно, чтобы Церковь в Клеве становилась под контроль государства.

Погруженная в печаль, герцогиня была непривычно молчаливой.

– Матушка, конечно, так и думает, – ответил Вильгельм. – Она верная дочь Римской церкви. Но отец полагал, что поступает правильно. И в отличие от короля Англии, который порвал с папой просто потому, что ему вздумалось завести себе новую жену, отец действовал из принципа и позаботился о том, чтобы сохранить, насколько это возможно, дружеские отношения с Ватиканом. Я не стану ничего менять, что бы ни говорила мать. – И он надменно взглянул на Анну.

Она приподняла брови. Не было секретом, что Вильгельм – реформист, как отец, а также друг и покровитель своих подданных лютеран (он даже пригласил одного из них священником ко двору), но в сердце он оставался католиком и ортодоксом. Многие ожидали, что сын герцога прислушается к настояниям матери и вернется к покорности Риму. Вильгельм сам часто говорил, что не примет никакого решения без материнского совета, и Анна предчувствовала, что в отношении религии ее брат поступит так же. Но это будет чистая формальность. Какое бы решение он ни принял, мать не станет бросать ему вызов; так она вела себя с мужем, такую же линию поведения избрала и с сыном.

С тех пор как Вильгельм взял в свои руки власть, Анна ощутила, что отношения в семье стали более напряженными. Брат ревниво оберегал своих женщин и отличался гораздо более строгими взглядами на женскую благопристойность, чем отец. Мать была строга, но Вильгельм оказался еще более строгим. Он ясно дал понять, что Анна и Эмили, пока не выйдут замуж, останутся в уединении вместе с матерью в личных покоях, за исключением тех случаев, когда их появления на людях потребует государственная необходимость. При этом помолвку Анны расторгли четыре года назад, и близких перспектив замужества не предвиделось. Ей было двадцать три, и ни один другой принц не просил ее руки. Даже если бы такие нашлись, Вильгельм, вероятно, отказал бы им. Его казна была истощена. Как мог он раскошелиться на выплату приданого?

Сидя в покоях матери и перебирая вместе с Эмили шелковые нитки для вышивания, Анна размышляла, какой была бы ее жизнь, выйди она замуж за Франциска Лоррейнского. Она не расстроилась, когда отец сообщил, что предварительное соглашение о помолвке аннулировано. Сделать это было несложно, так как ни она, ни Франциск на момент его заключения еще не доросли до того возраста, когда требовалось их согласие на брак. Нет, Анна испытала одно лишь облегчение. Случись это пару лет назад, она снова вспылала бы надеждой, что ей позволят выйти замуж за Отто, но теперь – нет. Анна хранила его кольцо в маленькой шкапулке вместе с немногочисленными личными сокровищами. Даже узнав, что ее возлюбленный женился, она не нашла в себе сил избавиться от его подарка. После того злосчастного визита Анна больше не виделась с Отто; иногда она задумывалась, каков он сейчас из себя и вспоминает ли иногда о ней. Сама же, думая о нем, ощущала горечь обиды, смешанную с благодарностью за то, что Отто, по крайней мере, дал ей познать радость телесной любви, которой она, вполне вероятно, никогда больше не испытает.

Может быть, расторжение помолвки было частью Божественного плана, в соответствии с которым Анна должна находиться здесь, в Клеве, когда понадобится матери. Или таким образом Господь уберег ее от опасности быть вовлеченной в войну, так как, к бессильной ярости герцога Лоррейнского, бездетного герцога Гелдерна убедили, что его страна с большим успехом сохранит независимость, находясь в руках Вильгельма, чем Франциска, и тот объявил брата Анны своим наследником, вот почему причин выдавать Анну замуж за Франциска не осталось. И когда в прошлом году герцог Карл умер, Вильгельм унаследовал Гелдерн, увеличив территории, контролируемые Клеве.

Однако император пришел из-за этого в ярость и заявил, что Гелдерн по праву принадлежит ему. Все сходились во мнении, что он его получит, чего бы это ни стоило.

– Конечно, император зол, – говорил Вильгельм, сверкая глазами. – Он понимает, что обладание Гелдерном дает мне огромные стратегические преимущества. Теперь ему нужно пересекать мои владения, чтобы попасть в свою Бургундию. До сих пор Клеве было окружено со всех сторон чужими землями, но теперь у нас есть выход к Зейдерзе и Северному морю, что повышает наш военный потенциал.

А значит, могла разгореться война. Даже если бы Анна вышла за Франциска и они вступили во владение Гелдерном в прошлом году, император все равно мог выразить недовольство этим и она оказалась бы втянутой в конфликт.

Анне хотелось, чтобы намечался какой-нибудь брак. Она невольно предавалась мечтам о том, как разделяет радости плоти с любимым мужем. Много раз у нее возникало искушение совершить то, что, согласно учению Церкви, считалось моральным грехом, который мог навлечь на нее вечное проклятие, если она не покается. Но Анна удерживалась от того, чтобы признаваться в таких помыслах отцу Герехту или любому другому священнику. Разве могли понять ее они, давшие обет безбрачия? Святые отцы, конечно, были бы шокированы тем, что женщина сознается в столь низких желаниях. Более того, покаяние потребует от нее обещания никогда больше не совершать подобного греха, а Анна опасалась, что такого испытания ей не вынести. Святой Павел утверждал, что лучше вступить в брак, чем гореть в аду, и она отчетливо понимала, о чем он говорил, но перспектив замужества не было, – и что ей оставалось? Только сгореть.

Анна была одна, когда на последней неделе января Вильгельм пришел в женские покои в Дюссельдорфе. Мать находилась в часовне, а Эмили сидела с отцом: была ее очередь.

Анна налила брату вина. Вильгельм кивнул, взял кубок и сел:

– У меня есть новости, которые касаются вас. Сибилла написала мне, что к саксонскому двору прибыли послы от короля Англии и осторожно завели разговоры с вице-канцлером курфюрста о возможности союза с Клеве. Известно, что здоровье отца ухудшилось, а курфюрст –

мой верный союзник. В этом деле ему можно доверять, он меня не предаст, потому как жаждет моего вступления в Шмалькальденскую лигу. Вы должны помнить его вице-канцлера, он приезжал сюда с визитом два года назад, а кроме того, бывал в Англии и знает там кое-кого. Человек он хороший, трезво мыслящий и надежный. Мы можем рассчитывать на него, он уладит это дело как надо и без лишней огласки.

– А какое отношение это имеет ко мне? – поинтересовалась Анна и сделала глоток вина.

Вильгельм сел прямее. Было заметно, что он борется с волнением, а такое случалось с ним нечасто.

– Похоже, главный секретарь короля Генриха, лорд Кромвель, порекомендовал вас в качестве невесты для своего суверена, и король неявно проявил к этому интерес, отправив своих людей вести переговоры о союзе. Анна, вы можете стать королевой Англии!

На мгновение Анна онемела, потом обнаружила, что дрожит. Нет. Нет! Матримониальные проблемы Генриха Английского много лет давали пищу для сплетен всему христианскому миру. У него было три жены, и все умерли ужасной смертью. Первая, по слухам, была отравлена, вторая попала под меч, а третья умерла при родах в позапрошлом году. По отзывам, он был тиран как в спальне, так и вне ее.

– Вы, кажется, не слишком обрадованы, – заметил Вильгельм, слегка приуныв.

– Вас это удивляет? Какова цена короны, если этот человек – чудовище?

– Некоторые говорят, ему не повезло. Первые две жены не смогли родить ему наследника, а третья умерла, делая это.

– Но второй он отрубил голову! Вы хотите подвергнуть меня риску испытать такую же участь?

– Она была потаскухой, изменила ему с другим мужчиной. Вы, Анна, скроены иначе. Вас не коснулось дыхание ни одного скандала.

Анна почувствовала, как щеки у нее запылали от стыда.

– Надеюсь, что нет, – сказала она, внутренне содрогнувшись от мысли: вдруг ужасный Генрих Английский обнаружит, что она не девственница? А потом решительно заявила: – Я не хочу выходить замуж за этого короля.

– Но, сестра, союз с Англией принесет неизмеримую выгоду Клеве, – строго возразил Вильгельм. – Ваш долг – помочь герцогству, заключив удачный брак.

Было ясно, что он уже все решил. С упавшим сердцем Анна поняла, что от нее в этом деле мало что зависит.

– Но зачем Англии союз с Клеве?

– Давайте прогуляемся, и я вам все объясню.

Они надели накидки и перчатки, после чего Вильгельм повел Анну на галерею с лоджией, откуда была видна пристань. Там они остановились и некоторое время наблюдали за проходившими по Рейну лодками и за тем, как с судов выгружают на причалы разные товары.

– Недавно папа отлучил короля Генриха от Церкви, – сообщил сестре Вильгельм. – Вследствие этого два верных сына Церкви – император и король Франции – объединились, оставив Генриха в изоляции. Англия не так сильна, как Империя или Франция, но до недавних пор, вступая в альянсы то с одной, то с другой, ей удавалось сохранять баланс сил в христианском мире. Генрих уже давно ведет переговоры о браке с герцогиней Миланской, племянницей императора, но недавний пакт между Карлом и королем Франциском положил им конец. Король вне себя. Он готовится к войне и ищет себе новых друзей и другую невесту. Ему нужен союзник, который поддержит его борьбу с врагами; союзник, связанный с ним узами родства.

Анна неохотно приходила к пониманию того, зачем понадобился королю Генриху альянс с Клеве, одним из самых сильных герцогств Германии, способным собрать огромную армию.

– Союз между Англией, Клеве и нашими друзьями, владыками немецких протестантских герцогств, снова сместит баланс сил в Европе в пользу Англии, – сказал Вильгельм, показывая,

что им нужно двигаться, так как ветер был холодный. Анна прошла за ним через дверь, которая вела в его личный сад. – Как вам известно, протестантские государства Германии – как занозы в боку у императора, они восстают против его попыток установить католическую веру по всей Империи; союз между ними и Англией отвратит Карла от любых намерений объединиться с Францией, чтобы пойти войной на Генриха. Теперь вы понимаете, почему король склонен к альянсу с нами и женитьбе на вас. Лорд Кромвель, главный советник его величества, настаивает на этом браке. Он реформист, как отец и я сам.

Анна остановилась у солнечных часов, водя пальцем по орнаменту на них. Казалось, король для себя уже тоже все решил. Какой смысл ей, женщине, протестовать?

– Вы задумались, Schwester¹², – сказал Вильгельм, подходя к ней. – Это прекрасный брак. Вы станете королевой.

– Я попаду в опасное положение.

Он вздохнул:

– Нет, пока есть я, чтобы защитить вас.

– Император, несмотря на всю свою мощь, мало что сделал для защиты своей тетки, королевы Екатерины, когда король Генрих оставил ее!

– Я не император. И сказать по правде, страх короля Генриха перед вторжением Карла в Англию удержал его от расправы над Екатериной. Анна, я всегда знал, что ваша добродетель и миловидность обеспечат вам хорошего мужа. Король полюбит вас, не сомневайтесь. Кроме того, ему нужна моя дружба; поэтому вы можете быть уверены, он не станет плохо обращаться с вами. Но важнее всего, что этот союз нужен нам. Для нас тоже представляет опасность недавний пакт между Францией и Империей. Если Франциск поддержит претензии Карла на Гелдерн, нам придется вести войну. С помощью Англии мы имеем шанс ее выиграть.

Что могла противопоставить Анна пылу Вильгельма, воле короля Генриха и упоминанию об опасности, грозившей ее родной стране? Ничего. Она была бессильна и понимала это, но все же предприняла последнюю попытку спастись от неминуемой участи:

– А не может король Генрих жениться на Эмили?

Лишь только слова были произнесены, Анна возненавидела себя за то, что сказала их. Как же низко она опустилась, пожелав сестре вступить в брак, который сама считала отвратительным!

– Выбор в невесты именно вас, Анна, вполне очевиден. Как моя старшая сестра, вы унаследуете Клеве, если оба мы – я и Сибилла – умрем бездетными. У Сибиллы, разумеется, есть три сына, но королю Генриху лучше других известно, что маленькие дети умирают по совершенно разным причинам.

Анна перекрестилась:

– Не дай Бог!

– Аминь! – с жаром произнес Вильгельм, взял сестру за руку и повел ее обратно к дверям. – Пока король Генрих думает, что у него есть шанс через вас заполучить Клеве, вы всегда будете для него на первом месте.

Анна повернулась к брату:

– А как поступил бы отец в этой ситуации?

– Так же, как я, – твердо ответил Вильгельм. – Он был бы за союз.

Анна дежурила у постели отца, молясь, чтобы он пришел в себя и стал таким, как прежде, хотя бы на несколько мгновений. Если бы отец знал, что принесенный им Клеве мир находился под угрозой, то пришел бы в ужас, но отдал ли бы он свою дочь тирану во избежание войны? Вопреки заверениям Вильгельма Анне хотелось верить, что нет.

¹² Сестра (нем.).

Но отец не очнулся. Он больше не реагировал на окружающий мир, был уже почти с ангелами. Анна печально встала, поправила одеяло и налила отцу сердечных капель, которые, скорее всего, не будут выпиты. После этого она пошла искать мать.

Та все знала о переговорах, которые велись в Саксонии.

– Честно говоря, я не знаю, на что решиться, – сказала герцогиня Мария, когда они взялись за вышивание алтарной пелены с двух противоположных концов. – Это был бы важный союз для Клеве. Но я содрогаюсь при мысли, что мне придется отдать свою дочь человеку, отлученному от Церкви, которого должны осыпать бранью все верные католики за его отступничество и поругание моральных принципов. Когда его отвергла герцогиня Миланская, она сказала, что, будь у нее две головы, одну она могла бы отдать в распоряжение его милости! Как я ей аплодировала!

В душе Анны затеплилась надежда.

– Вы сказали об этом Вильгельму?

Брат всегда прислушивался к словам матери.

– Я сказала ему, что решение должен принять он. Хотя я и одобряю союз, но не стану поддерживать ваше замужество с этим человеком.

Значит, надежды нет.

Курфюрст написал Вильгельму. Король Генрих желает знать, сохраняют ли оба герцога Клеве, отец и сын, в каком-нибудь виде верность епископу Рима, как ему было угодно именовать папу; держатся ли они старой, папской веры и, если так, не склонны ли изменить свои взгляды?

– Думаю, мы спокойно можем удовлетворить короля в этом смысле. – Вильгельм улыбнулся Анне. – И в другом тоже, ведь его посол тайком расспрашивал о вашей внешности и личных качествах. Он хотел вызнать все о вашей фигуре, росте и цвете лица, образовании, какие занятия вам по душе и как вы себя ведете.

Анну бросило в жар.

– О моей фигуре? Это как-то не деликатно. Разве нет? Bruder, надеюсь, вы не стали отвечать на этот вопрос!

Вильгельм пожал плечами:

– Анна, когда принцы не могут встретиться со своими предполагаемыми невестами лично, они должны полагаться на описания, сделанные послами, и на портреты. Король попросил, чтобы ему прислали ваше изображение.

Анна кипела от негодования:

– Значит, этот жизненно важный альянс зависит от того, понравятся ли ему мое лицо, моя фигура и поведение! Разумеется, мои желания ничего не значат, не важно, есть ли у меня предпочтения относительно того, за какого мужчину я хотела бы выйти замуж. Я должна вступить в брак ради блага своей страны, и какая разница, что за мерзавец этот король! – Ее трясло от возмущения.

– Успокойтесь, Schwester, – сказал Вильгельм, вставая из-за стола и выдвигая для нее стул. – Решение пока не принято. На самом деле я думаю, что немного потяну время.

Она была изумлена.

– Зачем?

– Мне не нравится отношение англичан. Их посол обменивается с нами фехтовальными уколами. Курфюрст жалуется, что Генрих, видимо, не собирается напрямую просить вашей руки, скорее он намерен подтолкнуть нас к тому, чтобы мы сами вас ему предложили, чего не позволит моя гордость, так как разыгрывать из себя поклонника – это мужская роль. Его послы ведут себя так, будто замужество с королем – высочайшая честь, которой может удостоиться

принцесса из дома Клеве. И мы должны рассматривать это как невероятное одолжение с его стороны.

– Тогда вы правы, что решили подождать, – прошипела Анна. – Никогда еще я не испытывала такого унижения!

Смерть отца на первой неделе февраля принесла всем облегчение, но, хотя ее давно ждали, сильно всех опечалила. Мать облачилась в глубокий траур и батистовый *Stickelchen*, похожий на монашеский вимпл, и удалилась в часовню молиться о душе супруга. Осиротевшие Анна и Эмили стояли на коленях рядом с ней и проливали обильные слезы.

Оставив женщин скорбеть в уединении, новый герцог Вильгельм V с горестным лицом, дрожа от озноба, сопровождал гроб с телом отца к месту упокоения в Клеве. Вернувшись домой, Вильгельм слег. Болезнь его была серьезной, и в течение нескольких недель над ним висела опасность отправиться вслед за герцогом Иоганном в могилу.

В случае смерти Вильгельма, сохрани его Господь, суверенной правительницей Клеве станет Сибилла. Будет ли она искать союза с Англией? Почти наверняка да, ведь ее супруг курфюрст был всей душой за это. Брат или сестра, судьба Анны от этого не изменится.

Ко всеобщему облегчению, Вильгельм медленно шел на поправку. К третьей неделе марта, худой и бледный, он уже мог сидеть в кресле и принимать посетителей. Из окна своей комнаты Анна увидела гонца в ливрее курфюрста, который галопом влетел во двор. Через час Вильгельм позвал ее в свою спальню и с ноткой ликования в голосе сообщил, что члены английской делегации расстроены медленным продвижением дела и король Генрих отправляет в Клеве специального посланника, дабы договориться о союзе. Англичане попросили курфюрста, чтобы тот убедил Вильгельма обдумать дело серьезно, ибо оно касается лично короля.

«А лично меня оно не касается?!» – про себя кипятилась Анна.

– Англичане в нетерпении! – продолжил Вильгельм. – Курфюрст пишет, что они неустанно твердят ему: положение протестантов заметно улучшится благодаря влиянию лютеранской королевы Англии; король Генрих так привязывается к своим супругам, что управлять им лучше всего через его жен.

– Но я не лютеранка! – возразила Анна. – Как они смеют предполагать такое!

– Они просто хотят угодить курфюрсту, Анна. Он уже обещал сделать все возможное для достижения этого союза и теперь уговаривает меня согласиться на брак. Он дал слово послать в Англию ваш портрет.

– Сперва он должен был посоветоваться с вами, – сказала Анна. – Он не имеет права действовать от имени Клеве.

– Schwester, – терпеливо проговорил Вильгельм, – он действует от моего имени. Ему пришлось, потому что я был болен. Но портрет не отправят, по крайней мере пока. Желая дать мне время все взвесить, курфюрст сказал послам, что его придворный художник мейстер Кранах заболел.

Как не порадоваться этой краткой отсрочке!

– Полагаю, о том, что я могу захотеть увидеть портрет короля, никто не подумал, – сказала Анна. – Так ли он красив, как о нем говорят? Никому не пришло в голову, что для меня это может иметь значение?

Вильгельм строго посмотрел на нее:

– Этого не требуется. Есть более важные мотивы, которые стоят на кону в этой игре с помолвкой. Вашим долгом будет любить своего супруга, и вы должны приложить к этому усилия, изучить его, чтобы знать, чем его порадовать.

– Разумеется, я надеюсь полюбить своего супруга! – воскликнула Анна. – Но есть огромная разница между любовью по обязанности, о которой вы говорите, и настоящей любовью,

какая была между матерью и отцом и какую явно нашла Сибилла с курфюрстом. Обрести в браке именно ее я и рассчитываю.

– Тогда я буду молиться, чтобы вы ее обрели, Анна. И все же за браком с принцем стоит нечто большее. Королю Генриху уже рассказали о вашей красоте и добродетели. Сибилла и курфюрст восхваляли присущие вам совесть, честность и серьезность.

– Надеюсь, они не создали впечатления, что я образец женского совершенства, ведь я всего лишь человек! Надеюсь, король не будет введен в заблуждение.

– Скажу вам как мужчина, Анна, многие джентльмены нашли бы вас весьма привлекательной. – Вильгельм редко делал комплименты, так как порицал грех тщеславия. Анна была тронута и поцеловала брата в щеку. – Так, значит, вы не станете переживать? – спросил он, приподняв одну бровь.

– Не стану, – со вздохом согласилась она. – Я буду с добрыми надеждами ждать прибытия английских послов.

Вернувшись в свою комнату, Анна утешилась мыслями о том, что все еще зыбко, переговоры о замужестве могут длиться долго, а помолвки нередко распадаются. Взяв зеркало, она взглянула в отполированную серебряную поверхность и осталась довольна собой. Да, привлекательна, но красива ли? Нет. У нее было розовое лицо, по форме напоминавшее сердце, с милым ротиком и аккуратно изогнутыми бровями, но веки были слишком тяжелые, подбородок чересчур заостренный, а нос не в меру длинный и широкий у основания. Тем не менее она отличалась высоким ростом и грацией, имела ладную стройную фигуру и нежные руки. Достаточно ли этого, чтобы порадовать такого мужчину, как король Генрих, внимания которого, вероятно, всю жизнь доискивались прекрасные женщины? Или король, как и ее брат, ценил в дамах более глубокие качества, такие как скромность, смирение и благочестие? Она молилась, чтобы последнее оказалось правдой.

Ранней весной, вызвав множество кривотолков при дворе, доктор Хайнрих Олислегер, вице-канцлер, и другие сановники Клеве вернулись из Кёльна и поспешили с докладом к герцогу. Вильгельм потребовал, чтобы мать, Анна и Эмили присутствовали на аудиенции, и они скромно сидели в углу приемного зала.

Доктор Олислегер, крепкий мужчина лет сорока, с бородой как лопата и пушистыми усами, богач, бюргер по происхождению, был убежденным гуманистом и одним из ближайших советников отца.

– Ваша милость, – сказал Олислегер, – мы встретились с английскими послами и имели с ними предварительные беседы. Говорил за всех доктор Уоттон, он законник; герр Карне – ученый и дипломат, герр Берд – член королевского Тайного совета. Герра Барнса вы знаете как главного эmissара короля у протестантских принцев. Его прислали в надежде, что он сумеет снискать ваше расположение. Все они хорошо изъясняются по-немецки.

Вильгельм кивнул:

– Послы рассказали вам, с какой целью их сюда отправили?

Доктор Олислегер позволил себе криво усмехнуться:

– Они явно имели намерение разузнать о внешности и характере леди Анны. – Он поклонился ей и продолжил: – Думаю, они остались довольны полученными от нас сведениями, так как сразу заявили, что король Генрих наделил их полномочиями предложить вашей милости его дружбу. Послы жаждут получить аудиенцию. Полагаю, им необходимо убедиться, что вы искренне заинтересованы в альянсе. Если это так, они хотели бы увидеть принцессу и отправить королю ее портрет. Если она ему понравится, король будет рад оказать честь дому и семье вашей милости, заключив союз.

Анна едва могла сдержать возмущение. Возмутительно, что король Генрих поставил столь важный альянс в зависимость от ее внешней привлекательности! Но постепенно ею стала

овладевать мысль, что, вероятно, как и она, король желал заключить брак, в котором могла расцвести любовь. И кто посмел бы бросить ему упрек за то, что и в четвертый раз он не оставляет надежды обрести семейное счастье? Может быть, их супружество и не превзойдет пределов ее мечтаний, но вдруг, при взаимном стремлении наладить отношения, все-таки окажется успешным? Это было бы выгодно всем.

Вильгельм задумался:

– Мне не хотелось бы, чтобы со стороны это выглядело так, будто я бросаюсь в распростертые объятия короля Англии, ликуя по поводу выпавшего на долю моей сестры счастья. Если мы обнадежим его величество и какое-то время подержим в ожидании, это может дать нам большие преимущества. Но главное, я намерен убедиться, что с леди Анной будут хорошо обращаться в Англии и обеспечат ей статус и положение, которых она заслуживает. Его величеству нужно дать понять, что в доме нашей почтенной матушки ее воспитали добродетельной. Меня беспокоит, как она будет жить королевой при дворе, который славится развратом. Имея в виду случившееся с другими женами короля, я должен быть уверен, что моя сестра будет счастлива.

Анна ощутила жаркую благодарность к Вильгельму, но доктор Олислегер, похоже, испытывал сомнения.

– Ваша милость, король, вероятно, не расположен к ожиданию. Он может обидеться на любую задержку с нашей стороны, и тогда мы утратим все преимущества, которые имеем, потому что брак не состоится. По моему скромному мнению, переговоры нужно завершить как можно скорее.

– Очень хорошо, – сказал Вильгельм. – Скажите послам, чтобы они явились в Клеве через два дня, и я приму их.

Прошло два дня, а Вильгельм по-прежнему мешкал в Дюссельдорфе. Только вечером он отправился в Клеве.

– По-моему, это выглядит грубостью с его стороны – заставлять послов ждать, – сказала Анна Эмили. Одетые в ночные сорочки, они сидели на кровати Анны и все не ложились спать. – Ему нужен этот союз, как и королю Генриху. Лучше бы они уже перестали играть в игры и обо всем договорились.

– Вам, похоже, начинает нравиться идея выйти замуж за короля, – заметила Эмили, сплетая в косу свои длинные волосы.

– Я не уверена, – призналась Анна. – Сперва я испугалась, но теперь вижу преимущества этого союза и хочу быть полезной Клеве.

– Благородная дева приносит себя в жертву ради своего народа! – провозгласила Эмили, закидывая косу за плечо.

– Что-то вроде этого, – улыбнулась Анна.

– Я буду скучать по вам, – сказала сестра, и у нее на глазах заблестели слезы.

– Я еще не уехала, и пока нет уверенности, что это произойдет, – ответила Анна, чувствуя, как сжалось у нее горло при мысли о расставании, возможно навсегда, с Клеве, с сестрой и со всеми, кого она любила.

Ее вырастили в понимании того, что однажды это произойдет. У нее на глазах Сибилла уехала в Саксонию, Анне тогда было всего четырнадцать лет; она знала, что ей самой повезло задержаться дома так надолго, но перспектива расставания с семьей и родной страной разбила ей сердце. Она была уверена, что будет ужасно скучать по дому.

– Мы станем писать друг другу, и может быть, вы приедете навестить меня в Англию, – сказала Анна, стараясь придать голосу столько живости, сколько могла.

– Мне бы понравилось отправиться в Англию и стать королевой, – вздохнула Эмили.

– И выйти замуж за человека, который похоронил трех несчастных жен?

– Может, это они сделали его несчастным.

Анна задумалась:

– Полагаю, это возможно.

– Подумайте сами, – продолжила Эмили, откидываясь на подушку и потягиваясь, словно кошка. – Королю был нужен сын, поэтому он пытался развестись со своей первой женой, которая не смогла родить ему наследника, а та упрямо отказывалась давать согласие. Понятно, почему он на нее разгневался. Потом вторая жена, Анна Болейн, тоже не смогла произвести на свет сына и была неверна королю. Это измена. Она получила по заслугам. С третьей женой он был счастлив, и не его вина, что она умерла при родах. Разве не так?

– Так, – вынужденно согласилась Анна. – Но он намного старше меня – больше чем в два раза. Боюсь, я ему не понравлюсь, и, если так случится, меня ждет ужасная участь.

– Глупости, Анна! Любой мужчина был бы счастлив получить вас в жены. Король полюбит вас, как только увидит.

– Надеюсь, вы правы. Если я обрету любовь, какая была между нашими родителями, то буду вполне удовлетворена.

Эмили ушла спать. Оставшись одна, Анна долго лежала без сна и размышляла: очевидно, король расположен к ней и ищет счастья в браке. Если она ему понравится, постарается ничем его не обижать и будет вести себя так, что ее никто ни в чем не сможет упрекнуть или обвинить, и король Генрих не заметит ничего неладного в брачную ночь, тогда с ней все будет хорошо. Вероятно, она и сама встретит счастье. Ох, но сколько же тут «если»!

Вильгельм вернулся из Клеве. Анна расстроилась, узнав от матери, что он не встретился с послами, хотя и заставил их прождать невероятно долго. Следом за ним приехал доктор Олислегер, который поговорил-таки с англичанами. Когда Вильгельм призвал Анну в свой кабинет, чтобы она послушала, как прошла встреча, Олислегер уже был там и ждал ее.

– Миледи Анна, – начал он, – я, доктор Хограве и другие советники герцога имели долгую беседу с англичанами.

– Вы сами не поговорили с ними?! – с вызовом спросила Анна у брата.

– Вице-канцлер Олислегер, следуя моим указаниям, объяснил английским послам мое отсутствие. – Вильгельм слабо улыбнулся. – Нам не годится демонстрировать излишнее нетерпение.

Анна бросила на него недовольный взгляд. Его медлительность могла стоить Клеве выгодного союза.

– Я заверил английских посланников, – начал Олислегер, – что с нашей стороны нет намеренного затягивания переговоров. Но, сир, они продолжают вести себя так, будто король делает нам большое одолжение, и выражают изумление, что вы не спешите принять выпавшее на долю вашей сестры счастье. Они полагают, вы тянете время, чтобы выжать наиболее выгодные условия контракта из их господина.

– И они правы, – сказал Вильгельм. – Я не уверен, что могу позволить себе снабдить леди Анну достойным приданым. И хочу знать больше об условиях, которые предлагает король Генрих, и какое содержание он выделит ей для обеспечения ее нужд. После этого я определюсь с ответом.

– То же самое сказал послам и я, сир. А также сообщил им, как вы приказали, что они получают портреты обеих леди в течение четырнадцати дней.

– Обеих леди? – удивленно переспросила Анна.

– Да, мадам. Об этом просил король.

Анна строго взглянула на Вильгельма:

– Но я думала, речь шла только обо мне как о старшей сестре?

– Мне тоже преподносили это так, – ответил ей брат, – но его величество желает сделать выбор.

Анна не вполне сознавала, что почувствовала. С одной стороны, она испытала облегчение, – может быть, ей не придется покидать Клеве; с другой – ее гордость была немного уязвлена. Вдруг король решит, что Эмили нравится ему больше? Как унижительно это будет для Анны, если он предпочтет ей младшую сестру и та первой выйдет замуж! Впредь ее всегда будут считать отвергнутой невестой.

Вильгельм продолжил беседу с Олислегером, не обращая внимания на смятение сестры.

– Они могут взять портреты, написанные шесть лет назад.

– Нет, только не мой, прошу вас! – запротестовала Анна.

Ее изобразили в профиль, да к тому же в выбранной матерью гадкой шапке. Она выглядела какой-то толстой крестьянкой, и подбородок был слишком тяжелый. Ей не хотелось, чтобы король Генрих или кто угодно другой видел ее такой. Эмили была гораздо больше похожа на себя и явно выигрывала. Не было сомнений, кого выберет король.

Вильгельм нахмурился.

– Если мне будет позволено высказать свое мнение, – вмешался Олислегер, – тот портрет леди Анны показывает ее не такой, какая она есть.

Анна благодарно улыбнулась ему.

– Тогда мы должны заказать другой, – решил герцог, – и найти для этого самого лучшего художника.

– Я позабочусь об этом, – пообещал Олислегер.

Послы без толку сидели в Клеве уже пять недель. Даже курфюрст Саксонии начал терять терпение и прислал вице-канцлера Бурхарда, дабы тот побудил Вильгельма к продолжению переговоров. Вильгельм настоял, чтобы Анна и Эмили присутствовали, когда он принимал этого весьма почтенного и влиятельного государственного мужа, и устроил все так, что английские послы тоже стали свидетелями встречи. Анна собиралась с духом, желая произвести хорошее впечатление на англичан, но потом Вильгельм обмолвился, что послов не будут представлять ни ей, ни Эмили.

– Вы не пойдете общаться с гостями, будете стоять за моим креслом и обе оденетесь, как велит вам мать. Я попросил ее, чтобы вас обеих одели скромно и неброско.

Это означало, что их облачат в закрытые платья длиной от шеи до пят и огромные, украшенные перьями шляпы, которые будут затенять лица. «Да уж, – с горечью размышляла Анна, – трудно придумать для предполагаемых невест более не подобающий случаю наряд!»

– Мы похожи на пугал! – пожаловалась Эмили, когда они степенно шествовали в приемный зал.

– Послы решат, что Вильгельм прячет нас, потому что мы калеки или уродины, – в сердцах бросила Анна.

– У вашего брата есть свои соображения, – твердо заявила мать, и ее было не переубедить.

Вице-канцлер Бурхард, одетый в торжественную черную мантию, поклонился Вильгельму. У него было лицо уставшего от жизни человека, хитрые глаза и тяжелый двойной подбородок. Анна украдкой разглядывала английских послов, которые стояли в некотором отдалении. Главный среди них, доктор Уоттон, имел вытянутое лицо и казался с виду добряком. Все англичане смотрели на Анну и Эмили с нескрываемым интересом.

Аудиенция состояла из простого обмена любезностями. Только после обеда, когда Бурхард удалился с Вильгельмом и Олислегером в личный кабинет герцога, они занялись тем, ради чего собрались сегодня. Анна, сидевшая с Эмили и матерью за столом, наблюдала, как Вильгельм отвергает все попытки Бурхарда подтолкнуть его к одобрению союза.

– Англичане устали от проволочек и надуманных извинений, – горячился саксонец. – Они говорят, что вам, господин Олислегер, это прекрасно известно.

Олислегер утер лоб.

– Так и есть. – Он в отчаянии поглядел на сверкавшего взглядом Вильгельма. – Больше всего их беспокоит, что они не видели юных леди или не смогли толком их рассмотреть. За обедом послы жаловались на то, как были одеты их милости сегодня утром. Они назвали наряды девушек чудовищными – простите, что говорю это при вас, миледи, – и сказали, что не имели возможности ни разглядеть их лиц, ни познакомиться с ними лично. Боюсь, я вспылil и позволил себе спросить, не хотят ли они лицезреть их голыми?!

– Действительно! – воскликнула мать.

Анна вся сжалась от стыда. Эмили хихикнула.

– Мои извинения, ваши милости. – Олислегер выглядел сконфуженным. – Послы ответили, что всего лишь хотели увидеть юных леди. Я пообещал, что вскоре организую это.

– Прошу вас, милорд герцог, – вмешался Бурхард, – пошлите послов к королю, чтобы предложить ему леди Анну. По крайней мере, в этом случае вы узнаете, каковы намерения англичан и какие условия предлагает король.

Олислегер согласно кивнул.

– Я никого не могу сейчас отправить, – раздраженно ответил Вильгельм. – Дипломаты нужны мне для встречи в Гелдерне.

Вице-канцлер Бурхард вздохнул:

– Милорд, это куда нас не приведет. Может быть, вы снимете с себя груз и объясните настоящую причину, почему вас тревожит продвижение переговоров о браке, о чем я вынужден был конфиденциально сообщить английским послам.

Анна пристально взглянула на брата. Вильгельм на мгновение смешался, но потом пришел в себя и, обращаясь к ней, сказал:

– Меня беспокоит, Анна, что ваша помолвка с Франциском Лоррейнским все еще в силе и вы не свободны для замужества.

Анна оторопела:

– Но отец говорил, что предварительное соглашение не имеет силы, потому что обещания были даны друг другу отцами, так как Франциск и я были слишком маленькими, чтобы давать согласие. Он сказал мне, что мы свободны вступать в брак, когда и с кем захотим.

– Мне он говорил то же самое, – подтвердила мать.

– И это правда, как я не раз заверял его милость, – сказал Олислегер, – и послов.

– Тогда, сын мой, о чем тут беспокоиться? – спросила герцогиня.

Вильгельм вздохнул:

– Мадам, я знаю, мой отец считал предварительное соглашение аннулированным, но формально этого не было сделано.

– Этого и не нужно, – вмешался Бурхард. – Очевидно, герцог Лоррейнский не станет возражать, потому что хочет женить своего сына на дочери французского короля.

Олислегер повернулся к Вильгельму:

– Заверяю вашу милость, вам не стоит больше тревожиться об этом. Во имя любви Господа, позвольте нам приступить к переговорам.

Последовала долгая пауза.

– Хорошо, – сказал Вильгельм. – Я отправлю посла в Англию.

Анна напряглась. Похоже, она все-таки станет королевой англичан.

Глава 4

1539 год

В том году июль в Шваненбурге выдался жаркий. Заниматься чтением или вышивать было трудно. Но мешала Анне не только душливая жара. Мать пришла к ней и сообщила, что король Генрих сам выразил озабоченность, действительно ли она свободна от прежде данных обещаний.

– Послы требуют письменного подтверждения того, что ее помолвка официально расторгнута, – сказала герцогиня. – Король желает, чтобы это дело разрешилось, потому как слышал о вашей добродетели, уме и прочих достоинствах. Если вы не свободны, он попросит руки Эмили, но предпочел бы вас, так как вы старшая. Он тревожится только о том, чтобы ничто не препятствовало вам выйти за него замуж. – Мать улыбнулась. – Думаю, доктор Олислегер сможет удовлетворить его в этом.

– Я уверена, тут не о чем беспокоиться, – сказала Анна.

Мать положила ладонь на ее руку:

– Надеюсь, вы довольны этим браком, дитя?

– Да, миледи. Признаюсь, сперва он был мне не по душе, но я понимаю, в чем мой долг, и постараюсь стать хорошей супругой для короля, чтобы вы и Клеве могли мной гордиться. – Анна осознала, что примирилась с ожидавшей ее участью, и даже испытывала радостный трепет в душе от предвкушения великой судьбы.

– Послы хотят встретиться с вами, и я думаю, сейчас самое время, раз вы скоро станете королевой англичан.

– Разумеется. Я буду рада принять их.

– Хорошо. Я организую встречу с ними в саду сегодня после обеда. Скажите вашим горничным, чтобы одели вас в алое бархатное платье. Оно вам очень идет, и вы будете выглядеть превосходно.

Анна согласилась. Алое платье – самое роскошное из всех, что у нее имелись. Из того красного шелкового, с предательскими пятнами, она выросла. Как дорого она заплатила за свое удовольствие... и, может быть, заплатит еще больше. Эта мысль не давала ей покоя и приходила в голову чаще и чаще, по мере того как ее брак с королем становился все более вероятным. Может ли мужчина узнать, что его жена не девственница? А еще страшнее, способен ли он определить, что она рожала?

Решительно отбросив в сторону неуместные страхи, Анна пошла переодеваться для встречи с послами.

Сидя на каменной скамье в саду между матерью и Эмили, Анна чувствовала, что выглядит принцессой до кончиков ногтей. Юбка платья, обшитая золотой тесьмой, мягкими складками лежала вокруг ее ног; длинные рукава, собранные над локтями узорными лентами, свисали почти до земли; поверх расшитого драгоценными камнями лифа лежали тяжелые цепи и крест, усыпанный самоцветами; на голове у нее был изящно отделанный *Stickelchen* из шелкового дамаста, надетый поверх крылатой батистовой шапочки и покрытый вуалью из золотистых нитей; пальцы унизаны кольцами.

Когда послы подошли и низко поклонились, Анна грациозно кивнула им. Доктор Уоттон, выступавший в роли главы делегации, вел себя с изысканной вежливостью; он явно имел большой опыт в искусстве дипломатии.

– Мне говорили, что красотой ваша милость превосходит герцогиню Миланскую, как золотое Солнце затмевает своим блеском серебряную Луну, – сказал он. – И теперь я сам вижу,

что это правда. Его величество – счастливейший из мужчин. Говорят, вы наделены множеством прекрасных качеств.

– Леди Анне привили все добродетели и навыки, необходимые супруге, – сказала герцогиня Мария. – Она умеет читать и писать, готовить и весьма умела в обращении с иглой.

– Восхитительно, восхитительно! – воскликнул доктор Уоттон. – Вы музыкальны, миледи?

– Я не пою и не играю на музыкальных инструментах, сэр, но люблю музыку, – ответила Анна.

Ей показалось или в его добродушии просквозило легкое недовольство?

– На каких языках вы говорите?

– Только на немецком, сэр, – ответила она, чувствуя свою ущербность. Неужели посол ожидал, что она владеет английским? – Но я уверена, что быстро выучусь говорить по-английски.

– Очень хорошо, очень хорошо. – Уоттон повернулся к матери. – Ваша милость, удалось ли сделать что-то, чтобы его величество получил затребованные портреты?

– Увы, нет, – призналась мать. – Мы надеялись, что их напишет мейстер Вертингер, но он занят другими заказами. Мы послали за мейстером Кранахом в Саксонию, однако пока не получили ответа.

– Ничего, мадам. Его величество пришлет своего художника, мастера Гольбейна, если это приемлемо.

– Разумеется. – Герцогиня улыбнулась. – Я уверена, герцог Вильгельм даст разрешение. Мы все слышали о работах Ганса Гольбейна.

– Я также получил указания сказать вам, мадам, и герцогу, что, если имеются какие-либо затруднения с приданым, мой господин ставит добродетель и дружбу превыше денег.

«Генриху, похоже, не терпится», – подумала Анна. Все короли хотели денег.

– Он очень щедр, – с расширившимися от удивления глазами отозвалась мать.

В начале августа двор переехал в Дюрен, охотничий замок Вильгельма, расположенный в гористой части герцогства Юлих. Большую часть времени герцог проводил, запершись в кабинете с доктором Уоттоном и послами. Наконец он назначил доктора Олислегера и Вернера фон Гохштадена, великого магистра двора¹³ Клеве, послами в Англию.

– Они будут обладать полномочиями для улаживания всех вопросов, – сказал Вильгельм Анне, когда семья собралась за столом на ужин. – И мы предложим приличную сумму в качестве приданого, несмотря на намек короля, что мы можем отказаться от выплаты.

– Спасибо вам, Bruder, – поблагодарила Анна.

Она не хотела ехать в Англию без приданого, чтобы не чувствовать себя ущербной.

Мать закончила трапезу и повернулась к ней:

– Кажется, мое дорогое дитя, вы скоро отправитесь в Англию.

– Если королю понравится мой портрет, – сказала Анна, чувствуя, как при мысли о расставании с родными в горле у нее встает ком.

– Он может предпочесть мой, – встряла Эмили.

– Тогда я порадуюсь за вас, – отозвалась Анна.

По правде говоря, она сама до сих пор не понимала, испытает в таком случае зависть к сестре или облегчение.

– Думаю, он попросит руки Анны, – сказал Вильгельм.

¹³ Великий магистр двора, или обер-гофмейстер, – то же, что главный камергер; должностное лицо, управлявшее всем дворцовым хозяйством.

– Мне жаль будет разлучаться с любой из вас. – Мать выглядела печальной. – Но я знаю, в чем состоит мой долг, так же как вы знаете свой. Именно ради этого вас так старательно растили и воспитывали.

– Доктор Уоттон задал мне странный вопрос, Анна, – сказал Вильгельм. – Он поинтересовался, не имеете ли вы склонности к кое-каким увеселениям этой страны?

– Он имел в виду, не пьяница ли я?! – ужаснулась Анна.

Эмили фыркнула и, едва сдерживая смех, ткнулась носом в свой кубок, а мать возмутилась:

– Какая наглость! И это притом что вы, сын мой, известны своей воздержанностью. Эти англичане невозможны!

– Но вопрос вполне оправдан, ведь мы, немцы, славимся любовью к пиву и вину, в общем, говорю об этом с сожалением, – к пьянству. Лютер и тот называл нас запойными демонами. В Англии о нашей репутации, без сомнения, известно.

– Король опасается, как бы ему не подсунули вместо жены пивную бочку!

Эмили захохотала, Анна тоже прыснула со смеху.

– Надеюсь, что нет! – откликнулась мать, но даже ей с трудом удалось подавить улыбку.

В начале августа в Дюрен приехал Ганс Гольбейн.

– Художник приехал! – крикнула Эмили, высовываясь из красивого эркерного окна в башне Герцогини, возведенной отцом для своих женщин. Анна присоединилась к сестре, но успела заметить только спину Гольбейна, когда тот входил в дверь, расположенную внизу, под ними. Девушки наблюдали, как из повозки на двор выгружают мольберт и другие приспособления.

– Не позвать ли нам горничных? Пора подбирать наряды.

– Я надену алый бархат, – сказала Анна. – Это платье произвело хорошее впечатление на доктора Уоттона, надеюсь, оно понравится и королю.

Говоря это, она следила глазами за коренастой фигурой снова появившегося во дворе Гольбейна: лакей вел художника к отведенным ему апартаментам в гостевом доме из красного кирпича, стоявшем напротив башни.

– Он выглядит довольно брюзгливым, правда? – поделилась наблюдением Эмили.

И не ошиблась. Подтверждения не замедлили явиться во время первого же сеанса позирования. Гольбейн оказался человеком молчаливым; его квадратное лицо имело львиные черты и обрамлялось широкой, наподобие лопаты, бородой и коротко подрезанной челкой. К работе художник относился весьма серьезно, разговоров не поощрял и, хотя был способен поддержать беседу с Анной по-немецки, делал это, только когда был в настроении, а по большей части молчал.

– Пожалуйста, не шевелитесь, – скомандовал ей Гольбейн.

Несколько набросков уже были сделаны, и теперь он писал портрет на небольшом круглом куске пергамента, который сам вырезал.

– Это будет миниатюра? В Англию легче послать миниатюру, чем большую картину.

– Да, ваша милость. Большой портрет я напишу позже. А теперь, прошу вас, не разговаривайте.

– Можно мне посмотреть, как вы рисуете? – спросила Эмили, сидевшая у стены и ерзавшая от скуки.

– Нет, принцесса. – Художник взглянул на Анну. – Не двигайтесь, миледи, и не отворачивайтесь от меня. Положите правую руку поверх левой.

Утро заканчивалось, солнце поднялось высоко, и Анне в ее роскошном платье стало жарко, хотелось снять головной убор. Волосы под ним взмокли от пота и прилипли к голове. Она подняла руку, чтобы утереть лоб.

– Не шевелитесь! – одернул ее Гольбейн.

Время тянулось бесконечно. Тишина, как и жара, подавляла. Эмили зевала. Наконец мастер отложил кисть.

– На сегодня достаточно.

– Можно посмотреть?

– Не сейчас. Когда я закончу. Надеюсь, завтра. Доброго дня, ваши милости. – И он принялся вытирать кисти.

Анна поняла, что их отпускают. Слава Богу, портрет скоро будет готов. Она молилась, чтобы он был похож и она выглядела привлекательно. К счастью, Гольбейн пользовался хорошей репутацией.

Принцесса не разочаровалась. Когда на следующий день художник заявил, что закончил работу, Анна внутренне затрепетала, увидев себя на портрете скромно улыбающейся и написанной весьма изящно. Цвет лица был чистый, взгляд спокойный и лицо милое.

Доктор Уоттон, которого позвали посмотреть миниатюру, был доволен.

– Мастер Гольбейн, вы сделали портрет очень похожим.

Настала очередь Эмили. Пока Гольбейн делал первый набросок и резко командовал, чтобы она не шевелилась, Уоттон стоял за плечом художника, что того сильно раздражало.

– Это прелестно! – провозгласил Уоттон, беря в руки законченный рисунок. – Какое сходство! Не нужно писать миниатюру. Этот рисунок подойдет.

Гольбейн рассердился.

– Мне поручили написать две миниатюры, – резко возразил он. – Король лично дал такое распоряжение.

– Король хотел увидеть портреты как можно скорее, – отреагировал Уоттон. – Предпочтительно – еще вчера! Позвольте мне отправить этот рисунок и миниатюру сегодня. Уверю вас, его величество будет доволен. Я ручаюсь.

Гольбейн закатил глаза и сказал:

– Очень хорошо, доктор Уоттон, – но по голосу было слышно, что он вовсе не рад.

Анна взглянула на портрет Эмили. Сестра выглядела необычно для себя мрачной. Ее красивое платье не попало на рисунок, но короля Генриха, несомненно, больше интересовало лицо. Предпочтет ли он ее Анне? Она так не думала, потому что этот портрет не показывал Эмили во всей красе. В нем не был схвачен ни ее солнечный характер, ни остроумие. Сделано ли это нарочно, чтобы выбор точно пал на Анну? Или Эмили выглядела бы иначе, если бы Гольбейну дали шанс написать миниатюру?

В любом случае теперь уже было поздно что-то менять; портреты отправят королю Генриху сегодня, и вскоре они узнают, которой из них суждено носить корону Англии.

Вильгельму, казалось, было все равно, которую из его сестер выберет король, если тот решился-таки взять одну из них в жены. Анна понимала, что по большому счету нет никакой разницы, имя какой принцессы впишут в брачный договор; целью стремлений обеих сторон являлся этот союз сам по себе.

– Его величество был очарован портретом леди Анны, – сияя улыбкой, сообщил доктор Уоттон, – и сразу заявил, что хочет жениться именно на ней. – Посланник поклонился Анне так почтительно, будто она уже была королевой.

Сцена эта происходила в кабинете Вильгельма, куда его сестры спешно явились по требованию Уоттона.

Обрадованная, что выбор пал на нее, но не вполне уверенная в своих чувствах касательно ставшего почти решенным брака, Анна улыбнулась послу.

– Король оказывает мне высочайшую честь, – сказала она, взглянув на Эмили, которая наверняка чувствовала себя уязвленной тем, что выбор пал не на нее, но хорошо это скрывала.

– Его величество с нетерпением ждет вашего прибытия в Англию, – сказал ей доктор Уоттон. – Уже наступил сентябрь. – Он повернулся к Вильгельму. – Вы готовы заключить контракт, сир?

– Конечно готов, доктор Уоттон, – с ликующим видом ответил тот.

Анна смотрела с помоста, как ее брат подписывает брачный договор: Вильгельм размашисто поставил подпись на глазах у всего двора. Потом, по его кивку, она встала, чувствуя на себе выжидательные взгляды всех, кто был в зале. Анна боялась этого момента, никогда прежде ей не приходилось выступать перед людьми, но было понятно: нужно привыкать, ведь у королевы Англии будет много публичных обязанностей. Анна набрала в грудь воздуха:

– Я хочу выразить сердечную благодарность его милости, моему брату, и людям Клеве за то, что выбрали меня для брачного союза, лучше которого я не могу и желать.

Ну вот, дело сделано, все, как просил Вильгельм, и голос ее ни разу не дрогнул. Анна сделала реверанс и села. Мать одобрительно смотрела на нее.

Вильгельм занял место рядом с ней, опустившись в огромное кресло, и подозвал своих послов. Им предстояло обсудить множество деталей контракта: приданое, которое Анна привезет с собой; содержание, которое выделит ей король Генрих; состав ее двора и как она доберется до Англии.

Обязанности посла Вильгельм возложил на доктора Олислегера; ему-то и был передан список поручений.

– Скажите его величеству о моем желании, чтобы он вел переговоры с вами, как со мной, если бы я присутствовал там лично. Да поможет вам Бог.

В тот вечер Анна попросила, чтобы матушка Лёве прислуживала ей в спальне.

– Кое-что сильно меня тревожит, – призналась она, стоя у окна и вглядываясь в ночь. – Скоро я уеду в Англию. И как буду тогда узнавать о житье малыша Иоганна в Золингене?

– Так же, как и сейчас, – заверила ее няня, – хотя новостей придется ждать чуть дольше. Ваша достопочтенная матушка уже сказала мне, что я отправлюсь с вами. Фрау Шмидт обещала по-прежнему сообщать мне о том, как идут дела у Иоганна.

Анна вздохнула с облегчением, но разум ее все равно не успокоился.

– Мы должны соблюдать осторожность. Риск теперь будет гораздо больше. Король считает меня девственницей. Что он со мной сделает, если узнает? Это не дает мне покоя.

Матушка Лёве положила руку ей на плечо, чтобы успокоить:

– Прошло восемь лет, *Liebling*, и за это время никто ничего не узнал. Мы были осторожны и предусмотрительны, будем поступать так и дальше. Если кто-нибудь спросит, я скажу, что у меня в Клеве есть любимый племянник и мне хочется знать, как он растет. Чему тут удивляться? Ни о какой связи с вами никто не заподозрит.

– Нет, конечно нет. Я тревожусь напрасно. – Анна помолчала. – Матушка Лёве, скоро я уеду из Клеве, может быть, навеки. Я всегда надеялась, что однажды, когда малыш подрастет, смогу увидеть своего сына, но теперь, боюсь, моя надежда была напрасной. Нельзя ли мне как-нибудь увидеть его?

Матушка Лёве с озабоченным видом покачала головой, что огорчило Анну:

– Нет. Это невозможно. Мы договорились, что вы больше никогда его не увидите. Для Иоганна его настоящие родители Шмидты. Они считают, что его мать – моя подруга, которая пришла к монахиням за помощью, когда оказалась в трудном положении. *Liebling*, вы не можете встретиться с мальчиком – это вызовет подозрения. Ваше имя теперь известно по всему христианскому миру, и визит будущей королевы Англии в скромный дом кузнеца в Золингене не останется незамеченным!

– Да, разумеется. Я это понимаю. Но нельзя ли увидеть его издали? Мне очень хочется узнать, какой он с виду, прежде чем я уеду. Другого шанса у меня, вероятно, не будет. – Глаза Анны наполнились слезами. Неутоленная жажда видеть сына терзала ее. – Пожалуйста!

Матушка Лёве хмуро расправляла постель:

– По правде говоря, я не знаю, как это устроить. Вы не можете поехать за тридцать миль в Шлосбург, не имея на то основательной причины. Как вы объясните это?

– А они не могут приехать сюда, в Дюссельдорф?

– Но с какой стати?

– Сошлитесь на то, что я хочу купить хороший меч в подарок королю, и попросите мейстера Шмидта привезти мне несколько штук на выбор. Скажите, что мне хвалили его искусство.

Матушка Лёве по-прежнему сомневалась.

– А зачем он повезет с собой семью, если сам едет по делу?

– Придумала! – воскликнула Анна. – Намекните ему, мол, если Иоганн станет его учеником, а это наверняка вскоре случится, мальчику может быть полезен визит ко двору.

Няня покачала головой:

– Затея рискованная. Предлагать такое очень странно. Мейстер Шмидт может почуять неладное. Он и так все эти годы задавался вопросом: кто мать Иоганна? Желание увидеть сына для матери вполне естественно. Вдруг он догадается?

Анна сняла с шеи ожерелье и положила его в ларец.

– Теперь уже вы беспокоитесь напрасно.

– Нет, Анна. Я этого не сделаю. Ваша почтенная матушка полагается на меня в том, чтобы сохранить тайну, и я до сих пор не подводила ее. Она придет в ужас, если узнает, что вы затеываете, да к тому же ваш брак с королем Генрихом приближается. *Liebling*, я знаю, вам тяжело, но поймите, это невозможно.

Анна потерпела поражение. Пока матушка Лёве помогала ей готовиться ко сну, она боролась с волной эмоций, которые грозили поглотить ее целиком, но, когда дверь закрылась и свеча была потушена, Анна дала волю бурным слезам, и не в первый раз.

Однажды в октябре за ужином Вильгельм объявил, что получил письмо от доктора Олислегера.

– Поездка прошла хорошо. По приезде в Лондон сам лорд Кромвель пригласил их на обед и проявил сочувствие к нашей ситуации. Он сказал, что намерение императора отнять у меня Гелдерн бесчестно. Теперь я убежден, что этот договор окажется для нас выгодным.

Анна гордилась тем, что оказывает такую услугу своей стране.

– Послы уже встречались с королем?

– Да, они ездили в его замок Виндзор, потом вместе с его свитой отправились в Хэмптон-Корт. Он оказал им почести, развлекал охотой и пиром. Они сообщили, что король находится в радостном настроении, добром здравии и с нетерпением ждет окончания переговоров.

– Они займут много времени? – спросила Анна, передавая матери блюдо с едой.

– У обеих сторон есть немало вопросов, которые необходимо уладить. Нам нужно организовать для вас достойный эскорт, который демонстрировал бы величие Клеве. Мы должны отобрать в свиту людей, которые будут сопровождать вас, и решить, кто из них останется с вами в Англии, по крайней мере до тех пор, пока вы не свыкнетесь с тамошними обычаями. Запомните, Анна, пока вы принцесса Клеве, ваш долг – делать все, что в ваших силах, для блага родной страны, но как только выйдете замуж, станете англичанкой и должны вести себя соответственно. Король ждет от вас этого.

Анна осушила кубок доброго рейнского вина.

– Признаюсь, меня это немного страшит. Я постараюсь изучить английские обычаи и надеюсь, король будет терпелив со мной. Но было бы утешительно иметь рядом нескольких немцев. Я очень благодарна вам за то, что вы позволили мне взять с собой матушку Лёве.

Герцогиня улыбнулась:

– Она вам с детства будто вторая мать, и я доверяю ей, как никому другому. Матушка Лёве будет вашей доверенной помощницей и возьмет под начало ваших фрейлин. Надеюсь, король согласится, чтобы она осталась при вас и управляла вашими придворными дамами.

– Мне нужно взяться за изучение английского! – воскликнула Анна. – Иначе как я смогу общаться с королем?

– Я думал об этом, – отозвался Вильгельм. – Искать вам учителя здесь, вероятно, уже поздно. Я попрошу совета у доктора Уоттона.

– А когда, по-вашему, состоится свадьба? – осмелилась спросить Анна.

– До Рождества.

– Так скоро!

Трудно было поверить, что всего через несколько недель ее место за этим столом опустеет и она будет справлять Рождество на чужой стороне. Сердце разрывалось при мысли, что ей придется попрощаться с семьей и она, может быть, никогда больше не увидит лица любимой матери. Анна сжала лежавшие на коленях руки, костяшки пальцев побелели от напряжения.

– Срок придет, не успеем мы оглянуться, – живо сказала мать. – Нам так много всего нужно сделать.

Новости из Англии приходили в Клеве нерегулярно. Много времени ушло на обсуждение приданого Анны, но король Генрих проявил сговорчивость. Хотя в конце концов сошлись на сумме в сто тысяч золотых флоринов, он великодушно настоял на том, чтобы Вильгельм на самом деле не выплачивал эти деньги. И сам согласился на требование Вильгельма, чтобы Анна получала такое же содержание, как ее предшественницы, а оно составляло двадцать тысяч золотых флоринов.

– И если по смерти короля вы останетесь бездетной вдовой, – объяснил Вильгельм, – то будете получать пенсию в пятнадцать тысяч флоринов до конца дней, даже если захотите вернуться в Клеве. И буде у вас возникнет такое желание, вы можете забрать с собой всю вашу одежду, украшения и посуду. – Он одарил сестру улыбкой, что случалось нечасто. – Анна, если все пойдет по плану, вы заживете в роскоши и никогда ни в чем не будете нуждаться.

– И Клеве будет в безопасности, – отозвалась она, немного потеплев к королю Генриху.

Может быть, и правда, грешили больше против него, чем он сам. Ради них обоих ей хотелось думать о нем хорошо.

Вильгельм просматривал самый последний, детальнейший отчет доктора Олислегера.

– Решено, что вы доедете до Кале за мой счет. Кале – английский город, и король Генрих возьмет на себя все расходы по доставке вас оттуда к нему в Англию. – Он перевернул страницу. – Предусмотрены и действия на тот случай, если я умру бездетным. Сибилла, разумеется, унаследует Клеве, а вы с Эмили вместе получите сто шестьдесят тысяч флоринов и несколько замков с пятью тысячами флоринов дохода в год до конца жизни.

– Значит, теперь все устроено?

– Почти. Возникли споры о том, каким образом вы доберетесь до Англии. Так как скоро зима, я сказал доктору Олислегеру, что, по-моему, вам лучше ехать в Кале по суше, потому как, если вас повезут морем, – а вы никогда не были на корабле, Анна, и не знаете, каково это, – суровая погода может привести к вашей болезни или испортить вам цвет лица, а вы наверняка захотите выглядеть как можно лучше при встрече с королем.

– Значит, я должна ехать по суше.

– Это не так просто, как может показаться. – Вильгельм вздохнул. Порывшись в ящике, он достал оттуда карту. – Видите ли, путь до Кале лежит через Нидерланды, а это земли императора, управляемые его сестрой, королевой-регентом. Нет никаких гарантий, что император даст вам охранную грамоту для проезда через его владения. Единственный способ обойти это препятствие – ехать морем. Но даже если вы рискнете предпринять этот вояж, существует опасность нападения судов подданных императора. Что, если вы попадете в их руки без охранной грамоты?

– А каково мнение короля на этот счет?

– Король – глава английского морского флота, Анна. Говорят, море у него в крови, и он не видит причин, которые помешали бы его прекрасным кораблям доставить вас в его королевство. Он хочет, чтобы вы плыли морем из Хардервейка, что на побережье Гелдерна. Но тогда вам придется пересечь Зейдерзе, а это опасно для кораблей: даже в хорошую погоду там сложно пробираться через плотины и дамбы. Король понимает это. Он отправил в Гелдерн двоих опытных капитанов для составления лоцманских карт, но они предупредили его, что ни один корабль не может подойти близко к побережью, иначе сядет на мель.

Анна совсем растерялась:

– И как же я попаду в Англию? Послы, кажется, ездят туда-сюда беспрепятственно, но у меня на пути сплошь непреодолимые преграды.

– Вы бесценный груз. – Вильгельм улыбнулся, скручивая карту. – Доктор Олислегер попросил короля, чтобы тот лично запросил охранную грамоту у королевы-регента в Брюсселе с разрешением вам следовать по суше через Брабант.

– И вы надеетесь, что королева-регент даст ее?

– У меня есть на то причины. Если разрешение будет получено, вы отправитесь вдоль северного побережья в Кале. До него примерно двести пятьдесят миль. Король договаривается с графом Саутгемптоном, своим лордом главным адмиралом, чтобы тот встретил вас там с эскортом и перевез через море в Англию. Доктор Олислегер пишет, что лорд Кромвель уже занимается снаряжением кораблей, которые доставят вас, и определяет место, где вы высадитесь, кто должен вас там встречать и в каком месте примет вас его величество.

– Я бы предпочла не вызывать такой суматохи!

– Анна, – строго сказал Вильгельм, – вам предстоит стать супругой короля Англии. Все, что касается вас, должно нести на себе отпечаток его величия. Отныне вы будете причиной всевозможных сует и хлопот, так что вам лучше к этому привыкнуть. Я тоже намерен сделать так, чтобы вы прибыли в Кале с почетом, я снабжу вас золотом, драгоценностями и всем прочим, что подобает иметь невесте такого могучего короля.

Анне хотелось, чтобы Вильгельм умерил помпезность своих речей.

– А что, если королева-регент не даст охранную грамоту?

– Тогда нам придется искать способ отправить вас морем под надежным корабельным конвоем. Но будем надеяться, этого не произойдет. Я обещал королю, что буду сообщать ему в письмах о своих планах относительно вашей поездки, чтобы он мог все подготовить к вашему приезду. – Вильгельм потянулся вперед, сидя в кресле, и взял руки Анны. – Schwester, это будет хороший брак для вас. Король проявил заботу о вашем комфорте и достойном приеме. Доктор Олислегер присовокупил к своему письму послание от него с благодарностью за доброжелательность, проявленную мной при обсуждении альянса. Он побуждает к скорейшему заключению контракта, так как приближается зима. Анна, он хочет жениться как можно скорее. У вас нетерпеливый жених!

Мать, занятая приготовлениями и то и дело справлявшаяся с бесконечным списком необходимых дел, очень обрадовалась, узнав, что лорд Кромвель также занят распоряжениями о

подготовке апартаментов королевы в главном королевском дворце Уайтхолл и обустройством Сент-Джеймского дворца, где Генрих и Анна проведут медовый месяц.

– Говорят, инициалы «Г» и «А» в королевских дворцах вырезали на всех каминах и потолках, вышили на занавесах и постельном белье, высекали на камне, где нужно, – сказала герцогиня Мария. Они сидели в комнате Анны, окруженные стопками нательного белья и полотенец: на всех нужно было вышить новый вензель «AR»¹⁴. – Мне говорили, что Сент-Джеймский дворец расположен уединенно посреди парка.

Анна, увлеченно работавшая иглой, вдруг ощутила холодок. Медовый месяц. Брачная ночь приближалась, а вместе с ней рос страх разоблачения и его последствий.

Она не могла сдержаться и неожиданно выпалила:

– Mutter¹⁵, мне боязно! Вдруг король догадается, что я... не девственница... и родила ребенка...

Мать поспешила успокоить ее:

– Нет, дочь моя, я так не думаю. И я уверена, вы понимаете, что, когда будете исполнять свой долг, как того потребует от вас супруг, должны вести себя так, будто все это для вас внове.

Несмотря на добрый совет матери, Анна понимала: ответа на свой вопрос она так и не получила. А был еще один, который она не решалась задать. Должна ли добродетельная женщина испытывать удовольствие на брачном ложе? Она не могла представить, что переживет с королем такой же экстаз, какой пробудил в ней Отто, и все же надеялась в супружеской спальне снова познать это восхитительное ощущение полноты чувств. Генрих наверняка умелый любовник, ведь у него было три жены – и, говорят, множество любовниц в свое время, – но ему уже к пятидесяти, и юношеский пыл, вероятно, давно в нем угас. Анна совершенно не представляла, чего от него ожидать; ясно было одно: король хочет, чтобы она родила ему сыновей, так как сейчас будущее династии зависело от одного маленького мальчика всего-то двух лет от роду. Дай Бог ей оказаться плодовитой!

– Я слышала, главные английские лорды накупили парчи и шелку к вашему приезду. – Голос матери вывел Анну из задумчивости. – Вас ожидает великолепный прием! – Герцогиня окинула дочь искательным взглядом. – Не нужно так волноваться, дитя мое. На брачном ложе совершенно нечего бояться.

¹⁴ Вензель «AR» означает «Anna Regina», то есть «Анна Королева».

¹⁵ Мать (нем.).

Глава 5

1539 год

Король Генрих подписал договор! Английский двор, как сообщал доктор Уоттон, возликовал и окунулся в суматоху приготовлений.

Отныне к Анне следовало обращаться как к королеве Англии и вести себя в ее присутствии соответственно. Невесту английского короля немедленно обособили от всех, даже от матери, которую, как и Вильгельма, она теперь превосходила рангом и которая должна была кланяться ей. Обращаясь к Анне, следовало говорить «ваше величество» или «ваша милость» и соблюдать по отношению к ней всевозможные церемонии; за столом она сидела на высоком стуле. Прежняя жизнь уже не казалась ей ограниченной. Анна скорее скучала по ней: тогда она могла получать хотя бы немного удовольствия от дружеского общения.

А потом из Англии прибыла юная миссис Сюзанна Гилман. Представляя ее Анне, Вильгельм сообщил, что она дочь знаменитого фламандского художника Герарда Хоренбота и сама находится при дворе как весьма умелый художник и иллюстратор, но самое главное, эта англичанка говорила по-немецки.

– Я оставлю вас знакомиться, – завершил церемонию Вильгельм и закрыл за собой дверь покоев Анны.

– Рада принять вас, миссис Гилман.

– Его величество прислал меня служить вашей милости, – ответила гостя. – Он понимает, что вы почти не знаете Англию, и подумал, что я могла бы рассказать вам об обычаях, принятых при английском дворе.

– Ваш приезд – неожиданная удача, – с улыбкой сказала Анна.

Ей сразу понравилось открытое, пышущее здоровьем лицо миссис Гилман и ее приятные манеры.

– Очень на это надеюсь. – Миссис Гилман улыбнулась. – Я хорошо знаю двор, потому что работаю там. Я служила покойной королеве Джейн как камеристка ее личных покоев. Мой отец – один из художников короля. Он научил меня моему ремеслу.

Анну это поразило.

– Я не знала, что женщины могут быть художниками! Никогда о таком не слышала.

– Ваша милость, при английском дворе не делают различий, так что у женщин есть разные возможности. Там вы найдете женщин-ученых, дам, которые сочиняют песни, стихи и музицируют.

– Это совсем не похоже на Клеве, – сказала Анна, слегка смутившись. – Здесь не одобряют такие занятия женщин. Боюсь, в Англии я окажусь в невыгодном положении, потому что ничего этого не умею.

– Не волнуйтесь, ваша милость, там есть также множество женщин, обладающих добродетелями и навыками, которыми вы особенно славитесь и которыми восхищается король.

– Значит, обо мне говорят при английском дворе?

– Мадам, – сказала миссис Гилман, – будьте уверены, каждое слово, приходящее отсюда, разносится по двору за пять минут!

– О Боже! – воскликнула Анна, и они обе засмеялись. – Ваш отец должен знать мастера Гольбейна, – продолжила она.

– Конечно они знакомы. Мастер Гольбейн был его учеником. Такой сложный человек!

– Верно, – согласилась Анна.

Женщины переглянулись, в глазах у обеих блеснули веселые заговорщицкие искры, и начало дружбе было положено.

– Я так благодарна вам, миссис Гилман, за то, что вы проделали столь длинный путь, – продолжила беседу Анна.

– Для меня это удовольствие, мадам. Король щедро снабдил меня деньгами на дорогу и выделил средства, чтобы меня сопровождал мой супруг. Мы поженились совсем недавно.

– Сколько лет вы прожили в Англии?

– Около восемнадцати, мадам. Я там вполне обжилась. Надеюсь, вы, ваша милость, тоже будете счастливы в этой стране. Король жаждет поскорее увидеть вас. При дворе все только об этом и говорят.

– Тогда, надеюсь, я их не разочарую! – Анна улыбнулась. – Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что нужно знать, о придворных обычаях и о том, чем я могу порадовать короля.

– О, думаю, вы прекрасно с этим справитесь. Его милость попросил меня немного поучить вас английскому языку, чтобы вы могли соблюдать правила вежливости, когда придете.

Анну это обрадовало. Мать распорядилась, чтобы уроки миссис Гилман проходили в женской комнате, самой уютной в ее апартаментах, а сама на это время удалялась вместе со своими дамами в покои поменьше. Занятия шли хорошо, хотя, несмотря на желание учиться, Анна находила английский язык сложным. В чем-то он был похож на немецкий, но, казалось, не следовал никаким логичным правилам. Она овладевала им медленно.

Мать согласилась, чтобы Анна позвала мужа миссис Гилман на ужин вместе с женой. Супруги высоко оценили честь быть приглашенными за герцогский стол, и Анне понравился веселый мистер Гилман, успешный виноторговец, который явно очень любил свою жену.

– Мы познакомились, когда я доставлял вино во дворец Уайтхолл, – сказал он Анне. – На Сюзанну едва не опрокинулась бочка, и я ее спас. – Глаза его заблестели.

– Это было не самое элегантное начало ухаживаний, – заметила его жена.

Глядя на них, Анна впала в задумчивость. Они были так безусловно счастливы, так гармонировали друг с другом. Как было бы замечательно, если бы она сама могла найти такое легкое удовольствие в общении с королем Генрихом!

Сюзанна, а именно так вскоре стала называть ее Анна, без конца рассказывала о роскоши английских королевских дворцов, запланированных по случаю свадьбы торжествах и великолепии двора, который окружит Анну.

– Вашей милости будут служить самые знатные дамы королевства, – говорила она, – и у вас будет собственный совет и свои служители на разных должностях.

– Я не знаю, с чего мне нужно будет начать!

– Не стоит беспокоиться. Вас прекрасно обучили нормам придворного этикета, и там найдется немало людей, которые вам все подскажут.

– Включая вас, я надеюсь! – с горячностью произнесла Анна.

– Разумеется. Его величество дал мне место камеристки при вашей милости, прежде чем я покинула Англию.

– Это меня очень радует. – Анна улыбнулась. – Вы будете главной из моих камеристок.

– Вы оказываете мне большую честь, мадам, даже не зная какую, ведь за места при вашем дворе идет острая борьба, на каждый пост есть по меньшей мере дюжина претендентов, некоторые люди готовы пойти на подкуп. Разумеется, многие должности достанутся тем, кто служил прежним двум королевам и обладает опытом в исполнении своих обязанностей.

– Надеюсь, мне позволят оставить при себе некоторых из моих немецких слуг, – сказала Анна.

– Это дело короля, – ответила ей Сюзанна.

Хорошо бы это не оказалось пустой отговоркой.

Анна сидела за столом в покоях матери. Нужно было вышивать сорочки, которые поедут с ней в Англию, но она отлынивала от работы, завороченно наблюдая за тем, как Сюзанна рисует изящные миниатюры на темы библейских сцен.

– Это для часослова, – объяснила художница.

– Не представляю, как вам удастся рисовать мелкие детали на таком маленьком пространстве! – восхитилась Анна.

Они подружились, хотя были знакомы всего несколько дней, и сейчас, когда за окном стемнело и горничные ушли, подбросив в очаг дров, Анна осмелилась задать вопрос, который долгое время не решалась произнести вслух и никогда не задавала бы ни одному послу.

– Сюзанна, а король... какой он?

– Ваша милость имеет в виду его характер?

– Да. Прошу вас, скажите мне правду.

Художница отложила кисть:

– Я всегда находила его очаровательным. Конечно, не стоит забывать, что он король, но у него прекрасные манеры, он всегда дружелюбен и обходителен с дамами. Ему присуще качество, которое в Англии называют чувством локтя: его величество умеет одновременно быть на коротке с людьми и оставаться королем, если вы понимаете, о чем я. Ко мне он всегда был добр и щедр.

– Ко мне король тоже проявил доброту и щедрость. И все же я слышала, что он бывает грубым и безжалостным.

– Так говорят, – отозвалась Сюзанна, – но мне не довелось увидеть его с этой стороны.

– Но как же королева Анна? Он приказал отрубить ей голову. Своей жене!

Сюзанна покачала головой:

– Она была шлюхой. Платила музыканту за его услуги. Она даже спала со своим братом. И убила бы короля, если бы ее не остановил лорд Кромвель. Это он раскрыл ее козни.

– Правда? – с сомнением спросила Анна. – Большинство людей, с которыми я разговаривала здесь, считают, что лорд Кромвель просто использовал возможность избавиться от нее, потому что она не смогла родить королю сына.

– О мадам, все было совсем не так, – поспешила заверить ее Сюзанна. – Король простил ей то, что она не выносила последнего ребенка, и надеялся, что скоро она снова будет enceinte. Но потом открылись ее преступления... – Художница помолчала. – Мадам, имя этой женщины не произносят при дворе. Вы поступите правильно, если будете избегать упоминаний о ней при его величестве. Ее измена глубоко ранила короля как мужчину и как суверена.

– Можете быть уверены, я не заикнусь о ней, – пообещала Анна.

– Она заслужила смерть, – сказала Сюзанна с ноткой горячности в голосе. – Это из-за нее король так сурово обращался с королевой Екатериной. Королева Джейн говорила, что его милость по натуре хороший человек, но его сбила с пути Анна.

– Кому и знать, как не ей, – заметила Анна, чувствуя, что на сердце у нее потеплело. – Скажите, он сильно любил королеву Джейн?

– Да, он был предан ей и глубоко скорбел по ее кончине. Много недель не выходил из уединения.

Это тоже, как ни печально само по себе, внушало надежду. Значит, король мог быть хорошим, любящим мужем. Неудивительно, что он надеялся обрести счастье в новом браке.

– А какой была королева Джейн? – осторожно спросила Анна.

– Мягкой и довольно робкой, хотя и старалась преодолеть это. Всячески подчеркивала свой королевский статус, но была доброй и щедрой госпожой. Это трагедия, что она умерла, не увидев, как растет ее сын.

– Он еще так мал. Ему нужна мать.

– Мадам, у него есть воспитательница, которая в нем души не чает, и огромный штат слуг. Ни одного ребенка так не баловали и не суеились так вокруг него.

– Все равно я постараюсь стать ему матерью, – решительно заявила Анна, – и дочерям короля, хотя леди Мария почти одного со мной возраста!

– Мать нужна леди Елизавете, – сказала Сюзанна. – Она потеряла свою, когда была совсем крошкой, а ее воспитательницу перевели к принцу Эдуарду.

– Как, должно быть, ужасно – расти в сознании, что вашей матери отрубили голову, – задумчиво проговорила Анна. – Не могу представить, что она чувствует. Я особенно постараюсь подружиться с леди Елизаветой. Бедная девочка!

Если ей не дано заботиться о собственном ребенке, она изольет свои неудовлетворенные материнские чувства на детей Генриха.

Вильгельм позвал Анну в библиотеку, его святилище, где держал присланные Эразмом бесценные книги, карты и портреты предков. Анна расчувствовалась, увидев среди них портрет отца – такого здорового и словно живого, стоящего на коленях перед Благословенной Девой с Младенцем.

Они сели на скамью, где лежало несколько подушек с гербом Клеве.

– Анна, вы должны знать, что решение короля жениться на германской принцессе вызвало множество разных толков и ликования среди лютеран. Не один только курфюрст надеется, что этот брак поведет короля дальше по пути религиозных реформ. Некоторые даже предлагают, что вы убедите его величество перейти в протестантскую веру.

– Но я католичка. Зачем мне это делать?

– Вот именно, Schwester, но это не так широко известно. Многие ошибочно полагают, что, раз Клеве порвало с Римом и сочувственно относится к реформам, мы должны быть лютеранами. Доктор Олислегер пишет, что английские реформаторы надеются увидеть в своей новой королеве вторую Анну Болейн, которая была другом протестантам, и рассчитывают, что вскоре обретут нового друга и защитника на троне.

– Тогда мне их жаль. Это напрасные надежды.

– И к тому же опасные. Хотя король симпатизировал реформистам, когда находился под влиянием королевы Анны, он отошел от этой позиции и теперь придерживается более консервативных взглядов. В этом году он заставил парламент принять акт, говорящий о возврате к старым доктринам. Сейчас опасно защищать реформы или проявлять симпатии к лютеранам. Я знаю, мы не всегда держались одной с вами точки зрения на религию, но теперь я думаю, хорошо, что вы верная католичка.

– И всегда ею буду. Боюсь, протестантам суждено разочароваться во мне.

– Не сближайтесь с ними, – посоветовал ей Вильгельм. – В Англии еретиков сжигают.

Мать была занята составлением для Анны нового, достойного будущей королевы гардероба. В ее покоях повсюду лежали рулоны дорогих тканей, доставленные на выбор дюссельдорфскими торговцами.

– Все должно быть по немецкой моде.

Анна не хотела перечить матери, но отметила про себя, что Сюзанна хмурится.

– Английская королева, конечно, должна носить английские платья, – осмелилась высказать свое мнение она.

– Нет! – отрезала мать. – Я слышала, что они нескромные. Пусть вас видят в приличных немецких платьях и головных уборах.

За спиной у Анны Сюзанна молча качала головой. Но вмешиваться она не могла.

Мать была крайне раздражена, когда король Генрих прислал в Клеве портного по имени Уильям Уилкинсон.

– Неужели король считает меня неспособной выбрать свадебный наряд для своей дочери? Этот мастер Уилкинсон хочет сделать ваше платье в английском стиле. Я сказала ему «нет»!

– Если бы я оделась по английской моде, разве это не был бы комплимент моей новой стране?

Герцогиня покачала головой:

– Нет, дитя. Отставим в сторону скромность, вы отправляетесь в Англию как представительница Клеве, живое воплощение союза. Вы должны надеть лучшее из того, что может дать Клеве. Пусть ваш наряд соответствует нашим обычаям. Это послужит напоминанием о вашем положении в мире. Ваш отец хотел бы этого.

Мнению почившего и горько оплакиваемого отца Анне нечего было противопоставить. Однако мастер Уилкинсон оказался непреклонным. Платья, которые он сошьет, будут в английском стиле. Так распорядился король. И вот в течение нескольких недель, пока он работал при дворе, Анне приходилось терпеть жалобы матери. Английские платья никуда не годятся; они некрасивые, и вырезы у них совершенно неприличные... Когда мать ушла, Анна подняла одно из платьев, чтобы показать его Эмили, и обе они прыснули со смеху.

– Вильгельм умер бы! – хохоча, проговорила Эмили.

В противоположность английским, наряды, сшитые немецкими портными под руководством матери, имели вырезы под самое горло, юбки с ровным краем без шлейфов, что заставило английского портного покачать головой. На примерку ушла целая вечность. Анна ощущала на себе тяжесть бархата и шелковистость дамаста. Платья были сшиты так, чтобы пояс застегивался выше талии, имели длинные свисающие рукава, отороченные мехом или расширенные по краю золотой нитью; многие были богато украшены золотом. К платьям сделали немало поясов с декоративными пряжками. Мать заказала киртлы из дамаста и шелка, чтобы они виднелись из-под раскрывающихся спереди юбок. Изготовили и новые Stickelchen, богато украшенные бисером и драгоценными камнями, несколько белых льняных, а также вуали и батистовые чепцы. Ларец для драгоценностей Анны – вещь сама по себе прекрасная, из чеканного серебра с накладками из слоновой кости, – был полон тяжелых серебряных гривен и цепочек, ожерелий и подвесок, а также колец и перстней.

Новый гардероб Анны пополнялся день ото дня. Мать никому не давала сидеть без дела. Времени терять было нельзя, так как скоро наступит зима, а до того Анна и вся ее свита должны быть собраны и готовы к отъезду в Англию.

Анну терзали опасения, что старания матери могут оказаться напрасными и король не позволит ей носить немецкие платья, раз уж он обеспечил ее новым гардеробом в английском стиле. Втайне она считала, что английские платья идут ей больше...

На третьей неделе октября послы Вильгельма вернулись в Дюссельдорф. Анна присутствовала, когда брат принимал их и доктора Уоттона в своем кабинете.

– Ваша милость, король Генрих желает, чтобы леди Анна приехала в Англию как можно скорее, – сказал доктор Олислегер. – Мы здесь для того, чтобы сопроводить ее в Кале.

– Господа, мы до сих пор ждем охранной грамоты от королевы-регента, – ответил Вильгельм. – Король сам просил этот документ у императора. Без него леди Анна не может ехать.

– Его величество уверен, что документ вскоре будет получен, – сказал Вернер фон Гохштаден, представительный мужчина, близкий к семье герцога и преданный ей.

– Лорд Кромвель прислал это вам, миледи, – сказал Олислегер, передавая Анне письмо. – Он желает поздравить вас с помолвкой.

«Обычно, – подумала Анна, – поздравляют счастливого жениха, который наконец-то получил выбранную им даму».

Доктор Олислегер вслух прочел письмо, переводя его на немецкий. Оно состояло из вежливых фраз в подобающем случаю почтительном тоне.

Анна улынулась:

– Я очень благодарна лорду Кромвелю за его добрые пожелания.

Из всех людей именно его она хотела бы иметь на своей стороне; он добился этого брака для нее, и она была обязана ему.

Доктор Уоттон обратился к ней:

– Лорд Кромвель поручил мне сказать, что шлет вам многочисленные поздравления, а также богатые дары в связи с помолвкой от его величества, как принято. Мне поручено передать это вам.

Он протянул Анне письмо с королевской печатью. Оно было от короля. Анна не стала его вскрывать, а поднесла к губам и поцеловала. Мужчины одобрительно взирали на то, как она кладет послание жениха в карман. Ей хотелось прочесть его в одиночестве.

– Мне также велено передать вам вот это, ваша милость, – добавил Олислегер, протягивая ей какой-то сверток. – Это вручила мне леди Лайл, супруга представителя короля в Кале, когда мы проезжали там по пути домой. Леди Лайл не терпит снискасть ваше благоволение.

Анна вскрыла пакет. Там лежали изящно расшитые перчатки из испанской кожи.

– Какая прелесть!

– Дражайшая сестрица, вы должны помнить, ничто в этом мире не делается просто так, – предупредил ее Вильгельм. – Вы еще не знакомы с игрой в патронаж. Уверяю вас, леди Лайл надеется получить взамен какую-нибудь милость, когда вы приобретете влияние на короля.

– Может, и так, но я должна поблагодарить ее за такой продуманный подарок, – настояла на своем Анна. – Доктор Олислегер, будьте добры, сообщите леди Лайл, что мне очень понравился ее подарок и что он доставил мне большое удовольствие.

Вильгельм в легкой досаде качал головой:

– Дайте женщине палец...

– Она проявила щедрость...

– Так поступят и многие другие люди, когда корона окажется у вас на голове. Вице-канцлер Олислегер и великий магистр Гохштаден подтвердят это. Не так ли, господа?

– Разумеется, ваша милость. Патронаж – негодное, но соблазнительное занятие.

– Так что упражняйтесь в нем изредка и с умом, – посоветовал Вильгельм.

– Лорд и леди Лайл оказали нам радушный прием, – продолжил доктор Олислегер. – Король поручил лорду Лайлу подготовить все к приезду вашей милости в Кале. Милорд сказал мне, что он занят обновлением королевского дворца; они называют его Казначейским. Действительно, весь город приводится в образцовый порядок. Мы видели, что на главных воротах, ведущих в город, идут строительные работы; улицы мостят заново.

– Боже, сколько суеты, и все из-за меня! – воскликнула Анна.

– Нет, Schwester, из-за королевы Англии! – поправил ее Вильгельм. – Вы еще не до конца осознали, какой важной персоной стали.

Позже, когда они с матерью сидели у очага в женских покоях, Анна передала Сюзанне письмо короля и попросила перевести его. Та прочла вслух:

Моей дорогой и бесконечно любимой супруге леди Анне. В этих нескольких строках от Вашего преданного слуги я заверяю Вас в своих любовных намерениях, так как не могу лично поговорить с Вами. Надеюсь вскоре получить от Вас весточку, чтобы быть уверенным в добром здравии моей дорогой госпожи. С другим посланием илю Вам украшение, которое выбрал для Вас в надежде, что Вы сохраните его при себе навечно в знак искренней любви ко мне. Кажется, ждать нашей встречи еще так долго. Буду считать дни до Вашего приезда. Наде-

*юсь скоро заключить Вас в объятия, на сем пока заканчиваю, Ваш любящий слуга и суверен, Генрих R.*¹⁶

«Никто, – подумала Анна, приложив письмо к груди рядом с сердцем, – никогда не получал более прекрасного послания». Вдруг она ощутила радость, что согласилась на этот брак, что поедет в Англию, что станет супругой человека, способного так выразительно писать о любви. Это не было письмо тирана, женоубийцы или человека без чувств. Слухи лгали, она больше не сомневалась. Все будет хорошо.

Мать заглядывала ей через плечо. Заметив это, Анна подняла глаза и улыбнулась, а герцогиня сказала:

– Весьма уместно и трогательно.

Послы привезли с собой копию подписанного договора. И на нем, в самом низу стояла личная подпись короля Генриха: «Генрих R.».

На следующий день Вильгельм устроил торжественный прием в главном зале в Дюссельдорфе, где собрались все придворные, чтобы стать свидетелями того, как он ратифицирует договор. Мать и Анна выражали одобрение изящными кивками головы.

Наутро пришло известие от королевы-регента.

– Анна, с разрешения императора она дала вам охранную грамоту! – триумфально объявил Вильгельм. – И позволяет вашей свите сопровождать вас через Фландрию в Кале.

Препятствий для поездки не осталось. Путь к замужеству был свободен. У Анны засосало под ложечкой.

Вскоре они узнали, что король очень обрадовался известию о получении охранной грамоты.

– Он принудил королеву-регента издать распоряжения для обеспечения вам и вашей свите комфортной поездки, – сказал Вильгельм Анне, показывая ей письмо от Генриха.

Снова у нее внутри все затрепетало. Это происходило на самом деле! Назад хода нет.

В тот вечер с ними ужинал доктор Уоттон. Он пришел с книгой для Анны, присланной в подарок королем. Это был свежееотпечатанный перевод работы немецкого реформатора Вольфганга Капито «Краткое изложение псалмов», выполненный Ричардом Тавернером¹⁷.

– Его величество полагает, что вам будет приятно увидеть посвящение ему, – сказал Уоттон. – Я прочту его для вас по-немецки. Мистер Тавернер молит Господа, чтобы Тот послал королю Генриху то, что мудрый царь Соломон считал сладчайшей и наилучшей частью жизни мужчины и неоценимым сокровищем, – разумную и мудрую женщину в супруги. Следует надеяться, – продолжает он, – что она будет плодотворной лозой в доме его величества, и дети, как раскинувшиеся ветви оливы, усядутся вокруг отцовского стола. И глядь! Господь уже услышал горячие мольбы подданных короля, так как самая прекрасная леди была послана ему Всевышним и готова приехать в его королевство. Дальше мистер Тавернер молит Господа усмирить природу, чтобы погода во время поездки была мягкой и нареченная невеста благополучно прибыла к его милости во исполнение сердечных желаний короля, ожиданий его подданных и в утверждение славы Господней.

Слушая эти напыщенные, но горячие слова, Анна испугалась. Сколько же людей возлагают на нее надежды! Удастся ли ей оправдать их?

Она собрала с духом и ответила:

– Молюсь, чтобы у меня получилось доставить радость королю и его подданным.

¹⁶ Латинское «R» в данном случае – сокращение от «Rex», король (*лат.*).

¹⁷ Ричард Тавернер (1505–1575) – переводчик Библии на английский язык.

– Не сомневаюсь, что у вас это получится, мадам, – лучась улыбкой, сказал Уоттон.

Он сообщил ей о том, что повсюду, где она будет проезжать по пути в Лондон, ведутся спешные приготовления.

– Каждый город стремится обставить ваш приезд с возможным великолепиям, – радостно вещал посол. – Все подданные короля желают выразить свою радость по поводу того, что их королева воплощает в себе союз, который они считают весьма выгодным.

«Лишь бы мне оказаться достойной всего этого», – молилась про себя Анна.

После ужина доктор Уоттон извлек из кожаной сумы свиток и передал его Вильгельму:

– Это, ваша милость, копия королевской жалованной грамоты, которой леди Анне выделяется содержание.

Вильгельм просмотрел документ и показал его сестре. Это был длинный список поместий со странными английскими названиями.

– Мадам, по заключении брака все это становится вашим, – объяснил Уоттон. – Эти владения обеспечат вас доходами от арендной платы и налогов как королеву или, да не допустит этого Господь, как вдовствующую королеву в случае вашего вдовства. Если вы захотите совершить путешествие по Англии, то сможете использовать эти дома по своему усмотрению. Арендаторы ваших земель с радостью окажут вам гостеприимство.

Анна была потрясена.

– Их так много!

– Да. – Уоттон улыбнулся. – Они дают ежегодный доход, который составляет условленное в договоре содержание. Вам ничего не нужно делать. Ваши служащие, советники, управляющие и эконоы будут вести все дела в отношении вашей собственности к вашей выгоде. Покойная королева Джейн получила такой же дар от короля. Это необходимо для вашей жизни в Англии в соответствии с условиями брачного контракта.

– Вы станете богатой женщиной, Анна, – сказал Вильгельм, в высшей степени удовлетворенный.

– Я понимаю, какая удача мне выпала, – ответила она.

– Теперь осталось только обвенчаться, – подытожил доктор Уоттон.

Все складывалось так удачно, что Анна, по всей видимости, могла оказаться в Англии к концу ноября.

В начале месяца доктор Уоттон попросил о встрече с ней. Вильгельм, разумеется, присутствовал, мать тоже. Посла распирало от желания поделиться новостями.

– Король придет в Кентерберии, чтобы встретиться с вами, ваша милость! – объявил он. – Его величество не в силах ждать дольше. Вы обвенчаетесь там, и оттуда король сам будет сопровождать вас в Лондон.

У Анны перехватило дыхание. Через несколько недель она увидит его – этого мужчину, образ которого преследовал ее и наяву, и во сне уже не один месяц.

– Его величество оказывает мне огромную честь.

– Вот именно! – отозвалась мать. – Я дам указания матушке Лёве, пусть проследит за тем, чтобы при въезде в Кентерберии вы были одеты по-королевски.

– Восхитительно, восхитительно! – воскликнул доктор Уоттон.

– Где совершится обряд венчания? – спросил Вильгельм. – В соборе? Я слышал, это чудо света.

– Не могу сказать, ваша милость. Предыдущие браки его величества заключались в домашней обстановке.

– Мне все равно, где я вступлю в брак с королем, – сказала Анна. – Важно, что мы станем супругами и наши великие страны объединятся.

Доктор Уоттон с признательностью посмотрел на нее:

– Ваша милость, вы ухватили самую суть дела. Вам будет приятно услышать, что, пока мы здесь разговариваем, лорд главный адмирал Англии и многочисленная депутация лордов Тайного совета готовятся к отбытию в Кале. Они должны встретить там вашу милость и сопроводить при пересечении Английского канала.

– Я распорядился, чтобы мою сестру по пути туда эскортировали четыреста всадников, – сказал Вильгельм, не желая уступать англичанам.

Доктор Уоттон поклонился:

– Превосходно, сир. – Он снова повернулся к Анне. – В Дувре вашу милость встретят остальные лорды Совета и проводят в Кентербери, к королю, который отвезет вас в Лондон праздновать Рождество. Вам это понравится, мадам, потому что при дворе отмечают все двенадцать дней Юлетид, с пышными торжествами, которые в этом году в честь вашего брака будут ярче обычных. Король распорядился, чтобы ваш официальный въезд в Лондон состоялся в день наступления Нового года, а ваша коронация пройдет в Вестминстерском аббатстве на Сретение.

Все это звучало восхитительно и превосходило любые ожидания Анны. Встречали ли раньше какую-нибудь королеву с такой торжественностью?

Из Лондона прибыл курьер в красной ливрее, украшенной розой Тюдоров и забрызганной грязью от быстрой скачки. Гонца прислал сам король из дворца Хэмптон-Корт. Его величество жаждал узнать, когда ее милость отправится в путь.

– Немедленно, – ответил вестнику Вильгельм.

Часть вторая. Королева Англии

Глава 6

1539 год

Вильгельм отправился в Шваненбург, где 25 ноября должен был собраться эскорт Анны, подобающим образом одетый и снаряженный. И пусть никто не посмеет сказать, что Клеве отправило свою принцессу в Англию недостаточно почетно!

Кортеж тщательно продумывался много недель: кто поедет с ней до Кале, кто отправится в Англию, кто останется там, а кто вернется домой. Анну должны были сопровождать знатнейшие дворяне и сановники страны. Возглавит эскорт доктор Олислегер; доктор Уоттон и члены его свиты тоже включатся в него.

В Дюссельдорфе, занятая последними приготовлениями среди суматохи сборов, проходивших под руководством матери, которая, попеременно то подбадривая, то распекая, совершила чудеса за отведенное ей краткое время, Анна не имела возможности задумываться о том, что скоро ей придется говорить прощальные слова. Из Брюсселя пришли добрые вести; их доставил отправленный Вильгельмом гонец.

– Анна, – объявила мать, – королева-регент намерена прислать знатного человека, который проследит, чтобы с вами хорошо обращались во владениях императора, пока вы не поедете Гравлин, где вступите на территорию Англии. Это весьма дружелюбный и почетный жест. Очевидно, что, несмотря на распрю между Вильгельмом и императором по поводу Гелдерна, вы будете в безопасности и под защитой во Фландрии.

– Это огромное облегчение. – Анна улыбнулась. – Все так добры ко мне.

– А как же иначе! – сказала мать.

Она опытным взглядом окидывала женские покои, еще раз проверяя, на месте ли составленные один на другой, обитые железом сундуки, холщовые мешки, сумки и ящики, готовые к погрузке в повозки и на выючных мулов, которые потянутся вслед за процессией Анны. Герцогиня не догадывалась, что среди личных вещей дочери спрятано кольцо, оставшееся для нее единственным напоминанием о том, какой прекрасной может быть любовь.

Делать больше было нечего, кроме как помочь Анне одеться. Настало утро отъезда в Шваненбург, где она распрощается с родными.

– Не могу выразить, как я вам благодарна за то, что вы так основательно собрали меня в путь, – сказала Анна, чувствуя, что к горлу подкатывает ком.

Ей хотелось обнять мать и никогда не отпускать, но герцогиня не поощряла открытого выражения привязанности и эмоций.

– Это был мой долг и мое удовольствие, – ответила мать. – Теперь я вполне удовлетворена: вы поедете в Англию, снабженная всем необходимым королеве.

Анна не могла уснуть. Ее подушка была мокра от слез. Это случалось уже много раз за последние недели. В ночные часы человек нередко оказывается под властью мрачных мыслей и впадает в отчаяние. Как она сможет поехать в Англию и оставить все, что было ей знакомо и привычно, может быть, навсегда? Зачем согласилась на это? Ей невыносимо было расставаться не только с матерью, Вильгельмом и Эмили, но еще и с тем маленьким мальчиком, который жил в Золингене и по которому она тосковала каждый день.

Она не поедет! Скажет, что совершила ужасную ошибку. Напишет письмо с извинениями королю и все объяснит. Он легко найдет себе другую невесту.

Но потом Анна ощущала укол совести. А как же союз, жизненно важный для безопасности Клеве? Какой позор падет на Вильгельма из-за того, что она позволила английскому королю увлечься собой и обманула его надежды, да и на самого Генриха тоже! Это будет расценено как величайшее оскорбление. Что скажет мать, которая всегда учила ее ставить долг превыше всего и так напряженно трудилась, чтобы обеспечить ей достойный отъезд? Что подумают доктор Олислегер, доктор Уоттон и лорд Кромвель, которые месяцами вели переговоры о браке? Как быть с ожидающими ее в Шваненбурге лордами и леди из эскорта? Как они отреагируют, если получат приказ разъезжаться по домам?

Анна не могла больше лежать в постели и терзаться этими тревожными мыслями. Она встала, осушила слезы, обула бархатные туфли и надела тяжелый ночной халат, подбитый мехом горноста. Спускаясь по лестнице в башне, она услышала отдаленный бой часов – полночь – и вдруг увидела матушку Лёве, которая шла ей навстречу, завернувшись в черную накидку.

– Миледи! Я как раз ищу вас, – громким шепотом сообщила няня. – Я привела кое-кого повидаться с вами. Он ждет внизу.

Сердце у Анны заколотилось. Нет, конечно, этого не может быть... Матушка Лёве сама сказала, что это невозможно.

– Там?... – начала было она, но няня, показав ей широкую спину, уже быстро спускалась по лестнице, так что Анна поспешила вслед за ней во двор.

Мужчина в дорогой меховой накидке, с золотой цепью, аккуратно одетая женщина и маленький мальчик, закутанный от холода, стояли на мостовой. При виде Анны мужчина низко поклонился, а женщина сделала быстрый реверанс, толкнув локтем мальчика. Тот тоже поклонился.

– Золинген желает выразить уважение и пожелать вашей милости счастья, – сказала матушка Лёве. – Позвольте представить вам мэра города, фрау Шмидт и ее сына. Эти добрые люди собирались прибыть сюда раньше, но были застигнуты бурей и пережидали ее.

Мэр сделал шаг вперед, и Анна оторвала взгляд от ребенка.

– Ваша милость, примите уверения в верности и сердечные пожелания удачи от всех людей Золингена. Мы давно питаем добрые чувства к герцогскому дому, ведь вы сами и ваши родные часто гостите в Шлоссбурге, и мы понимаем, какое благо вы приносите Клеве, согласившись на этот брак. Мы хотим сделать вам подарок, чтобы выразить свои чувства и нашу благодарность. Мы решили, что преподнести его должен один из наших самых юных горожан. Выйдите вперед, мальчик.

Ребенок снял шапку и вынул из-под накидки маленький сундучок. Анна не могла оторвать глаз от лица малыша. В мерцающем свете стенных факелов оно выглядело красивым: голубые глаза, вишневые губы и светлые волосы, как у нее и Отто; нос немного длинноват, а в остальном – совершенство.

– Ваша милость, прошу, примите этот скромный дар, – произнес мальчик заученную фразу.

Анна наклонилась и взяла сундучок, упиваясь мгновением, когда ее рука коснулась нежной кожи ребенка. Внутри лежала красивая золотая подвеска в форме сердца, украшенная эмалевыми узлами вечной любви, синим и красным.

– Благодарю вас, – сказала Анна, а потом, поддавшись порыву, наклонилась и поцеловала мальчика в щеку. Ей хотелось обнять его, но она не посмела. Пусть изголодавшееся сердце довольствуется тем, что можно. Выпрямившись, Анна добавила: – Господин мэр, этот подарок и тот очаровательный способ, каким он был преподнесен, глубоко тронули меня. Это великолепное украшение я буду хранить как память о вас и обо всех добрых людях Золингена. – Голос ее дрогнул, и она испугалась, как бы не расплакаться, ведь, увидев всего на миг своего малютку-сына, она вновь теряла его, теперь уже навсегда. – Простите, – сказала Анна, – меня

переполняют эмоции при мысли о расставании с Клеве и теми, кто здесь живет и так дорог мне. А этот подарок воплощает в себе все то, что я оставляю позади. Примите мою самую смиренную благодарность, я буду молиться, чтобы Господь благословил вас за вашу доброту.

Говоря это, Анна еще раз взглянула на милое лицо сына, после чего отвернулась, чтобы никто не увидел ее слез, и пошла к башне.

Матушка Лёве поравнялась с ней на ступенях лестницы. Она обняла Анну и держала ее в объятиях, пока та рыдала, говоря сквозь всхлипы:

– Спасибо вам, спасибо, что устроили эту встречу. Вы не представляете, как много она значит для меня.

– Но я представляю, – ответила няня; ее голос прозвучал глухо, потому что она говорила, уткнувшись в плечо Анны. – Давным-давно, до того как я овдовела, у меня был ребенок, маленький мальчик. Он умер вскоре после рождения. Так что, да, Анна, я знаю, что такое скорбь по своему малышу. Любая мать поймет это. И устроить все было нетрудно. Мэр – мой кузен. Когда я услышала, что он собирается преподнести вам подарок, шепнуть ему на ухо нужное словечко оказалось достаточно.

– Он красавец, мой сын. И так хорошо говорит. Шмидты прекрасно его воспитывают.

– Они в нем души не чают. Вы можете спокойно отправляться в Англию, зная, что дали ему все самое лучшее.

– Да, – неохотно согласилась Анна, утирая глаза.

– А теперь давайте ложиться спать, – сказала матушка Лёве. – Утром нам рано вставать.

Во дворе стояла карета, в которой Анна отправится в Англию, – закрытая, изящная, золоченая, украшенная резным орнаментом во французском стиле и разноцветными гербами Клеве, с козлами для возницы и золотой фигуркой гордо выступающего клевского льва, установленной спереди наподобие носовой фигуры корабля. Крыша была затянута золотой парчой, на окнах висели шторы из такого же материала. Их можно было крепко связать внизу для приватности или защиты от сквозняков. Четыре золоченых колеса доходили стоящему рядом человеку до уровня груди, внутри карета тоже имела роскошную отделку.

– Какой великолепный экипаж! – воскликнула Анна, выйдя из дому в новой дорожной накидке с широким капюшоном, отороченной соболиным мехом. – Он похож на тот, в котором уезжала на свою свадьбу Сибилла.

– Похож, – подтвердила мать, – и подвешен на цепях, так что вас ждет комфортная поездка, если не помешают погода и плохие дороги.

Двор был полон повозок, коней и людей. Весь багаж погрузили, хаос чудесным образом превратился в порядок, и они были готовы к отправке. Вскоре башни и шпили Дюссельдорфа заметно уменьшились в размерах. Анна задумчиво смотрела назад, а город постепенно таял вдаль. Сидевшая рядом мать осторожно положила ладонь на ее руки и пожала их – редкий жест, выдававший чувства герцогини. Матушка Лёве, занимавшая место напротив, задорно глянула на них обеих.

– До Дуйсбурга отсюда меньше тридцати миль, ваши милости.

Ночь они собирались провести в тамошнем замке.

– А оттуда останется всего триста двадцать. – Анна улыбнулась. – Для меня, по крайней мере.

– Счастливица, – вздохнула Эмили, сидевшая сбоку от матушки Лёве. – Хотелось бы мне поехать в Англию.

«И вы наверняка поехали бы без тени сомнения», – подумала Анна. Она откинулась на спинку сиденья и предалась воспоминаниям о вечерней встрече, глядя на мать и сестру, как будто хотела, чтобы их лица навечно запечатлелись в ее памяти.

На следующий день они прибыли в Шваненбург, где их ожидал герцог. Во дворах замка толпились вооруженные мужчины, которые будут сопровождать Анну в Кале. Когда она вошла в Рыцарский зал, то обнаружила, что он полон более высокопоставленных членов эскорта, которые, увидев ее, возликовали. Анна подняла руку в приветственном жесте, а герцог призвал всех к тишине и проводил сестру на помост, где она, поблагодарив брата, села рядом с ним в резное кресло, стоявшее под балдахином, поскольку теперь Анна была фактически королевой.

В ожидании, когда начнется церемония представления, она рассматривала собравшуюся перед ней толпу и узнавала многих представителей семейств высшего дворянства Клеве. Впереди всех стояли доктор Олислегер и его дородный кузен Герман, граф фон Нойенар, второй человек в свите. Анна посочувствовала графу: тот оставлял дома больную жену, но его профессиональное владение латинским и французским было необходимо.

Мать, разодетая в узорчатый златотканый дамаст, приветствовала своего сводного брата, дядю Иоганна, бастарда из Юлиха, который мог бы позавидовать ее наследию, но был слишком добродушен и ленив, чтобы обижаться на нее. Анна увидела своих кузину и кузена – Анастасию Гунтеру Шварцбург и Франца фон Вальдека, которые обменивались шутками, как и подобает четырнадцатилетним подросткам. Красавец Франц был многообещающим сыном Анниной тетушки, другой Анны Клевской, и Филипа, графа фон Вальдека; Франц будет в числе восьми пажей, а Анастасия займет должность одной из пяти камеристок Анны. Другие ее будущие слуги толкались вокруг Сюзанны Гилман, которая улыбнулась и сделала реверанс, встретившись взглядом с Анной.

Вдруг зазвучали трубы, и герольды начали по очереди, в соответствии с рангом, выкрикивать имена собравшихся. Один за другим выходили вперед члены эскорта Анны, низко кланялись и нагибались поцеловать ей руку. Внезапно, до сих пор скрытый из виду, перед глазами у нее возник – нет, этого не могло быть... Анне захотелось отшатнуться и пришлось напрячь все силы, чтобы сохранить самообладание, потому что из поклона поднялся теперь уже взрослый, но сохранивший прелесть лица, приобретшего, однако, более зрелые черты, мужчина, который навязчиво являлся ей в воспоминаниях и наводил на мысли о том, что могло бы быть, если бы... Отто фон Вилих. Рядом с ним стояла миловидная, вся в украшениях молодая женщина. Отто поднял глаза на Анну, и она увидела в них знакомое тепло и память о тайне, которую они оба хранили.

Анна заставила себя улыбнуться паре, силясь не замечать, как застучало у нее в груди сердце. Прошлое всегда возвращалось к ней, чтобы упрекнуть за тот единственный отроческий грешок. И все же видеть Отто было приятно, хотя она и отпрянула от него, задержала дыхание, когда он вышел вперед; однако, наблюдая за ним, никто не заподозрил бы, что этот молодой мужчина с такими уважительными манерами знает Анну гораздо лучше, чем следовало бы. Теперь она занимала более высокое положение – сидела на троне королевой, но чувствовала чистый, беспримесный ужас оттого, что Отто находится в ее свите и вместе с ней отправляется в Англию.

Как такое могло случиться? Мать знала, что он сделал. Почему она не остановила Вильгельма, когда тот решил включить его в свиту?

Доктор Олислегер что-то тихо говорил ей на ухо.

– Мой племянник, ваша милость, Флоренц де Дьячето. Моя сестра вышла замуж за флорентийца, но он родился в Антверпене.

Анна поняла, что Отто и его жена отошли, а перед ней раскланивался остроносый молодой человек с длинными курчавыми волосами. Несмотря на разыгравшееся сердце, она заставила себя милостиво улыбнуться жизнерадостному Флоренцу, за ним – великому магистру Гохштадену, потом вице-канцлеру Бурхарду и маршалу Дульцику; обоих прислал курфюрст для демонстрации одобрения альянса.

Процессия казалась бесконечной. Голос герольда раздавался вновь и вновь:

– Милорд Иоганн фон Бюрен-Дроссар... Милорд Вернер фон Паллант, лорд Бреденбент... – (Глаза Анны остекленели, улыбка застыла на лице.) – Леди Магдалена фон Нассау-Дилленбург... леди Кетелер... леди Александрина фон Тенгнагель...

Последняя оказалась согбенной, сморщенной старухой, которой, наверное, было лет сто от роду, и тем не менее, к изумлению Анны, она все равно ехала в Кале. Помнится, Вильгельм говорил ей, что эта старая женщина настаивала на поездке, утверждая, что это ее право. Может быть, Отто сказал то же самое...

Как только завершилась эта длительная церемония, Анна последовала за матерью в женские покои и быстро заперла за собой дверь, пока не вошли их приближенные.

– Mutter, как случилось, что Отто фон Вилих попал в мою свиту?

Мать беспомощно покачала головой:

– Он ваш кузен. У него есть право. Что я могла сказать, не возбудив подозрений Вильгельма?

– Вы могли сказать, что он вам не нравится. – Анна расхаживала взад-вперед по комнате, она была вне себя.

– Этого недостаточно для отказа.

– Но, Mutter, одно его присутствие подвергает меня опасности. Если появится хотя бы намек, что между нами что-то было, это может вызвать подозрения у короля. Вдруг он решит, будто я привезла с собой любовника.

– Анна, возьмите себя в руки! Отто теперь женат. Он любит свою супругу, и она любит его. Ваша тетя говорила мне. Он не станет подвергать опасности ни свой счастливый брак, ни надежды на продвижение по службе в Англии. Ему тоже есть что терять. Успокойтесь, и давайте готовиться к вечернему пиру.

Мать была права; она говорила разумно. Анна перестала расхаживать по комнате и постепенно ощутила, что внутреннее напряжение спало. И все же, как только представится возможность, Анна постарается найти повод, чтобы отправить Отто домой.

Карета ждала у гейтхауса. Двор был забит людьми и лошадьми. Вильгельм поцеловал Анну в обе щеки.

– Господь да пребудет с вами, Schwester. Пишите и сообщайте нам, как у вас идут дела в Англии. – Вильгельм остался верен себе и не смог удержаться от напыщенного наказа: – Помните, вы едете туда, чтобы поддержать честь Клеве.

– Сделаю все, что в моих силах, для поддержки интересов моей родной страны. Прощайте. Да хранит вас Господь в здравии! – Она взяла руку брата и сжала ее.

Искушение было велико, но Анна не обняла Вильгельма.

Эмили, напротив, распахнула крепкие объятия для сестры.

– Я буду сильно скучать по вам, – сквозь слезы произнесла она.

Анна начала всхлипывать, хотя строго наказала себе не плакать.

– Я тоже буду скучать по вам, Liebling, – пробормотала она. – Берегите себя. Может быть, в следующем году наступит ваш черед отправиться в свадебное путешествие. – Вдруг у Анны в голове промелькнуло видение: годы пролетели, они постарели, но в памяти остались такими же. – Приезжайте ко мне в Англию, если сможете.

– Я приеду, приеду! – воскликнула Эмили и энергично закивала; лицо ее было мокро, капюшон на голове сдвинулся набок.

Самое трудное прощание осталось напоследок. Анна встала на колени, чтобы в последний раз получить материнское благословение.

– Да хранит вас Господь, мое дорогое дитя, – ровным голосом произнесла мать. – Пусть Он благословляет каждый день вашей жизни, убережет вас во время поездки и сделает счастливой и плодотворной в браке.

Анна поднялась на ноги и обняла ее, вглядываясь в любимое лицо. Впервые она заметила, что мать стареет. Скоро ей исполнится пятьдесят. Увидятся ли они еще хотя бы раз? Дай-то Бог. Снова глаза Анны наполнились слезами. В ней как будто образовалась плотина, ждавшая момента, чтобы прорваться.

– Прощайте, Анна, – сказала герцогиня, проводя пальцами по щекам дочери. Это был самый нежный материнский жест, какой Анна могла припомнить. – Поезжайте и будьте хорошей королевой во славу Клеве.

– Я буду, дорогая мама, – нетвердым голосом дала слово Анна. – Прощайте.

Она забралась в карету и устроилась на алых бархатных подушках. Матушка Лёве сидела напротив с Сюзанной Гилман. Под сиденье Анны положили каменные бутылки с горячей водой, чтобы всем было тепло.

Анна отодвинула штору на окне и заставила себя улыбнуться родным. Она не хотела, чтобы в памяти у них запечатлелось на прощание ее заплаканное лицо. «Будут письма», – напомнила она себе, хотя мать сказала, что сама не станет писать, пока не дожидется вестей от Анны о ее благополучном прибытии в Англию. Вероятно, подумалось Анне, мать просто не хочет в первые дни после разлуки расстраивать ее напоминаниями о доме.

Где-то впереди затрубили трубы, возница щелкнул кнутом, застучали по мостовой копыта, и огромная процессия тронулась в путь. Анна махала матери, Вильгельму и Эмили, чувствуя, что грудь у нее вот-вот разорвется от эмоционального накала, а потом карета, находившаяся в середине кавалькады, сопровождающей Анну в Кале и дальше в Англию, прогромыхала под аркой гейтхауса.

Спереди и сзади доносился топот двухсот двадцати восьми лошадей, которые везли ее свиту из двухсот шестидесяти трех человек, и маршевый шаг солдат эскорта. Вильгельм выделил ей сотню личных слуг. Среди них числились казначей, широкоплечий Яспер Брокгаузен с женой Герти (оба нравились Анне), и повар, мейстер Шуленбург, под пламенным руководством которого она провела много часов, постигая искусство кулинарии на дворцовых кухнях. По настоянию матери Вильгельм позволил Анне взять с собой хорошего врача – доктора Сефера. Были у нее личный священник, секретарь, грумы, пажи и ливрейные лакеи. Ее зять, курфюрст Саксонии, одолжил ей тридцать трубачей и двух барабанщиков, чтобы оповещать местных жителей о прибытии в каждое место, где она будет останавливаться по пути. Это они дали сигнал к отъезду.

Большинство членов ее немецкой свиты вернутся в Клеве после свадьбы. Анна про себя молилась, чтобы король Генрих позволил ей оставить при себе, по крайней мере, матушку Лёве и нескольких горничных, да еще доктора Сефера. Но только – прошу Тебя, Господи! – не Отто фон Вилиха.

К Фландрии они продвигались медленно. Первую ночь провели в принадлежавшем герцогу Вильгельму замке Вейнендале в Равенштайне. За второй день проехали всего три мили и остановились в замке Батенбург в Гелдерне на берегу Мааса. Анна сразу ушла в свои покои, избегая опасности столкнуться с Отто фон Вилихом.

На следующее утро во время завтрака доктор Уоттон попросил о встрече с ней.

– Ваша милость, я получил известие из Англии. Его величество решил не проводить ваше бракосочетание в Кентерберии. Он считает, что вашей милости понадобится время на отдых после поездки, и он примет вас в своем дворце в Гринвиче, где вы и поженитесь.

– Я довольна любым решением его величества, которое он посчитает наилучшим, – сказала Анна, втайне радуясь краткой отсрочке, потому что в ней росло беспокойство при мысли о скорой встрече с будущим супругом.

Они проехали через Тилбург и Хогстратен и теперь направлялись к Антверпену. С каждой милей Анна удалялась от того, что было ей знакомо и любимо ею; тоска по дому грозила

поглотить ее. В городах тосковать было некогда: невесту короля радостно встречали, устраивали пиры и праздники, но во время долгих дорожных переездов и по ночам у нее было слишком много свободного времени для грустных мыслей обо всем том, что она оставила позади.

– Эта поездка тянется невыносимо долго, – жаловалась Анна, поднимая штору и глядя на очередное бесконечное пространство замерзших плоских полей. – Мы прибудем в Кале очень поздно. Уже декабрь. Король надеялся, что к этому моменту мы будем женаты.

– Тут ничего не поделаешь, – отвечала матушка Лёве.

– Но мне неприятно заставлять его ждать, – растравляла себе душу Анна.

– Мужчин нужно держать в ожидании, – заметила Сюзанна. – Это увеличивает их пыл. Они не ценят то, что достается без труда. К моменту, когда ваша милость доберется до Гринвича, король будет в лихорадочном нетерпении!

– Или в раздражении! – возразила Анна. – Я скажу доктору Олислегеру и доктору Уоттону, что не намерена оставаться в Антверпене больше чем на день. Если нам повезет, мы окажемся в Кале через шесть дней после этого.

Она поехала. Каменные бутылки, которые наполняли горячей водой каждое утро, остыли, шторы были почти бесполезны для защиты от сквозняков, и все, кто сидел с ней в карете, кутались в накидки, надевали на головы капюшоны, укрывались одеялами и натягивали на руки толстые перчатки. Анна уже почти жалела, что не отправилась морем!

Когда они приближались к Антверпену, доктор Уоттон поехал рядом с каретой.

– Ваша милость, – окликнул он Анну, и Сюзанна отодвинула штору, – в четырех милях от города английские купцы из Компании торговцев-авантюристов встретят вас и проводят туда, где вы остановитесь.

– Это очень благородно с их стороны, – ответила Анна, – но я надеюсь, они поймут, если мы не задержимся здесь надолго. Время поджимает.

– Да, мадам, но мы зависим от погоды. Слабый ветер беспокоит меня.

– О Боже! – Анна совсем пала духом.

– Не беспокойтесь, ваша милость. Его величество – опытный мореход. Он понимает такие вещи. К тому же у меня есть и хорошие новости. Представители императора будут сопровождать вас из Антверпена в Гравлин. Они присоединятся к вашей свите в Антверпене.

– Говорят, это процветающий и богатый город, – сказала Анна.

– Один из крупнейших торговых центров христианского мира, там больше тысячи иностранных торговых домов, многие из них заведены англичанами. Милорд Кромвель и английские купцы вместе постарались устроить вам хороший прием. Смотрите, вот там вдалеке я уже вижу купцов!

Анна тоже заметила приближающуюся группу всадников, а позади них – мощные стены и бастионы Антверпена.

Саксонские трубачи сыграли фанфары, карета остановилась, шторы с окон были отдернуты. Анна спустилась на землю, а пятьдесят купцов-авантюристов, все в бархатных куртках и с золотыми цепями на шее, поклонились ей. Глава Компании мастер Воан преклонил колени, чтобы поцеловать Анне руку.

– Добро пожаловать в Антверпен, ваша милость! – провозгласил он, широко улыбаясь.

Хотя время было послеобеденное, купцы привели с собой процессию из восьмидесяти факельщиков, чтобы освещать путь в город. У Красных ворот Анну ждали представители императора граф Бюрен и Ферри де Мелен с великолепным имперским эскортом. Они должны были въехать в город с двух сторон от кареты Анны.

– Милорды, – сказала она, – я в долгу перед его императорским величеством за заботу, с которой он прислал вас обоих ко мне.

Мужчины поклонились.

– Для нас это удовольствие и большая честь, – сказал граф.

Анна удивилась и была тронута зрелищем огромной толпы, запрудившей широкие улицы города, радостно кричавшей и махавшей ей руками. Было ли это предвестием того, что ожидало ее в Англии, думала она, поднимая в приветствии одетую в перчатку руку и грациозно кивая головой направо и налево.

– Я никогда еще не видел, чтобы при въезде кого-нибудь в Антверпен, даже императора, собиралось столько людей! – воскликнул граф Бюрен. Пока они медленно ехали сквозь толпу к центру города, он указывал на интересные места. – Английский дом, где вы остановитесь, находится вон там.

Через мгновение Анна увидела впереди величественный фасад трехэтажного здания, протянувшийся не меньше чем на сотню ярдов. Его венчала крыша со ступенчатым коньком, какие были популярны во Фландрии.

Вперед вышел глава купцов Воан:

– Добро пожаловать в наше скромное жилище, мадам.

– Но это великолепный дом. – Анна улыбнулась, а Воан проводил ее в прекрасно обставленные комнаты. – Я благодарна вам за заботу обо мне.

Он поклонился и объявил, что Английский дом на день предоставлен в распоряжение Анны и ее свиты. Вечером будет устроен грандиозный пир в ее честь. Но, разумеется, почетной гостье нужно отдохнуть, перед тем как двери будут широко открыты для всех, кто хотел бы ей представиться.

Анна была слишком взволнована, чтобы отдыхать. Она приказала горничным, чтобы те помогли ей вымыться и переодеться, потом спустилась вниз и пожелала осмотреть сад позади дома, который краешком глаза увидела из своего окна. Воан и доктор Уоттон проводили ее туда и прогулялись с ней по крытой галерее, сооруженной по периметру сада. На ней разместились множество лавок и ларьков, хозяева которых торопливо сворачивали торговлю.

– У нас тут больше сотни лавок, мадам, – сказал Анне мастер Воан. – Здесь мы продаем купцам со всей Европы прекрасные английские шерстяные ткани.

– Шерсть – источник богатства Англии, – добавил Уоттон. – На нее большой спрос повсюду.

Анне хотелось бы осмотреть сад, но ее попросили вернуться в дом, так как там встречи с ней ждали люди. После этого Анну увлекло в водоворот приветствий, любезностей и пиршеств. Столько народу пришло встретиться с ней или просто поглазеть на нее с любопытством; скамьи вокруг уставленных яствами столов были забиты купцами – хозяевами Английского дома, знатью и официальными лицами – лучшими и славнейшими людьми Антверпена. Всем не терпелось познакомиться с будущей королевой. Анна едва успевала сунуть что-нибудь в рот. Сюзанна переводила, и ее царственная ученица постепенно овладевала искусством поддерживать ничего не значащие разговоры с незнакомцами, делая вид, что ей приятно их общество. Это давалось Анне нелегко.

В кровать она повалилась только после полуночи. Утром нужно было рано вставать, потому что двери дома останутся открытыми для всех до самого вечера, и им придется провести здесь еще не одну ночь, прежде чем они продолжат путь.

На следующий день посмотреть на Анну собралось столько же народу, сколько и накануне. Когда она наконец освободилась от желавших представиться ей, уже наступали сумерки, голова у нее шла кругом. Анна во главе свиты придворных поднялась по лестнице в свои покои. В трубе завывал огонь, ей стало жарко в роскошном черном с золотом наряде.

– Мне нужно немного подышать воздухом, – сказала она сильно покрасневшейся матушке Лёве, которая сидела и занималась шитьем. – Тут очень душно! – Анна потянулась за накидкой.

Она спускалась вниз с Сюзанной, шедшей следом, и встретила с доктором Уоттоном.

– Ваша милость! – приветствовал он ее с улыбкой, которая всегда была у него наготове. – Я как раз шел искать вас. Можем мы поговорить?

– Разумеется. Пойдемте со мной в сад.

– Я получил письмо от лорда Кромвеля, – сказал Уоттон, когда они медленно побрели по засыпанной гравием дорожке мимо затейливых цветников и декоративных деревьев в огромных горшках. – Его величество хочет узнать, какие немецкие обычаи ваша милость хотели бы соблюдать в Англии, чтобы помочь вам быстрее и легче привыкнуть к новой жизни. Он особенно интересуется одним, который называется *breadstiks*¹⁸.

Сюзанна засмеялась.

– Он имеет в виду *Brautstückes*! – сказала она Анне. – Доктор Уоттон, это означает «невестины вещички». В Германии наутро после свадьбы знатный мужчина дарит своей жене подарок. Это могут быть деньги, земли или драгоценности. Он также раздает *Brautstückes* ее горничным, – обычно кольца, брошки или диадемы; а мужчинам, которые ей служат, – накидки, дублеты или куртки из шелка или бархата. Так поступил курфюрст Саксонский, когда женился на леди Сибилле.

– Вероятно, его величество подарит вашей милости *Brautstückes* наутро после свадьбы! – Доктор Уоттон улыбнулся.

– Это было бы очень приятно, – сказала Анна. – Я бесконечно ценю заботу его величества о моем счастье. Мне так же не терпится увидеть его, как ему – встретиться со мной. Надеюсь, завтра мы продолжим путь?

– Да, мадам, и я думаю, в субботу доберемся до Брюгге.

– Оттуда уже недалеко до Кале?

– Около семидесяти миль, мадам. Большая часть пути уже позади.

– Какое облегчение!

Доктор Уоттон раскланялся, и Анна с Сюзанной возобновили прогулку по саду. Они встретили Анастасию фон Шварцбург и Гербергу, еще одну юную камеристку Анны: девушки, хихикая, возвращались в дом. Увидев свою госпожу, они покраснели и торопливо сделали реверанс.

– Поспешите, – строго сказала Анна. – Если матушка Лёве увидит вас на улице без призора, вы получите нагоняй!

Юные леди поблагодарили ее и побежали в дом.

– Вы лучше пойдите за ними, как будто гуляли вместе, – сказала Анна Сюзанне. – Я подожду вас здесь.

Какое благословение – побыть одной, пусть даже совсем недолго. Анна стояла посреди сада, который освещался только светом, горевшим в окнах дома, откуда доносился звон посуды: шла подготовка к ужину, и еще кто-то играл на лютне.

Вдруг из тени вышел мужчина.

– Ваша милость, простите меня!

Перед Анной стоял на одном колене Отто фон Вилих. От неожиданности она растерялась и не знала, что сказать, а потому отозвалась эхом:

– Простить?

– За то, что напугал вас, миледи, и... за мои юношеские поступки. – Отто повесил свою прекрасную голову; волосы у него и теперь были длинные и буйные.

¹⁸ *Breadstiks* – англ. «хлебные палочки»; Уоттон коверкает немецкое слово «*Brautstückes*», что и вызывает смех Сюзанны.

– О... Встаньте, прошу вас.

– Я хотел, чтобы ваша милость знали, я не искал места в вашей свите и не имел желания смущать вас своим присутствием. Это все мой родственник, эрбгофмейстер фон Вилих, он попросил за меня, и герцог согласился. Я бы принес вам извинения раньше, но не было никакой возможности приблизиться к вашей милости и... ну, признаюсь, мне не хотелось встречаться с вами. Я обязан принести вам глубочайшие извинения за то, что случилось, когда мы были юными. Сможете ли вы когда-нибудь отыскать в своем сердце прощение для меня?

Отто сильно изменился, но что-то от непослушного мальчика, каким он был тогда, чувствовалось в нем и сейчас. И хотя он согрешил больше, потому как знал, что делает, а она нет, Анна тоже была виновата. А теперь ее возлюбленный счастливо женат.

– Я охотно прощаю вас, – сказала она, протянула ему руку для поцелуя и, вздрогнув от прикосновения его губ, отдернула ее. – Но при одном условии: вы поклянетесь, что никогда и никому не скажете.

– Конечно, – сразу согласился Отто; его голубые глаза были исполнены понимания и чего-то еще. Ей показалось, или это нечто большее, чем почтительное восхищение? – Я торжественно обещаю никогда не говорить об этом. У меня есть свои причины желать, чтобы случившееся осталось в забвении. – Отто покаянно улыбнулся.

Анне захотелось сказать ему, что у него есть сын, но тут она увидела возвращавшуюся Сюзанну, и вообще, пусть лучше Отто живет в неведении. В горле у нее встал ком.

– Благодарю вас, сэр, – сказала Анна, когда ее компаньонка подошла ближе. – Я обдумаю вашу просьбу, но должна вас предупредить, что в настоящее время для вашей жены нет места среди моих дам.

Отто понял ее уловку и откланялся, сказав напоследок:

– Благодарю вас, мадам.

– Красивый молодой человек, – заметила Сюзанна, глядя ему вслед, и они продолжили обходить по кругу сад.

– Да, – согласилась Анна. – Он мой кузен.

Ее обуревали разные эмоции, но главной была одна – чувство облегчения. Отто не представлял для нее угрозы, и она больше его не боялась.

Глава 7

1539 год

В Брюгге Анна прибыла на день позже, продрогшая, вымокшая и упавшая духом из-за опоздания. Она удалилась в свои покои такая уставшая, что даже думать не могла об осмотре достопримечательностей этого славного города.

Доставка ящика вина от городских властей ее приободрила, и она с благодарностью выпила кубок, за ним другой и еще один. Первый помог ей расслабиться, второй согрел, а после третьего она определенно почувствовала себя счастливой. Вечер Анна провела весьма оживленно, со своими дамами; за ужином они рассказывали друг другу разные забавные истории.

Из Брюгге она отправилась в Ауденбург, Нивпорт и Дюнкерк. В понедельник, 8 декабря, ее карету остановили гонцы из Кале. Они сообщили, что лорд-адмирал и его свита провели там уже какое-то время, а горожане развлекали их в меру сил в ожидании своей новой королевы. Доктор Уоттон, сидевший на лошади рядом с каретой, получил письмо от адмирала.

– Леди Лайл прислали много подарков для вашей милости, и она готовит для вас роскошный стол. Надеюсь, вы любите оленину и хряковину!

Анна улыбнулась:

– Уверена, меня порадует ее гостеприимство.

– Ее светлость – неугомонная женщина.

– Я не возражаю, если это будет означать, что я наконец-то на английской земле, – сказала Анна, и процессия тронулась. – Задержки в пути, должно быть, стоили моему брату гораздо больше, чем он рассчитывал.

– Мы прибудем в Кале в четверг, – заверил ее Уоттон и прищиприл коня. – И как только ваша милость вступит в пределы Англии, вы и вся ваша свита окажетесь на попечении короля. Если нам повезет, мы пересечем Канал в субботу.

На следующий день Анна была в Гравлине, где комендант города приказал устроить в ее честь пушечный салют. Здесь она проведет две ночи, чтобы отдохнуть и подготовиться к официальному приему в Кале. Осталось проехать всего шестнадцать миль...

Рано утром в четверг граф Бюрен и Ферри де Мелен попрощались с Анной, обеспечив ее благополучный переезд через владения императора. Она сердечно поблагодарила их и села в ожидавшую ее карету.

Еще не было восьми часов, когда, сразу за Гравлином, они достигли дорожной заставы. Здесь Анна, впереди которой двигались трубачи и барабанщики, пересекла границу Англии. Ее ожидала многочисленная группа всадников, лейб-гвардейцев в бархатных куртках и с золотыми цепями, а также состоявшая из лучников стража в ливреях самого короля.

Высокий мужчина средних лет с аристократическими чертами лица вышел вперед и поклонился Анне. Наверное, это был наместник короля, комендант Кале. Ей говорили, что Артур Плантагенет, виконт Лайл, побочный сын короля Эдуарда IV, приходился дядей его величеству.

– Ваша милость, примите мои сердечные приветствия и добро пожаловать в Кале! – сказал лорд Лайл – воплощение учтивости.

Когда с обменом любезностями было покончено, процессия перестроилась: каждый из королевских гвардейцев поехал рядом с одним из членов эскорта Анны.

До ворот Кале осталось меньше мили, и Анна увидела на открытом пространстве рядом с церковью лорда главного адмирала, графа Саутгемптона, ожидавшего ее во главе большой депутации, чтобы выразить свое почтение. Он выглядел впечатляюще в мундире из пурпурного бархата и золотой парчи, с украшенным драгоценными камнями свистком, который висел на

цепочке у него на шее. Стоявшие рядом с ним лорды были одеты похоже, а в свите находились сотни джентльменов в мундирах из красного дамаста и синего бархата, цветов королевского герба Англии. Казалось, ради нее служилых людей облачили во все виды самого шикарного английского военного обмундирования.

Карета подъезжала к приветственной группе, и Анна занервничала. Все они – подданные ее мужа и наверняка станут оценивать и обсуждать свою новую королеву. Она должна вести себя так, чтобы заслужить их уважение и – желательно – любовь. Анна села прямо, приказав себе улыбаться и не терять грации. Матушка Лёве подала ей руку, как будто говоря: «Мужайтесь!»

Снова загремели трубы, и карета остановилась. Пока Анна спускалась и впервые ступала на английскую землю, все мужчины из свиты адмирала встали на колени. Сам он вышел вперед и низко поклонился. Величавый, похожий на быка, с крупными чертами лица, выступающим носом и пронизательными глазами, он выглядел грозным; такому человеку никто не захотел бы попасться на пути, и тем не менее, когда Анна протянула ему руку, он тепло улыбнулся.

– Ваша милость, эти джентльмены – придворные короля, – сказал ей Саутгемптон.

Снова и снова она протягивала руку для поцелуев, примечая, что у сэра Томаса Сеймура красивое лицо и озорные глаза, у сэра Фрэнсиса Брайана распутная улыбка под повязкой на одном глазу, а в мистере Калпепере есть что-то неопределенное и отталкивающее. Мистер Кромвель, представительный молодой мужчина в прекрасно сшитом костюме, был, очевидно, сыном лорда Кромвеля.

После обеда они наконец увидели гавань Кале с массивными воротами, стоявшими, как часовые, при въезде на пристань. Множество кораблей и лодок стояли на якоре у морских ворот, где круглая башня защищала вход в гавань.

Анна залюбовалась морем, которое видела впервые. Она чувствовала соленый запах бурливой воды и слышала крики паривших над головой чаек. Очень скоро она окажется посреди этого холодного серого пространства, будет пересекать узкий пролив, отделявший материковую Европу от Англии. На горизонте виднелось английское побережье.

– Это, мадам, Лантерн-гейт¹⁹, главный вход в город, – сказал ей комендант, указывая вперед, а Сюзанна наклонилась к Анне и перевела. – Городские стены тянутся до замка Ризебанк. Кале находится под властью Англии с тех пор, как его завоевал король Эдуард Третий около двухсот лет назад. К сожалению, это все, что осталось от английских владений во Франции.

– Я уверена, горожане рады быть англичанами, – сказала Анна.

Адмирал заулыбался:

– Так и есть, мадам. И Кале очень важен для его величества, поэтому он не жалеет средств на оборону города. У меня под началом сильный гарнизон, который насчитывает пятьсот отборных солдат, а также кавалерийский отряд в пятьдесят всадников.

Они были уже почти у Лантерн-гейт. Стоявшие в гавани королевские корабли вдруг грянули салютом, казалось, одновременно выстрелили из сотен пушек, а в ответ раздался залп из города, который длился дольше. Грохот стоял оглушительный.

– Какой восхитительный прием! – крикнула Анна матушке Лёве и Сюзанне. Высунувшись из окна кареты, она поблагодарила коменданта.

– Это сделано по личному распоряжению короля, мадам, – сказал он ей, – которое я выполнил с большим удовольствием.

¹⁹ *Лантерн-гейт* (букв. Ворота с маяком); фр. *Tour de Guet* (Сторожевая башня) – построенная в 1214 или 1229 г. Филиппом I, графом Булонским как часть фортификационных сооружений Кале каменная башня высотой 39 метров с узкими воротами внизу; использовалась в разное время как часовая башня, голубятня для почтовых голубей, пожарная каланча с набатным колоколом, маяк, телеграфная станция и наблюдательный пункт; сильно пострадала во время Второй мировой войны; воссоздана и существует до настоящего времени.

– Ваша милость, вы видите корабль вон там? – спросил Анну адмирал. – Это «Лев», он отвезет вас в Англию.

Корабль был украшен множеством шелковых с золотом флажков, а три стоявших рядом на якоре судна увешаны вымпелами, большими и маленькими флагами, на концах рей встали матросы. Когда Анна проезжала через Лантерн-гейт, корабельные пушки выпустили еще один оглушительный залп салюта, а когда появилась с другой стороны, то все вокруг заволокло таким густым дымом, что ни один человек из ее свиты не мог разглядеть другого. Люди кашляли и были потрясены увиденным.

– С каждым шагом все чудеснее, милорд! – заметила Анна, как только смогла говорить.

– Вы позволите представить вам мою супругу, ваша милость? – спросил комендант, когда Анна спустилась на землю из кареты. Значит, вот она – амбициозная леди Лайл! Это была гордая матрона с изящной фигурой и длинным аристократическим носом.

– Добро пожаловать в Кале, ваша милость, – громко сказала леди Лайл.

Анна протянула ей руку в перчатке для поцелуя.

Лорд и леди Лайл повели шедшую во главе свиты и рядом с адмиралом Анну по узким улицам, забитым людьми, которые вытягивали шеи, чтобы хоть краешком глаза увидеть свою новую королеву. По обеим сторонам выстроились в шеренги и поддерживали порядок пятьсот солдат в королевских ливреях.

Анна заметила, что некоторые зеваки со смехом указывали на ее немецких фрейлин.

– Почему они смеются? – спросила она, стараясь не выдать, как это раздосадовало ее саму.

Адмирал заметно смутился и ответил:

– Просто не умеют себя вести. Прошу вас простить их. Мадам, вы скоро узнаете, что английский народ может быть ограниченным и недалеким. Они считают все чужое странным и, кажется, находят что-то чудное в нарядах ваших дам. Не обращайтесь на них внимания.

Анна оглянулась на своих фрейлин в строгих черных платьях и *Stickelchen*; их одежда походила на ее платье с той лишь разницей, что на ней был черный бархат с отделкой из золотой парчи. Разумеется, городской люд не осмелится насмехаться над ней! Однако Анна беспокоилась, что роскошный гардероб, которым снабдила ее мать, не понравится англичанам.

Комендант показывал ей красивейшие здания Кале: прекрасную церковь Святой Марии, великолепную ратушу с башней, возвышавшейся над рыночной площадью, и здание купеческой гильдии «*Степл инн*». Перед ним выстроились купцы, которые преподнесли Анне толстый кошель с сотней золотых суверенов. Она от души поблагодарила их, и процессия двинулась дальше ко дворцу Казначейства, где ей предстояло остановиться. Там мэр Кале с низким поклоном вручил гостье еще один тяжелый кошелек с золотыми монетами и украшение в виде латинской буквы «С».

– Это означает Кале²⁰, ja?²¹ – спросила Анна.

– Нет, мадам, – сказал переводчик, – это означает Клеве²² в честь вашей милости.

Анна благодарно улыбнулась. Сейчас было не время указывать на ошибки в правописании.

Дворец Казначейства имел два внутренних двора и был красиво обставлен. Запах краски еще не выветрился, на полах лежала свежая подстилка из тростника. После того как лорды и мэр отвели Анну в покои королевы и пообещали быть к ее услугам все время подготовки к

²⁰ Название города Кале по-французски пишется *Calais*.

²¹ Да (*нем.*).

²² Клеве латиницей пишется *Kleve*.

отплытию в Дувр, она в изнеможении опустилась на постель, а ее дамы засуетились вокруг, разбирая и раскладывая по местам вещи.

– Не нужно распаковывать много, – сказала им Анна. – Я надеюсь отправиться в Англию через день или два.

Доктор Уоттон предлагал ехать сегодня, но было уже слишком поздно, и она не могла разочаровать своих щедрых хозяев, покинув Кале так сразу.

Анна встала и осмотрела прекрасные апартаменты, состоявшие из четырнадцати комнат, соединенных галереей с видом на личный сад. Дверь, сейчас запертая, вела из ее спальни в покои короля. Повсюду были начертаны инициалы «А. R.», заявлявшие всему миру о ее королевском статусе, однако, приглядевшись внимательнее, Анна обнаружила, что позолота на некоторых потрескалась. Они совсем не были новыми. Эти комнаты принадлежали покойной королеве Анне. Останавливалась ли она в них когда-нибудь? Анна поехала.

Вдруг она почувствовала себя очень одинокой и затосковала по дому. Вот бы рядом были мать и Эмили, они бы весело поболтали с сестрой, и она бы немного развеялась. Анна поймала себя даже на том, что скучает по суровым наставлениям Вильгельма. Как ужасно никогда больше не увидеть родных. Если это будет в ее власти, она с ними встретится, обязательно встретится.

Но нельзя ей погрязнуть в жалости к себе. Ее жизненный путь определен. Какой смысл предаваться печали?

– Давайте выпьем вина! – предложила она своим дамам. – Анастасия, налейте нам, пожалуйста.

Взяв наполненный кубок, Анна вернулась в галерею. Там висели картины, закрытые шторами для защиты от солнечного света, проникавшего внутрь сквозь решетчатые окна. Сегодня небо было серым, его затянули облака.

Отдернув занавески, Анна обнаружила вставленную в раму карту Кале, вычерченную с большим искусством. Глаза ее расширились, когда она раздвинула шторы на соседней картине и увидела портрет великолепно одетого красавца-мужчины с коротко подстриженными волосами, аккуратной бородкой, веселыми глазами и легкой улыбкой на устах. На золоченой раме внизу было вырезано: «Король Генрих Восьмой».

Анна глядела на портрет как завороженная. Перспектива замужества мгновенно стала казаться ей восхитительной. Она могла полюбить этого человека, сомнений у нее не было. Его доброта и забота о ее комфорте вполне совпадали с впечатлением от этого портрета. Вот если бы она увидела изображение короля Генриха раньше, то не колебалась бы... Анна быстро вернулась в спальню.

Скорее бы в Англию. Ждать больше не было сил.

Вечером повидаться с ней пришел адмирал. Она встретила с ним в своем приемном зале.

– Надеюсь, ваша милость хорошо поужинали? – осведомился он.

– Оленина была вкуснейшая, милорд, – ответила Анна.

– Я написал его величеству о прибытии вашей милости, – продолжил адмирал. – И воспользовался случаем похвалить превосходные качества, которые нашел в вас. Молюсь, чтобы ваш союз был благословлен детьми и, если что-нибудь случится с моим господином, не дай Бог, мы имели бы отпрыска королевских кровей, который будет править нами.

– Я об этом тоже молюсь, – отозвалась Анна, тронутая и одновременно встревоженная его словами.

Как она перенесет беременность в этой чужой стране и со странным мужем? Но большинству принцесс приходилось справляться с такими проблемами, и король, конечно, будет рад, если молодая жена родит ему ребенка. Она и сама обрадуется не меньше и младенцу, и

открытию заново тех радостей, которые испытала с Отто, занимаясь тем, что предназначено Господом для продолжения рода. На сердце у Анны потеплело от мыслей о том, какой будет любовь с ее прекрасным королем. И ее ждет еще одна радость. Потеряв одного ребенка, она обретет в другом утешение, которое было ей так нужно.

– Его величество ждет не дождется приезда вашей милости в Англию, – говорил меж тем адмирал.

– Я тоже жажду встречи с его величеством, – с улыбкой ответила Анна.

– Мне приказано сопровождать вас туда как можно скорее. У меня есть прогноз по приливам, составленный на ближайшую неделю. Вечерние приливы нам не годятся, потому что высаживаться на берег ночью непросто. Поэтому, с согласия вашей милости, нам нужно быть на борту готовыми к отплытию в четыре часа утром во вторник.

– Я буду готова, – пообещала Анна.

И да пошлет им Господь попутный ветер и хорошую погоду!

В понедельник вечером адмирал явился снова, вид у него был встревоженный.

– Ветра нет, мадам. Мы не сможем отплыть завтра. Мне очень жаль.

– Как вы думаете, получится у нас выйти в море на следующий день? – спросила она, досадуя на очередную отсрочку.

– Надеюсь. А я тем временем организую кое-какие развлечения для вашей милости, чтобы вы немного развеялись, пока задерживаетесь здесь.

– Вы очень добры, милорд.

После ужина адмирал повел Анну, леди и лордов из ее свиты смотреть корабли и устроил для нее банкет на борту «Льва», где подавали марципаны, желе, печенье и засахаренные фрукты. После этого в честь почетной гостьи были устроены поединки. Смотреть, как отважные конные рыцари, одетые в костюмы своих геральдических цветов, сшибаются друг с другом на турнирной площадке, было увлекательно и страшно, дух захватывало при звоне скрежетаемых копий. Английские лорды вызывали на поединки немецких. Анна увидела цвета Отто фон Вилиха и, когда он появился на поле, задержала дыхание; снова вдохнула она, только когда Отто вышел победителем. При дворе Клеве редко устраивали рыцарские турниры, но доктор Уоттон заверил Анну, что в Англии они очень популярны и вскоре она увидит новые.

– Его величество – один из величайших поклонников турниров.

Анну это впечатлило, ведь королю уже сорок девять, а все бойцы, которых она видела сегодня, – молодые люди. Приятно было узнать, что ее будущий супруг в хорошей форме.

К пущему разочарованию Анны, погода оставалась неблагоприятной во вторник, и адмирал демонстрировал все признаки беспокойства из-за своей неспособности выполнить приказания суверена.

– Я снова написал его величеству, – сообщил он Анне утром в среду. – Разумеется, он понимает, что людям не под силу управлять морем, но отсрочка расстраивает его. Я распорядился, чтобы семеро джентльменов следили за погодой и немедленно дали мне знать, как только сложатся подходящие для мореплавания условия. Надеюсь, погода и ветер позволят нам совершить переход в Англию завтра.

– Я тоже на это надеюсь, – отозвалась Анна.

– Как только погода наладится, я прикажу трубить в трубы. Ваша милость, вы можете быть готовой к отплытию, как только услышите сигнал?

– Я буду готова к отъезду немедленно. Мне не терпится попасть в Англию!

Их беседу прервал церемониймейстер, сообщивший о прибытии лорда и леди Лайл. Адмирал встал.

– Приветствую вас, ваша милость. У миледи имеется две просьбы к вам, – сказал комендант Кале.

Леди Лайл с надеждой смотрела на Анну:

– Мадам, у меня есть дочери от первого мужа, милые девушки, и обе так хотят поступить на службу. Старшей, Анне, повезло, ей дали место при дворе вашей милости, но мне не удалось обеспечить место для младшей, Кэтрин, а им так жаль разлучаться...

– Леди Лайл, – оборвала ее Анна, – я все понимаю, но такие вопросы должна обсуждать с его милостью королем.

– Бедняжка Кэтрин так расстроилась, – продолжила причитать леди Лайл, как будто не слышала сказанного.

– Я постараюсь, – твердо пообещала Анна. – Вам нужно что-нибудь еще, миледи?

– О да! – Ее светлость расплылась в улыбке. – Не окажет ли ваша милость нам честь отужинать с нами сегодня вечером?

Анне меньше всего хотелось этого. Взглянув на адмирала, она прочла в его глазах намек на сочувствие.

– Вы очень добры, и я благодарю вас обоих, – сказала Анна, не желая обижать лорда и леди еще одним отказом.

Адмирал и его джентльмены изо всех сил старались развлечь Анну. Они играли для нее на музыкальных инструментах, пели и вели долгие разговоры о великолепии английских королевских дворцов и приготовлениях, которые делались к ее приезду. Должна состояться впечатляющая церемония встречи, – сообщили они Анне, – на которой будет присутствовать вся знать и все самые состоятельные люди королевства.

– Все спешно кинулись шить новую одежду, так что портные не успевали справляться с заказами, – шутливо заметил сэр Фрэнсис Брайан, который всегда имел сардонический вид, и повязка на глазу усиливала это впечатление. – Мой костюм был готов буквально за пару часов до отъезда в Дувр.

Анне вновь стало неловко, что ее приезд вызвал такую суматоху. По совету доктора Уоттона она объявила, что будет держать открытый двор. Все желающие могли приходить к ней, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

– Я хочу лучше узнать подданных милорда короля, – сказала она.

Ей хотелось порадовать Генриха, дать ему повод для любви к себе. Целыми днями Анна сидела с Сюзанной, пытаясь постичь сложности английского языка.

– Почему *bough*, *cough* и *rough* пишутся одинаково, кроме первой буквы, но произносите вы их по-разному? – спрашивала она, недоумевая.

– Вашей милости нужно просто запомнить это, – с улыбкой отвечала Сюзанна.

– Никогда мне не одолеть этот английский! – вздыхала Анна.

Но как же тогда она сможет общаться со своим супругом? Не могут же они всегда иметь при себе переводчика!

В свободное время Анна овладевала другими средствами порадовать короля. В тот вечер Анна подошла к доктору Олислегеру:

– Я слышала, его величество любит играть в карты, но меня никогда этому не учили. Пожалуйста, попросите адмирала показать мне несколько игр, которые нравятся королю.

Доктор Олислегер задумался. В Клеве не одобряли карты и другие азартные игры. Однако адмирал с радостью согласился. И вот Анна уже сидела за столом с ним и лордом Уильямом Говардом и осваивала игру в *сент*, а доктор Уоттон, Сюзанна и несколько английских джентльменов стояли рядом. Анне не потребовалось много времени, чтобы запомнить правила.

– Ваша милость, вы играете так же прекрасно, как любая другая благородная дама, какую я видел за этим занятием, – сделал ей комплимент адмирал.

Анна поймала себя на том, что ей очень нравится играть, особенно после того как на стол подали отличное французское вино. Вспоминая, как в Клеве она развлекала избранных гостей, Анна решила, что сегодня пригласит на ужин этих славных джентльменов, которые так скрасили ее день.

– Милорд, – обратилась она к адмиралу, – не доставите ли вы мне удовольствие отужинать со мной сегодня вечером, и приводите с собой каких-нибудь благородных джентльменов, чтобы они присоединились к нам. Я получу возможность больше узнать о правилах, которые вы, англичане, соблюдаете за столом.

Она что-то сказала не так. Анна поняла это по тишине, которая воцарилась среди веселого собрания, и по тому, как изменились лица мужчин, когда доктор Уоттон перевел ее слова. Сюзанна подавала ей тревожные сигналы глазами.

– Мадам, – помолчав, сказал адмирал, – прошу у вас прощения, но боюсь, это считается в Англии не подходящим для незамужней дамы, еще меньше – для королевы, приглашать джентльмена на ужин. Я не стал бы ни за что на свете вызывать гнев его величества, принимая ваше милостивое приглашение, не обижайтесь на мой отказ.

Анна смутилась и повернулась к доктору Уоттону:

– Думаю, возникло какое-то недопонимание. Пожалуйста, повторите мое приглашение и объясните милорду, что в Клеве принято, чтобы незамужняя дама приглашала джентльменов за стол, и что мои отец и мать поощряли это.

После того как Уоттон перевел, адмирал учтиво принял приглашение и привел с собой на ужин восемь других джентльменов. Анне нравилось исполнять роль хозяйки. До сих пор ей не доводилось принимать столько гостей и пытаться очаровать их. Еда была превосходная, и с помощью Сюзанны разговор, как и вино, тек рекой.

Позже, когда адмирал собрался уходить, Анна задержала его.

– Милорд, было ли в нашем милом ужине что-то такое, чего не одобрил бы его величество? – игриво спросила она.

– Мадам, ничего такого не было. Я сообщу его величеству, что ваша благосклонность к нам и ваше безупречное поведение достойны всяческих похвал.

Через два дня они все еще сидели в Кале. Ветер окреп, но приобрел такую силу, что теперь было опасно выходить в море.

– Нам остается только надеяться, что он утихнет, – сетовал адмирал. – Некоторые отчаянные капитаны решаются плыть в такую погоду на свой страх и риск. Я слышал, сегодня старый голландский корабль пропал в море недалеко от Булони.

– Какой ужас! – вздохнула Анна. – Если так пойдет, я не выйду замуж до Рождества. Надеюсь, король не рассердится.

– Вовсе нет, – заверил ее адмирал. – Он рассердится гораздо больше, если мы подвергнем опасности вашу жизнь, пустившись в плавание. К счастью, ветер благоприятствует тем, кто идет в обратном направлении, и гонец из Англии сумел добраться сюда, хотя это было опасно. Его величество получил мои письма. Хотя он жаждет скорейшего прибытия вашей милости, но воспринимает отсрочку спокойно и от души желает, чтобы я ободрил вас и вашу свиту.

Это было еще одно свидетельство заботы о ней короля.

– Я благодарю его величество, – сказала Анна, воспрянув духом. – И глубоко признательна ему за его доброту.

Адмирал и комендант охотно взялись выполнять пожелание короля. В дни, предшествующие Рождеству, устраивали пиры и турниры для утешения и развлечения Анны. В рождественскую ночь, когда ей и многочисленным гостям подали вино с пряностями и вафли, неожиданно появился ликующий адмирал.

– Ваша милость, – провозгласил он, – ветер меняется.

Наконец в полдень 27 декабря адмирал под звук фанфар проводил Анну на борт «Льва». Находиться на корабле было странно и немного боязно от сознания, что палуба качается под ногами и внизу – морская бездна, но Анна поборолла страх. Через несколько часов она будет в Англии, где ее ждет король.

Капитан корабля почтительно приветствовал ее, и вместе с Сюзанной, шедшей следом в качестве переводчицы, важную пассажирку проводили в отведенную ей очень красиво отделанную каюту с дубовыми панелями на стенах и широким решетчатым окном с видом на море. Адмирал посоветовал Анне оставаться здесь во время перехода.

– Моряки суеверны относительно женщин на борту, – сказал он ей, но она махнула рукой.

– Я немного нервничаю в море, милорд. И предпочла бы находиться на палубе, чтобы наблюдать за происходящим.

Адмирал замялся.

– Хорошо, мадам. Но если возникнут сложности, капитан попросит, чтобы вы вернулись в каюту.

Он проводил ее и Сюзанну обратно на палубу, где некоторые члены ее свиты ждали, пока их отведут в каюты. Остальные плыли на других судах, сопровождавших «Льва» в Англию, а таких было пятьдесят. Анна стояла с Сюзанной у левого фальшборта и смотрела, как поднимают якорь. В нескольких футах от нее находилась женщина, закутанная в зеленую накидку, с ней был один из солдат эскорта. Видя, что Анна смотрит на нее, женщина сделал реверанс.

Анна улыбнулась ей и сказала:

– Вы были с леди Лайл у Лантерн-гейт, когда меня встречали в Кале, верно?

– Была, ваша милость, – ответила женщина; она была англичанкой лет около сорока, с темными волосами, узким лицом и заостренным подбородком.

– Вы были в ее свите?

– Нет, мадам. Мой муж – солдат в гарнизоне Кале, но теперь он получил должность при дворе в гвардии короля, поэтому мы возвращаемся в Англию.

– И вы?..

– Мистресс Стаффорд, мадам. – Женщина снова сделала реверанс.

Анна заметила, что Сюзанна, переводившая разговор, холодно смотрит на ее новую знакомую.

– Вы долго пробыли в Кале?

– Последние пять лет, и даже больше, мадам.

Корабль отчаливал. Ветер надул паруса, и судно грациозно отошло от пристани. К ним присоединился адмирал.

– Корабль движется так мягко, – с надеждой произнесла Анна.

– Обычно это так, пока он в гавани, мадам.

Когда они вышли в море, плавание пошло уже не так гладко. «Лев» сразу начал раскачиваться на волнах. Анну затошнило, и она испугалась, не зная, как вынесет качку.

– Сколько нам идти до Англии? – спросила она.

– При таком хорошем ветре, как сейчас, мадам, к вечеру мы будем в Дувре.

Адмирал вовсе не казался озабоченным, из чего Анна заключила, что корабль идет нормально, и попыталась подавить нарастающую внутри панику. От качки она шаталась, спотыкалась, и ей приходилось хвататься за фальшборт, чтобы удержаться на ногах. Ах, но принцессе Клеве не годится терять лицо.

– Простите меня, мадам, но я лучше пойду в женскую каюту, – сказала мистресс Стаффорд и удалилась.

– Скоро ваши ноги привыкнут, – улыбнулся адмирал.

Анне верилось в это с трудом.

– Думаю, я тоже лучше отправлюсь к себе, – сказала она и пошла в каюту вместе с Сюзанной. Не успела посеревшая лицом матушка Лёве закрыть за ними дверь, как Сюзанна сказала:

– Вы знаете, кто эта женщина, мадам?

– Нет, – ответила Анна. – А я должна?

– Это Мэри Болейн, сестра почившей королевы. У нее дурная репутация. Она с позором покинула двор, после того как вышла замуж за солдата Стаффорда. Королева Анна не одобряла этот брак, потому что жених был намного ниже Мэри по статусу и без гроша. Она упростила королю прогнать их. Мэри никогда больше не видела королеву Анну.

– Тяжело ей, наверное, жить с воспоминаниями о том, что сделали с ее сестрой. Почему у нее дурная репутация?

Корабль снова накренился. Анна быстро села на кровать, а Сюзанна схватилась за дверную ручку, чтобы не упасть.

– Мэри свободно дарила свою благосклонность, – фыркнула она. – Лучше, чтобы вашу милость не видели в обществе этой женщины.

Матушка Лёве качала головой, неодобрительно поджав губы.

– Надеюсь, этого не произойдет, – сказала Анна. – Она ведь не появится при дворе?

– Нет, мадам. Для нее там нет места.

Вот и хорошо. Анна выглянула в окно, французский берег удалялся. Далеко за ним оставался Клеве и все те, кого она любила, но впереди ее ждал король Генрих.

Анна легла и стала молиться, чтобы море немного утихло. Как ужасно, когда вас швыряет из стороны в сторону без всякого ритма. Ей хотелось, чтобы время шло побыстрее, хотелось снова оказаться на твердой земле, а не быть отданной на милость безжалостной морской пучины. Адмирал сказал, что она привыкнет, но пока этого не произошло. Оставалось только лежать и молить Господа и Его Святую Матерь, чтобы они сохранили путешественников живыми и невредимыми.

Было темно, когда на пороге каюты появился адмирал и сообщил, что ветер отнес их к северу от Дувра, но скоро они высадятся на берег недалеко от города Дил. Более приятных слов Анна в жизни не слышала.

Она рассчитывала находиться на палубе, когда впервые увидит Англию, однако, посмотрев в окно, ничего не смогла разглядеть, кроме нескольких далеких огней во тьме.

– Давайте-ка лучше подготовим вашу милость к прибытию, – сказала матушка Лёве и подозвала Гербергу с Анастасией. Обе они выглядели зелеными и едва держались на ногах от слабости. Герберга расчесала Анне волосы и заново заплела косы, надела на нее *Stickelchen* и прошлась щеткой по черному бархатному платью своей госпожи. Анастасия, пошатываясь, зачерпнула воды из бочки и плеснула ее в серебряный таз, чтобы Анна умыла лицо и руки. Матушка Лёве принесла украшения и подбитую соболиным мехом накидку.

Снаружи доносились крики моряков. Качка постепенно утихла, что принесло долгожданное облегчение.

В дверь постучал адмирал.

– Мадам, мы достигли берегов Англии! – Он одобрительно взглянул на Анну. – Если мне будет позволено заметить, ваша милость, вы выглядите до кончиков ногтей королевой. Давайте поспешим, лодки уже готовы.

Лодки? Неужели, только что пройдя одно испытание, ей придется столкнуться с новым? Похоже, что да. Капитан ждал ее, чтобы помочь сесть в гребную шлюпку, которую потом через борт судна на веревках опустят на воду. Анна поблагодарила его за благополучную доставку в Англию, потом собралась с духом и залезла в утлый челн. К счастью, недолгая поездка оказалась спокойнее, чем она предполагала.

– Эти холмы называются Даунс, мадам, – объяснял по пути адмирал, – и они дают хорошее укрытие для якорной стоянки. А вон там, в море, расположены коварные Гудвиновы пески,

где погибло много кораблей. Признаюсь, я немного волновался, когда нас отнесло ветром к северу, но капитану удалось привести нас сюда без происшествий.

Анна перекрестилась. А что, если бы не удалось?

Береговые огни стали заметно ближе.

– Где мы?

– Это Дил, мадам. – (Вдалеке церковный колокол пробил пять раз.) – Мы прибыли вовремя. – Адмирал улыбнулся.

Матросы подгребли к берегу и помогли Анне сойти на сушу. Какое облегчение – снова стоять на твердой земле. Пока мужчины подавали сигналы, к ним на полном скаку приближался всадник, а за ним мчался галопом еще один с факелом в руке. Подъехав, он буквально соскочил с седла.

– Это ее милость королева? – задыхаясь, спросил мужчина.

– Да, сэр. – Анна напрактиковалась приветствовать людей по-английски. – Я очень рада наконец оказаться в Англии.

Незнакомец припал на колено, поцеловал ей руку, после чего встал.

– Сэр Томас Чейни, лорд-хранитель Пяти портов²³, к вашим услугам. Добро пожаловать, мадам, от имени короля! Милорд адмирал. – Он снова поклонился. – Мы подумали, что вы пристанете здесь, когда не увидели вас в Дувре.

Следом за ним подъехала целая кавалькада всадников. Вскоре на берегу собралось множество людей, которые приехали встречать Анну.

– Мадам, здесь холодно, – сказал сэр Томас. – Давайте не будем задерживаться. Пойдемте, я провожу вас в замок.

Карету Анны сгрузили с корабля. Она забралась в нее вместе с Сюзанной и в сопровождении процессии проделала короткий путь вдоль берега к замку Дил.

Сэр Томас извинился за то, что замок не подготовлен к ее приезду.

– Это крепость, мадам, построенная его милостью для защиты королевства на случай вторжения французов. Но вы, по крайней мере, сможете освежиться здесь, прежде чем мы отправимся в Дувр.

Когда Анна вошла в приземистый, похожий на цветок с шестью полукруглыми лепестками форт, ее поразила суровая простота внутреннего убранства. Но в помещениях было чисто, а на кухне шла готовка. Для угощения нежданной гостьи на стол выставили разные сласти и засахаренные фрукты, и Анна, не евшая ничего с завтрака, с аппетитом принялась за них, запивая лакомства пряным вином, которое англичане называли *гиптокрас*.

Только она успела слегка перекусить, как доложили о прибытии герцога Саффолка. В комнату вошел дородный, роскошно одетый мужчина с белой бородой лопатой и крупным носом; он поклонился и поцеловал Анне руку.

– Добро пожаловать в Англию, ваша милость, – сказал герцог, окидывая ее взглядом знатока. – Надеюсь, переход через Канал прошел удачно. Я прибыл с епископом Чичестера, рыцарями и леди, чтобы сопровождать вас в Дуврский замок.

Анна улыбнулась. Снова надев накидку, она прошла следом за Саффолком через подъемный мост. Большинство членов ее свиты, включая доктора Олислегера, доктора Уоттона, матушку Лёве и Отто фон Вилиха, уже высадились на берег и ждали ее среди толпы английских придворных и солдат. Все смотрели на Анну.

Она снова села в карету. Закончится ли когда-нибудь эта поездка?

В темноте они проехали около девяти миль, и наконец Анна увидела выставшую впереди могучую крепость на вершине высокой скалы у самого моря.

²³ Лорд-хранитель Пяти портов (англ. Lord Warden of the Cinque Ports) – одна из важнейших официальных церемониальных должностей в Великобритании, существующая с XII в.

– Впереди Дуврский замок! – крикнул кто-то.

Процессия поднималась все выше и выше, наконец они проехали через несколько массивных ворот и оказались в центральном внутреннем дворе замка, ярко освещенном факелами. Здесь находилась Большая башня, где, по словам герцога, Анне предстояло остановиться. Перед башней собралась еще одна толпа людей. Саффолк представил Анне больше сорока лордов и джентльменов, свою молодую жену, миловидную рыжеволосую женщину с живыми глазами и вздернутым носиком, а также других богато одетых леди.

Было уже одиннадцать часов, и Анна устала. Герцогиня Саффолк и английские дамы – женщины из свиты Анны шли следом – отвели гостью по винтовой лестнице в ее покои, которые были обставлены со всеми возможными роскошью и удобством, какие позволяло это древнее здание.

Огромные сундуки Анны уже доставили, и ее горничные слетелись к ним, чтобы распаковать вещи.

– Думаю, ее милость готова ложиться в постель, – твердо сказала матушка Лёве, и английские леди расступились, давая возможность камеристкам Анны раздеть ее. – Gute nacht!²⁴ – многозначительно произнесла няня.

Герцогиня Саффолк уловила намек и выгнала остальных дам из комнаты.

Анна едва держалась на ногах, пока ее одевали в ночную сорочку. Она была донельзя счастлива, что наконец-то оказалась в постели. И хотя голова шла кругом от английских впечатлений, Анна мгновенно погрузилась в сон.

²⁴ Доброй ночи! (нем.)

Глава 8

1539–1540 годы

Проснувшись Анна свежей и хорошо отдохнувшей. Согласившись на предложение леди Саффолк, она поднялась на крышу и ахнула: какой же потрясающий вид открывался оттуда! День был ясный, морозный, море блестело под низко стоящим солнцем. Анна даже разглядела вдали берег Франции, а вокруг нее расстилалась Англия – зеленая, холмистая, поросшая густыми лесами.

Вернувшись в свои покои, Анна села завтракать. Тут явился доктор Олислегер.

– Рад видеть вас в добром здравии на английской земле, – сказал он с отеческой улыбкой. – Герцог Саффолк, доктор Уоттон и я считаем, что вам и вашей свите необходимо отдохнуть в Дувре весь воскресный день и понедельник.

Анна была рада перерыву в путешествии. Но тем не менее ей не терпелось продолжить путь. Поэтому на следующее утро она вызвала герцога Саффолка и спросила, могут ли они двинуться дальше?

– Мадам, вы смотрели в окно? День ненастный и ветреный.

– Милорд, мне очень хочется поскорее увидаться с королем.

Саффолк грубовато улыбнулся ей:

– Ну тогда, мадам, я с радостью возьмусь сопровождать вас.

Багаж погрузили, снова образовалась длинная процессия, которая, извиваясь змеей, потянулась вниз по дороге с холма и дальше на запад через Кент. Погода была действительно ужасная. Ветер дул нещадно и то и дело распахивал штормовые шторы на окнах. Всю дорогу Анне летели в лицо ледяная крупа и мокрый снег. Герцог и лорд-хранитель ехали верхом по бокам от нее, щеки и носы у них покраснели от холода.

В десяти милях от Кентербери, на известковом холме у местечка Бархэм, их ждал архиепископ; его одеяние хлопало лапами на ветру. При нем находились три других епископа и большое количество хорошо одетых джентльменов из Кента, которые проводили Анну в город. Архиепископ Кранмер оказался очень серьезным и ученым человеком со смуглым печальным лицом. Он вел себя довольно сдержанно, но, несмотря на это, Анна не могла отказать ему в вежливости. А когда прекрасный город Кентербери появился вдали и она, высунувшись из окна, чтобы полюбоваться на него, восхищенно ахнула, пораженная видом высоких шпилей собора, архиепископ, казалось, был этим очень доволен.

Когда они въезжали в городские ворота, уже наступали сумерки; на улицах зажгли факелы. Мэр и знатные горожане приветствовали Анну, раздавался громкий треск пушечных выстрелов.

– Ваша доброта очень радует меня, – сказала она мэру по-английски и была тронута, когда Кранмер вышел вперед и преподнес ей чашу, полную золотых суверенов.

Люди собирались толпами, невзирая на непогоду, чтобы поглазеть, как Анна едет по городу, и она держала на лице улыбку, хотя вокруг свистел ветер и хлестал ледяной дождь. Сразу за городской стеной Кентербери архиепископ провел Анну через гейтхаус древнего монастыря Святого Августина, где она должна была переночевать.

Разумеется, теперь это уже не был монастырь. Вильгельм говорил ей, что король Генрих закрыл большинство английских святых обителей и забрал себе их сокровища. Но очевидно, эту сохранил для себя, превратив во дворец.

– Это самое удобное место для ночлега, – объяснил архиепископ, – так как находится прямо на дороге между Лондоном и Дувром. Дом заметно улучшили к приезду вашей милости. Работы только что закончены.

Крыло, предназначенное для новой королевы, располагалось под прямым углом к королевскому, было выстроено из кирпича и дерева и покрыто черепичной крышей. На пересечении крыльев, как объяснил Кранмер, когда-то находилась часовня настоятеля, а теперь – Королевская часовня.

– Это было одно из первых аббатств в Англии, – сказал Кранмер. – Его основал в шестом веке сам святой.

Анне подумалось, пережила ли религиозные реформы короля гробница Святого Августина? Но спрашивать не стала.

В большом покое, комнате просторной и великолепной, ее встретили сорок или пятьдесят фрейлин. Анна тепло поздоровалась с ними, теперь уже достаточно уверенная в себе, чтобы сделать это по-английски.

– Я так рада видеть подданных его величества, которые пришли встречать меня с такой любовью, что сразу забыла о дурной погоде.

Анна в изумлении осмотрела свои новые апартаменты. Каминные полки, стены были оштукатурены и побелены, а стрельчатые окна, разделенные узкими колоннами, остеклены витражами с изображениями ее геральдических знаков рядом со знаками короля. На стенах приемного зала и зала дежурной стражи нарисовали ее фамильные гербы. В комнатах пахло углем, который жгли в каминах, чтобы просушить штукатурку и краску.

Вечером архиепископ устроил пир в приемном зале короля, и когда вечер был в разгаре и кубки заново наполнили вином, хозяин торжества вдруг проявил неожиданное остроумие. Анна приятно проводила время и начала расслабляться.

– Все поют хвалы вашей милости, – сказал ей Кранмер. – Признаюсь, меня немного тревожило намерение короля жениться на леди, которая не говорит по-английски, но, увидев вашу милость воочию и услышав, как далеко вы продвинулись в овладении нашим языком, я перестал сомневаться. Вы вели себя безупречно.

– Благодарю вас, милорд.

Кранмер льстил ей, она это знала, потому что ее английский оставлял желать много лучшего, но все же почувствовала себя счастливой, как и полагалось невесте.

Осталось совсем немного, и она встретится лицом к лицу со своим супругом королем!

На следующий день Анна покинула Кентербери и поехала в маленькую деревушку Ситтингборн.

– Там мы не задержимся надолго, – сказал ей герцог Саффолк, когда они ехали по улице, застроенной милыми коттеджами. – Поблизости нет ни одного королевского дома, поэтому вашей милости придется устроиться в гостинице. Она превосходная, и многие короли и королевы в прошлом останавливались там по пути в Дувр или обратно.

Анне «Красный лев» очень приглянулся: низкий потолок с толстыми балками, выложенный кирпичом пол и добродушный хозяин, который всячески старался угодить важной гостье. Он подал ей отличный ужин, состоявший из сочного ростбифа и яблочного пирога, запитого двумя кружками местного эля, который Анна захотела попробовать, и он пришелся ей по вкусу. Бог знает, где заночевала ее свита и английский контингент. Наверное, их расквартировали по домам на много миль вокруг!

После ужина Анна пригласила доктора Уоттона присоединиться к ней в гостиной и предложила ему эля, который тот с благодарностью принял, сказав:

– Вашей милости приятно будет узнать, что король официально встретится с вами через четыре дня в Блэкхите.

Сердце Анны заколотилось от радостного предвкушения. Скоро она увидит его, этого прекрасного мужчину с портрета. Она будет считать часы до этого момента...

Вечером, оставшись в уютной спальне под крышей дома, где стояла резная деревянная кровать с балдахином, Анна изучала свое отражение в зеркале. Понравится ли королю то, что он увидит? Предпочитает он более миниатюрных женщин или ему нравятся пышнотелые? Она едва ли была такой – за последние недели потеряла много веса и боялась, что теперь стала скорее худой, чем стройной. Дорожные неудобства и плохая погода тоже не помогли делу. Нос, казалось, стал длиннее, подбородок заострился. О, к черту все это! Она была почти замужем, и теперь уже ничего не изменить. Король видел ее портрет и был очарован.

В канун Нового года Анна отправилась из Ситтингборна в Рочестер. В двух милях от города, на Рейнхэмском холме, ее встретил герцог Норфолк, солдафон с лицом непробиваемым, как стена, и резкими манерами. За его спиной низко кланялись, стоя под ледяным дождем, два других лорда, несколько рядов всадников и большая группа джентльменов в промокших бархатных костюмах.

– Ваша милость, король поручил мне приветствовать вас и проводить в ваш дом, – пролаял герцог. – Вы проведете там две ночи, это даст вашей милости возможность отдохнуть, а в день Нового года для вас будет устроен праздник и вечером пир. – Голос его звучал недовольно.

Проезжая через толпу рочестерских горожан, жавшихся друг к другу из-за непогоды, Анна раздвинула шторы на окнах и махала людям рукой, не страшась ледяного ветра. Наконец ей помогли выйти из кареты около собора монастыря, который каким-то чудом не был закрыт королем, и проводили во дворец епископа. В нем никто не жил, – объяснил Кранмер. Последний приходской священник, обитавший здесь, увы, совершил измену и был по справедливости наказан.

В главном зале Анну ждала с приветствиями какая-то дама. Это была леди Браун. Поднимаясь из реверанса, она посмотрела на Анну тяжелым взглядом, в котором, казалось, сквозила неприязнь. Анна удивилась, – может, она допустила какую-то оплошность в одежде или в правилах вежливости, – но леди Браун вела себя если и холодно, то вполне корректно, и сообщила, что ее назначили помогать в надзоре за новыми фрейлинами, которые присоединятся к ним в Дартфорде, где будет совершена последняя остановка перед Гринвичем. Анне показалось странным, что эта женщина проявляла такую недоброжелательность к своей королеве. «Вероятно, – милостиво подумала она, – леди Браун сама этого не замечает. Ну ничего, матушка Лёве с ней разберется». Та тоже будет отвечать за фрейлин, и Анна не сомневалась, кто в скором времени получит первенство.

Епископский дворец оказался красивым старым домом, хорошо меблированным, хотя и выглядел заброшенным, словно его сохранили в прежнем виде в память о несчастном последнем обитателе. Как бы то ни было, а в спальне стояла роскошная кровать с красивыми занавесками, которая затмевала все остальное.

– Это одна из лучших кроватей его величества, – сообщила леди Браун. – Он приказал, чтобы ее привезли сюда для вас.

– Как он добр, – сказала Анна, снова тронутая заботливостью короля.

Часть спальни, очевидно, служила кабинетом, здесь стояли стол и книжные стеллажи, сейчас совершенно пустые. Покойный епископ, вероятно, был человеком большой учености, потому что в доме имелось еще два отдельных кабинета и две галереи, уставленные шкафами, полными книг; к некоторым были приделаны цепочки, как в публичной библиотеке. Комнаты Анны тянулись вдоль трехстороннего двора, позади которого находился сад. В свое время этот дворец, вероятно, был прекрасен, но время это, судя по всему, давно прошло.

– Здесь холодно, – сказала Анна, дрожа в своей накидке.

В очаге весело потрескивал огонь, окна были завешены плотными шторами. Тем не менее ночью постельное белье казалось ей сырым. Сюзанна, лежавшая на соломенном тюфяке в ногах постели Анны, почувствовала то же самое.

– Это особенность места, мадам, – тихо проговорила она в темноте. – Море близко, и берег болотистый.

Анна свернулась в клубок под одеялом и спросила:

– Что случилось с епископом Рочестера?

Сюзанна заколебалась.

– С Фишером? Ему отрубили голову, мадам, за отказ признать короля главой Церкви и одобрить брак его милости с королевой Анной. Епископа казнили примерно в то же время, что и сэра Томаса Мора, пять лет назад.

Анна много слышала о Море от отца и Вильгельма, потому что тот был большим другом Эразма и уважаемым во всем мире ученым. Она, как и вся Европа, была потрясена известием о его ужасной кончине.

– Они не хотели признавать Анну Болейн королевой, – пробормотала Анна, – и тем не менее не прошло и года, как король и ей тоже отрубил голову. Как поворачивается колесо Судьбы.

Господи, не допусти, чтобы оно и для меня повернулось в ту же сторону!

Она вздохнула:

– Это не похоже на канун Нового года. В Клеве сейчас пируют и слушают музыку.

Тихий ужин с двумя герцогами и Кранмером прошел немного напряженно. Трое мужчин: один спокойный и ученый, другой грубый и туповатый, третий высокомерный и неприступный – не составляли душевной компании.

– Здесь мы тоже так делаем, мадам, – отвечала Сюзанна. – Но так как вы прибыли поздно и погода ужасная, это нелегко было организовать. Праздник будет завтра.

– Трудно поверить, что наступит тысяча пятьсот сороковой год, – сказала Анна. – Будем надеяться, он принесет нам счастье.

К вечеру в день Нового года дождь вдруг прекратился, и под окном Анны устроили травлю быка. Она смотрела сквозь зеленоватое стекло, за спиной у нее толкались камеристки. Центральная часть двора была обведена веревками, многие люди из свиты Анны стояли за кордоном или у других окон, предвкушая грядущую битву. Анна заметила, что зрители передают друг другу деньги. Наверное, они делали ставки на победителя.

Украшенного разноцветными лентами быка провели по арене и прицепили цепью с железным кольцом к крепкому шесту в центре площадки.

– У собаки цель – вцепиться быку в нос и не отпускать, – объяснила Сюзанна. – Нос – самая уязвимая часть тела у быка. Бык, конечно, будет пытаться сбросить с себя собаку. Многие псы погибают.

– Это популярная забава в Англии? – спросила Анна, которой было жаль и быка, и собаку, огромного мастифа, которого привели во двор под громкие крики. Пес выглядел разъяренным, из пасти у него текла слюна.

– Да, мадам.

Тут как раз паж объявил о приходе сэра Энтони Брауна, супруга леди Браун. Высокий мужчина с ястребиным носом и тяжелыми веками вошел в комнату и поклонился. Казалось, он на мгновение растерялся, когда поднялся из поклона и посмотрел на Анну. «Что со мной не так?» – в смятении подумала она.

Тем не менее сэр Энтони повел себя учтиво, в отличие от своей жены.

– Ваша милость, скоро прибудет джентльмен из Тайного совета его величества с новогодним подарком от короля.

– Это большая милость со стороны его величества, – сказала Анна и улыбнулась.

Сэр Энтони ушел, и она вернулась к окну. Собака кружила вокруг привязанного к шесту быка, готовясь к прыжку. Когда скачок был совершен, раздался коллективный вздох стоявших

у окон зрителей. Однако бык боднул пса и отшвырнул его в сторону. Пес поднялся, окровавленный, но не напуганный, и снова стал готовиться к броску.

– Мадам, – шепнула на ухо Анне Сюзанна, – тут несколько джентльменов, которые хотят познакомиться с вами.

Анна неохотно оторвала взгляд от забавы, повернулась и увидела восьмерых кланявшихся ей мужчин в одинаковых глянцеvitых крапчатых куртках с капюшонами. Что это за шутка? И почему она ощутила, что эти люди взволнованы? Отчего у Сюзанны такой ошарашенный вид?

Один из джентльменов, высокий полный мужчина с редящими рыжими волосами, красными щеками, римским носом и чопорным тонкогубым ртом, напряженно всматривался в нее. Вдруг он без предупреждения шагнул вперед и, к ужасу Анны, обнял ее и поцеловал. Она разозлилась. Как смеет этот наглец так фамильярничать с ней?! Король узнает об этом!

Отшатнувшись от кислого, тошнотворного запаха пота и еще чего похуже, Анна изумилась, обнаружив, что остальные джентльмены не находят в поведении своего сотоварища ничего предосудительного и широко улыбаются. Она сердито взглянула на своего обидчика, но тот отвернулся и как раз забирал у одного из своих приятелей небольшой ларец из слоновой кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.